

· ISSN 2541-7509 ·

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№8, 2021

Сетевое издание
Электронный научный журнал

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Научный журнал

Издание основано в 2016 г.

Периодичность – выходит 12 номеров в год.

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС77-79466 от 02.11.2020, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Редакционная коллегия

Барин Дмитрий Николаевич, (главный редактор) д-р филос. наук, проф. (Смоленск); *Артюхов* Юлия Васильевна, д-р филос. наук, проф. (Волгоград); *Гаранина* Ольга Денисовна, д-р филос. наук, проф., (Москва); *Никольский* Владимир Святославович, д-р филос. наук, проф., (Москва); *Руженцев* Сергей Евгеньевич, д-р филос. наук, доц. (Воронеж); *Счастливец* Елена Анатольевна, д-р филос. наук, проф. (Киров); *Шитов* Сергей Борисович, д-р филос. наук, проф., (Москва); *Макаров* Сергей Николаевич, д-р соц. наук, проф. (Смоленск); *Тужба* Эмир Нодариевич, д-р социол. наук, доц., проф. (Краснодар); *Гавриленков* Алексей Федорович, д-р истор. наук, канд. филос. наук, проф. (Смоленск); *Итунина* Нина Борисовна, канд. филос. наук, проф. (Смоленск); *Берестнев* Геннадий Иванович, д-р филол. наук, проф. (Калининград); *Доманский* Юрий Викторович, д-р филол. наук, проф., (Москва); *Карпухина* Тамара Петровна, д-р филол. наук, проф. (Хабаровск); *Архипова* Ирина Викторовна, канд. филол. наук, доц. (Новосибирск); *Стройков* Сергей Александрович, канд. филол. наук, доц. (Самара); *Далингер* Виктор Алексеевич, д-р пед. наук, проф., (Омск); *Колесов* Владимир Иванович, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург); *Микерова* Галина Георгиевна, д-р пед. наук, проф. (Краснодар); *Фоменков* Анатолий Иванович, канд. пед. наук, доц. (Смоленск); *Шендерей* Павел Эдуардович, канд. пед. наук, доц. (Тольятти); *Казданян* Сусанна Шалвовна, канд. психол. наук, доц., (Ереван, Республика Армения); *Кучеренко* Светлана Валериевна, канд. психол. наук, доц. (Ялта); *Кондрашихин* Андрей Борисович, д-р экон. наук, проф. (Москва); *Ганский* Владимир Александрович, д-р экон. наук, доц. (Минск, Республика Беларусь); *Мурзин* Антон Дмитриевич, канд. экон. наук, доц., (Ростов-на-Дону); *Степанов* Александр Геннадьевич, канд. филол. наук, доц. (Тверь); *Вестов* Федор Александрович, канд. юр. наук, доц., проф. (Саратов); *Супонина* Елена Александровна, канд. юр. наук, доц., (Воронеж); *Шошин* Сергей Владимирович, канд. юр. наук, доц. (Саратов).

Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Редакция не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

ISSN 2541-7509

9 772541 750003 >

Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Адрес редакции:
214000, г. Смоленск, ул. Б. Советская, 12/1, 303.
Тел.: +7 905 696-6338, +7 903 649-8830.
E-mail: naukavestnik@mail.ru
Официальный сайт: naukavestnik.ru.

HUMANITARIAN SCIENTIFIC BULLETIN

Network edition
Scientific journal

Publication was founded in 2016.

Schedule – 12 issues in a year.

The certificate of registration EL No. FS77-79466 dated 02.11.2020, issued by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Editorial Board

Barinov Dmitry Nikolaevich, (Editor-in-chief) Doctor of Philosophical sciences, (Smolensk); *Artyukhovich Yulia Vasilyevna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., (Volgograd); *Garanina Olga Denisovna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., (Moscow); *Nikolsky Vladimir Svyatoslavovich*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., (Moscow); *Ruzhentsev Sergey Evgenyevich*, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Voronezh); *Schastlivtseva Elena Anatolievna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., (Kirov); *Shitov Sergey Borisovich*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., (Moscow); *Makarov Sergey Nikolaevich*, Doctor of Sociological sciences, Prof., (Smolensk); *Tuzhba Emir Nodariyevich*, Doctor of Sociological sciences, Assoc. Prof., Prof., (Krasnodar); *Gavrilenkov Alexey Fedorovich*, Doctor of Historical sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Prof., (Smolensk); *Itunina Nina Borisovna*, Candidate of Philosophical sciences, Prof., (Smolensk); *Berestnev Gennady Ivanovich*, Doctor of Philology, Prof. (Kaliningrad); *Domansky Yuri Viktorovich*, Doctor of Philological Sciences, Professor, (Moscow), *Karpukhina Tamara Petrovna*, Doctor of Philology, Prof. (Khabarovsk); *Arkhipova Irina Viktorovna*, Candidate of Philology, Assoc. Prof. (Novosibirsk); *Stroykov Sergey Aleksandrovich*, Candidate of Philology, Associate Professor (Samara); *Dalinger Viktor Alekseevich*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., (Omsk); *Kolesov Vladimir Ivanovich*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., (Saint-Petersburg); *Mikeroval Galina Georgievna*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., (Krasnodar); *Fomenkov Anatoly Ivanovich*, Candidate of Pedagogical sciences, Assoc. Prof., (Smolensk); *Shenderov Pavel Eduardovich*, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, (Togliatti); *Kazdanyan Susanna Shalvovna*, Candidate of Psychological sciences, Assoc. Prof., A. (Yerevan, Republic of Armenia); *Svetlana V. Kucherenko*, PhD. the course of studies. Sciences, Assoc. (Yalta); *Kondrashin Andrey Borisovich*, Doctor of Economical sciences, Prof., (Moscow); *Gansky Vladimir Alexandrovich*, Doctor of Economical sciences, Assoc. Prof., (Minsk, Republic of Belarus); *Anton Murzin*, Candidate of Economic Sciences, Assoc. Prof., (Rostov-on-Don); *Stepanov Alexander Gennadiyevich*, Candidate of Philological sciences, Assoc. Prof., (Tver); *Vestov Fyodor Alexandrovich*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof., (Saratov); *Suponina Elena Aleksandrovna*, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, (Voronezh); *Shoshin Sergey Vladimirovich*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof., (Saratov).

The materials are published in the author's edition and reflect the personal position of the author. The Editorial board is not responsible for the materials published in the journal. The authors are responsible for the content and reliability of the articles. Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors. When using and borrowing materials reference to the publication is required.

License type supported CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Address of the editorial office:
214000, Smolensk, B. Sovetskaya str., 12/1, 303.
Phone: +7 905 696-6338, +7 903 649-8830.
E-mail: naukavestnik@mail.ru.
Official site: naukavestnik.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	1
<i>Аширафьян К.Э.</i>	
История переводов «Мемуаров» и других текстов Фернандо де Эскаланте Фонтанеда: история переводов, комментарии и рисунки к тексту	1
<i>Бугров К.Д.</i>	
Научные исследования в Уральском лесотехническом институте 1930-х – 1940-х гг.: пути формирования и важнейшие направления развития	8
<i>Демидов А.В., Соколов А.В.</i>	
К вопросу о локальных центрах старообрядчества: на примере села Бунырево Алексинского уезда Тульской губернии в XIX - начале XX века	19
<i>Кошман Т.В., Сапарова К.С., Файса А.М.</i>	
Распространение чая в казахской степи в XIX - начале XX веков	28
<i>Рыкова В.В.</i>	
Тюркский народ Сибирской Арктики: анализ информации в зарубежных и отечественных базах данных	33
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	41
<i>Кардашевская Л.И.</i>	
Эвенкийская «оленная труба» <i>оревун</i>	41
<i>Самойлова М.П.</i>	
Античный миф как универсальный объект рецепции	47
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	55
<i>Гугкаева И.Т., Витаева А.С.</i>	
Особенности понимания сказок детьми с нарушениями зрения	55
<i>Гугкаева И.Т.</i>	
Игровая деятельность как фактор развития эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения	60
<i>Корнеев Т.О.</i>	
К вопросу о сущности и содержании профессионально-коммуникативной компетентности будущих учителей	66
<i>Крылова Н.Н.</i>	
Исследование многофакторности причин эмоциональной напряжённости студента как условие выбора оптимального комплексного подхода психолого-педагогической коррекции в учебно-воспитательном процессе высшей школы	71
<i>Мартынова Е. А.</i>	
Психолого-педагогическое сопровождение самовоспитания старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе	82

Соколова О. И.	
Использование Национального корпуса русского языка при формировании переводческих компетенций	89
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	96
Арапов И.А.	
Подготовка «оранжевой революции»: публичная дипломатия США на Украине в 1996-2004 гг	96
Ощепкова В.М.	
Перспективы положения популистских партий в политическом спектре стран Европейского Союза	104
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	109
Ермакова Е.А.	
Теоретические подходы к изучению феномена «социальное самочувствие»	109
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	114
Аветисян М.И.	
Когнитивно-семантические свойства номинативных единиц категории EVENT (на примере английских отглагольных существительных с суффиксом –er)	114
Аксенова М.В., Мерзлякова А.В.	
Интонация как средство речевой экспрессии в УМК по английскому языку	122
Архипова И.В.	
Таксисный потенциал русских девербативов	130
Архипова И.В.	
Таксисный потенциал девербативов английского языка	135
Балакина Л.В.	
Концепт Wahrheit в немецкой лингвокультуре (опыт анализа словарных дефиниций и паремий)	140
Васильева Н.А.	
Эгоцентризм брачных объявлений (на материале немецкого языка)	146
Игнатов И.А.	
Функционирование слова <i>личность</i> в русском литературном языке XX в	153
Савицкая Е.В.	
Вербальный язык как средство формирования мысли	161
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	169
Минеева И.А.	
Требования к государственным служащим в системе политико-правовых воззрений М.М. Сперанского	169

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES	1
<i>Ashrafyan K.E.</i>	
The history of translations of the "Memoirs" and other texts by Fernando de Escalante Fontaneda: the history of translations, comments and drawings to the text	1
<i>Bugrov K. D.</i>	
Research in Ural Forestry Engineering Institute of 1930es – 1940es: ways of formation and key areas of growth	8
<i>Demidov A.V., Sokolov A.V.</i>	
On the question of the local centers of the Old Believers: on the example of the village of Bunyrevo in the Aleksinsky district of the Tula province in the XIX-early XX century	19
<i>Koshman T.V., Saparova K.S., Gaisa A.M</i>	
The spread of tea in the Kazakh steppe in the 19th - early 20th Centuries	28
<i>Rykova V.V.</i>	
The Turkic people in Siberian Arctic: information analysis in foreign and domestic databases	33
CULTURAL STUDIES	41
<i>Kardachevskaya L.I.</i>	
Evenkis trumpet calling a deer <i>orevun</i>	41
<i>Samoylova M.P.</i>	
The ancient myth as a universal object of reception	47
PEDAGOGICAL SCIENCES	55
<i>Gugkaeva I.T., Vitaeva A.S.</i>	
Features of understanding fairy tales by children with visual impairments	55
<i>Gugkaeva I.T.</i>	
Play activity as a factor in the development of emotional intelligence in preschool children with visual impairment	60
<i>Korneenko T. O.</i>	
On the question of the essence and content of professional and communicative competence of future teachers	66
<i>Krylova N.N.</i>	
Study of the multi-factor causes of the student's emotional tension as a choice of the optimal approach of psychological and pedagogical correction	71
<i>Martynova Y. A.</i>	
Psychological and pedagogical support of older teenagers with disabilities self-upbringing in the educational process	82

<i>Sokolova O.I.</i>	
Using the National Corpus of the Russian language in the development of translation competences	89
POLITICAL SCIENCES	96
<i>Arapov I.A.</i>	
Preparing the Orange Revolution: US Public Diplomacy in Ukraine 1996-2004	96
<i>Oshchepkova V.M.</i>	
Prospects for the position of populist parties in the political spectrum of the countries of the European Union	104
SOCIAL SCIENCES	109
<i>Ermakova E. A.</i>	
Theoretical approaches to the study of the phenomenon of «Social well-being»	109
PHILOLOGICAL SCIENCES	114
<i>Avetisyan M.I.</i>	
Cognitive-semantic properties of the nominative units from the category EVENT (the case of English deverbal nouns ending in -er)	114
<i>Aksenova M.V., Merzliakova A.V.</i>	
Intonation as means of speech expression in English language textbooks	122
<i>Arkhipova I.V.</i>	
Taxis potential of Russian deverbatives	130
<i>Arkhipova I.V.</i>	
Taxis potential of deverbatives of the English language	135
<i>Balakina L.V.</i>	
Wahrheit concept in German linguistic culture (experience in analyzing dictionary definitions and paremias)	140
<i>Vasileva N.A.</i>	
Egocentrism of Marriage Announcement Texts (on the Material of German)	146
<i>Ignatov I.A.</i>	
Functioning of the word <i>lichnost'</i> in the Russian literary language of the 20th century	153
<i>Savitskaya E.V.</i>	
Verbal language as an instrument of thought formation	161
LEGAL SCIENCES	169
<i>Mineeva I.A.</i>	
Requirements for civil servants in the system of political and legal views of M. M. Speransky	169

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503650>

УДК 94(7), 93

Ашрафьян К.Э.

Ашрафьян Константин Эдуардович, аспирант кафедры археологии, древней истории и истории средних веков, факультет истории, политологии и права, Московский Государственный Областной Университет, Россия, 170026, г. Мытищи, Московская область, ул. Веры Волошиной, дом 24. E-mail: kea6465@mail.ru.

История переводов «Мемуаров» и других текстов Фернандо де Эскаланте Фонтанеда: история переводов, комментарии и рисунки к тексту

Аннотация. Данная статья направлена на поиск истории возникновения переводов Эрнандо де Эскаланте Фонтанеда на современный испанский, английский и французский языки. Это было необходимо, так как тексты-воспоминания Фонтанеда являются бесценными письменными источниками как очевидца событий, жившего 17 лет среди индейцев Калуса – одного из сильнейших племен юга Флориды. Разные источники по-разному дают переводы текстов с описанием племен Флориды, населявших ее в «досеминольскую» и «доиспанскую» эпоху в XVI веке. Это особо ценный материал, так как племена навсегда исчезли в XVIII веке. Несколько текстов, существующих в архивах были разнесены и до сих пор практически не упоминаются в работах тех, кто рассматривает историю Северной Америки до образования США.

Ключевые слова: Эрнандо де Эскаланте Фонтанеда, Фонтанеда, Фонтанедо, Ворс, воспоминания Фонтанеда, мемуары Фонтанеда, тексты Фонтанеда, Memoir, Memoranda, фрагменты текстов Фонтанеда, исчезнувшие племена Флориды, племена Флориды, Калуса.

Ashrafyan K.E.

Ashrafyan Konstantin Eduardovich, Ph.D. Student, Department of Archaeology, Ancient History and History of the Middle Ages, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow State Regional University, 170026, 41014 Moscow Region, city of Mytishi, Very Voloshinoy street, 24. E-mail: kea6465@mail.ru.

The history of translations of the "Memoirs" and other texts by Fernando de Escalante Fontaneda: the history of translations, comments and drawings to the text

Abstract. This article is aimed at finding the history of the origin of translations of Hernando de Escalante Fontaneda into modern Spanish, English and French. This was necessary, since the texts-memoirs of Fontaneda are invaluable written sources as an eyewitness to the events, who lived for 17 years among the Kalusa Indians – one of the strongest tribes of southern Florida. Different sources give different translations of texts describing the tribes of Florida that inhabited it in the "pre-Seminol" and "pre-Hispanic" era in the XVI century. This is a particularly valuable material, since the tribes disappeared forever in the XVIII century. Several texts that exist in the archives have been dispersed and are still practically not mentioned in the works of those who consider the history of North America before the formation of the United States.

Key words: Hernando de Escalante Fontaneda, Fontaneda, Fontanedo, Worth, memoirs of Fontaneda, memoirs of Fontaneda, texts of Fontaneda, Memoir, Memoranda, fragments of texts of Fontaneda, disappeared tribes of Florida, tribes of Florida, Calusa.

Актуальность исследования: актуальность сравнения текстов перевода текстов воспоминаний испанца Фонтанеда и комментариев в различных источниках к нему с высот нынешних вершин знаний о том, что происходило 500 лет назад очень актуален. Эта актуальность важна при нынешней полемике вокруг глобализации мира, так как сами воспоминания Фонтанеда открывают завесу в мир Флоридских индейцев, которые удерживали свою землю от внешнего врага в условиях постоянного вторжения со стороны европейских стран в течение 250 лет. Они сохраняли свою многовековую «доколумбовскую», «доиспанскую», «досеминольскую» культуру, основанную на своих ценностях, свой собственный мир на юге Флориды с XVI по середину XVIII века. Эта «отдельная культура и образ жизни» интересна тем, что она шла своим чередом в полной изоляции, когда на американском континенте уже бушевали войны между Испанией, Францией, Англией, Голландией за Новый Свет, а также шли бесконечные войны среди самих индейцев, привлекающихся различными европейскими державами.

Постановка проблемы. Проблема заключалась в том, что в течении долгого времени ценные тексты, которые оставил после себя проживший 17 лет среди индейцев испанец Фонтанеда, были разнесены в разные места и были переведены в разное время разными учеными частями. Поэтому полный перечень всех текстов, известных на сегодняшний момент смог сделать только в 1995 году профессор Университета Западной Флориды – Ворс

(Worth), собрав их из различных мест архивов и определив точную их принадлежность самому испанцу Фонтанеда. По этой причине в большинстве своем в Архивах можно встретить только отдельные части произведения Фонтанеда. Чтобы понять что именно и в каких архивах находится и что используется учеными из текстов Фонтанеда и что именно было использовано при переводе на различные языки и нужна была эта статья.

Материалы и методы исследования.

Материалами для исследований явились тексты Фонтанеда, содержащиеся в различных архивах разных стран Испании, США и Франции, а также исследовательские наработки и статьи, которые проводили разные ученые, пытались отыскать тексты Фонтанеда.

Методом для исследования стал нарративный метод и метод сравнительного анализа текстов.

Дискуссия

К сожалению, о существовании многочисленных племен, которые жили за сотни лет еще до «досеминольской эпохи» на территории Флориды мало кто знает за пределами самой Флориды. А о достаточно длинной и большой истории народов можно узнать только из музеев Флориды и научных статей. Почему-то именно этот огромный пласт истории вырван из контекста изучения Америки. Пришедшие племена Криков и племена Семинолов уничтожили мир аборигенов Флориды. Этот процесс был абсолютно естественным в то время и важно понимать, что так был устроен мир – «победителей не судили». Однако, необходимо показать какой

огромный и многоязычный пестрый мир из разных племен и народностей уже существовал в XVI веке.

Перевод воспоминаний Фонтанеда (Fontaneda или Fontanedo) показывает взгляд на жизнь индейцев юга Флориды «изнутри» от первого лица молодого человека, рожденного в испанской семье и впитавшего в христианско-католическое воспитание до 13 лет, пронесенные им через 17 летнее пребывание среди индейцев племени Калуса и выраженный в этих воспоминаниях. Фонтанеда писал, что его пленили в 1551 году [3, р. 5], а освобождение пришло с недолгим приходом испанцев в южную Флориду в 1566 году [3, р. 3].

За 500 лет, прошедшие с тех пор были сделаны разные адаптации и переводы текстов, написанных Фонтанеда — были те, кто увлекался историей и собирал антикварные книги — Бенджамин Франклин (под именем B.F. French) [2, р. 235-265], Б. Шипп (B. Shipp) [2, р. 584-589], Смит (Smith), and Тру (True), а были и профессиональные исследователи — Свантон (Swanton) [11; 12], Ханн (Hann) [5], and Ворс (Worth) [14: 15].

Хуан Баутиста Муньоз (Juan Bautista Muñoz), живший с 1745 по 1799, добавил первым воспоминания Фонтанеды, представленных в двух текстах «Memoir» и «Memoranda», которые появились в его работе «Истории Нового Мира» («Historia del Nuevo-Mundo») [7].

Затем уже были выполнены переводы на английский и французский языки. Коннор и Ворс (Connor and Worth) — сделали испанскую адаптацию текста самого Фонтанеды. Смит (Smith), Тру (True), Френч (Franch), Шипп (Shipp), Свантон (Swanton) и Ворс (Worth) сделали английский перевод.

Тексты, оставленные Фонтанеда, были разнесены в разные части в ранние годы XX века [2, р. 215] и произведение должно было называться «The Memorial», или полное имя «Memoria de todos los caciques de la Florida»

Всего существует пять разных частей воспоминаний Фонтанеды:

1. «Мемуары» («**Memoir**»), полное название «Memoria de las cosas y costa y indios de la Florida, que ninguno de cuantos la han costado, no lo han sabido declarar», который перевели Муньоз, Коннор и Ворс (Munoz, Connor, and Worth). Подробное описание социальной географии Флориды XVI века, включая подробную этнографическую информацию, относящуюся к индейским культурам;

2. «Меморандум» («**Memoranda**»), который адаптировали и перевели Муньоз, и Ворс (Munoz and Worth) Вторая часть «Junto con la relación antecedente, en un pliego suelto que le sirve de cubierta, va lo siguiente». Краткое описание каналов и проходов нижнего атлантического побережья Флориды, с некоторыми разрозненными заметками относительно индейцев апалачи;

3. «Мемориале» («**Memorial**»). Список из семидесяти семи касиков Флориды по географическим группировкам;

4. «Фрагмент 1» («**Fragment 1**»), переведенный Ворс (Worth). Краткое описание четырех «жертвоприношений», совершенных индейцами Карлоса. Список из семидесяти семи касиков Флориды по географическим группировкам;

5. «Фрагмент 2» («**Fragment 2**»), также переведенный Ворс (Worth) [2, р. 227]. Краткое описание практики, связанной со смертью вождя в племенах Токобага и Текеста, и рассказ об охоте на китов среди племени Тегеста.

Перевод Фонтанеда был впервые был опубликован уже на французском языке в **1841** году от Генри Тернаука-Компан (Henri Ternaux-Compan) [2, р.9-42], включающих и «Мемуары» и «Меморандумы». К сожалению, как утверждают многие исследователи, переводы более читабельны на французском, но они дальше от перевода самих текстов Фонтанеда [2, р. 221]

Перевод на английский язык «Мемуаров» Фонтанеда был выполнен в **1854** году Бэкингом Смитом (Buckingham Smith) (1810-1871), который взял документы напрямую из Генерального Архива Ин-

дий, но сделал их уже из адаптированного текста, переведенного Муньесом. Смит сделал перевод для Библиотеки Конгресса США, публичной Библиотеки Нью-Йорка и для Исторического общества Нью Йорка под названием «Memoranda» [2, р. 218]. Важно отметить, что сам Бэкингом Смит родился во Флориде в городе Сант-Августине – первом поселении испанцев на территории современной Флориды [2, р. 221], где работал переводчиком освобожденный из индейского плена Фонтанеда, пока не уехал в Испанию.

После Муньоса (Muñoz) уже Жанетт Турбер Коннор (Jeannette Thurber Connor), жившая с 1872 по 1927 перевела текст Фонтанеды «Мемуары» в последние годы XVIII века. Она не переводила «Memoranda», так как «Memoir» уже была отделена от него в отдельную папку.

Третьим переводчиком был Бернард Шипп (Barnard Shipp), который перевел с французского на английский в 1881 году в короткой интерпретации и также только «Memoir» без «Memoranda» [2, р. 222].

Затем Вудбери Лоуэри (Woodbury Lowery), живший с 1853-1906 перевел «Memorial» and «Фрагмент 1» и «Фрагмент 2»

Антрополог Джон Рид Свэнтон (John Reed Swanton) опубликовал в 1922 и 1946 году [11; 12] и его перевод был основан на переводе В. F. French [2, р. 235-265], то есть, возвращая нас к испанской адаптации Муньоса [2, р. 223].

Дэвид Тру (David O. True), член Общества Историков Флориды и редактор журнала Tequesta, опубликовал перевод Фонтанеды в 1944 году из версии перевода Бэкингема Смита (Smith), который был переводом из адаптированного испанского текста Муньоса [2, р. 224-224]

Джон Ханн (John Hann) опубликовал в 1991 году оба фрагмента Воспоминаний Фонтанеды, но Ханн не приписал их Хуану Лопесу Веласко (Juan Lopez de Velasco), Ханн ссылаясь на Свантона (Swanton).

Полный перевод всех документов сделал Джон Е. Ворс (John E. Worth) профессор из Университета Западной Флори-

ды в своей статье в 1995 году [15, р. 347.]. Он был первым, кто подтвердил, что Фонтанеда является автором и «Memoranda» и «Memoir», и Fragment 1, и Fragment 2 и перевел на английский язык реальные документы, причем все пять документов [2, р. 219-220, 225].

На основании текстов Фонтанеды был сделан рисунок (Рис. 2), показывающий расположение различных племен аборигенов в XVI веке.

Именно перевод Муньоса существует в Коллекции Неопубликованных Документах Архива Индий, томе 5, [6] (Рис.1). и именно он дан виртуальной библиотеке Сервантеса <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmcsj1d9>.

Луиз Эррера (Luis A. Herrera) поместил текст в www.academia.edu. Перевод на английский Б. Смита «Memoir» помещен Джерри Уилкинсоном в другой виртуальной библиотеке - Bibliotheca Virtual Universal <https://www.biblioteca.org.ar/libros/131873.pdf>.

Результаты исследования. Результатом исследования стало то, что тексты, оставленные Эрнандо де Эскаланте Фонтанеда состоят из пяти разных частей, которые были ранее ошибочно ассоциированы с Хуаном Лопесом де Веласко (Juan Lopez de Velasco) и разнесены в начале XX века по разным папкам в Генеральных Архивах Индий. Все тексты были найдены лишь в 1995 году и соединены в работе профессора Ворса (Worth).

Выводы. На сегодняшний день существует найденные профессором Ворсом пять текстов Фонтанеды, есть переводы на испанский и английский языки. Однако не существует перевода всех пяти текстов на русский язык. Сам поиск текстов наиболее полно был дан профессором Ворсом (Worth) в его адаптации к современному испанскому языку и его переводом на английский язык. Однако могут существовать еще отдельные тексты, принадлежащие Фонтанеде в разных частях Генерального Архива Индий, что делает возможным нахождение других интересных материалов.

INDICE

DE LOS DOCUMENTOS CONTENIDOS EN ESTE TOMO.

	FOLIOS.
Relación del viaje hecho a las Indias Melanes por el armador del estancocharo Garcia Jofre de Leizor, rector de la casa de capitan Andon de Cruzado, (20 de Febrero de 1557).	5
Relación de Yagüe de Nájera, sobre el viaje que él y su armador «don Hernán» Garcia recorren en 1557 en busca de las Indias de la Esperanza. (Sin fecha).	68
Relación de los cruceos que efectuó en el archipiélago de Sonora de Alcantara, que se refiere a la expedición a la Nueva España, en 1558, de Alonso Velez de Arellano, que saca de una carta hecha por Alonso Velez de Arellano, «carta de S. M. (Sin fecha).	97
Relación de la expedición que hizo el capitán Juan de Salazar, al mando de don Juan Gómez del Villalobos, hecha por Garcia Donatillero Alvarado (13 de Agosto de 1558).	101
Boletín mensual recogido de las papeleras labradoras en la ciudad de la Plata, cerca del viaje y descubrimiento de las Indias del Pacífico de la casa del Sr. Juanado de Salazar. (Sin fecha).	110
Relación de las cosas sucedidas en el descubrimiento de los Indios del Perú, que fue a hacer Alonso Bernaldes en el año 1571. (Folia et Ind. — Sin fecha)	121
Sumaria relación de Pedro Sarmiento de Gamboa, Gobernador y Capitan general de las Indias de Marañon, cerca de la expedición de don Juan de Salazar, dirigida a S. M. (15 de Noviembre de 1580).	286
Relación del descubrimiento de Estrecho de Andes, hecho por el capitan Latorre de Yagüe Maldonado. (Sin fecha).	430
Relaciones de la Yndia y Capitan Juanado en la provincia de Santiago de Nueva España, de la orden de Visitaciones. (11 de Febrero de 1580).	447
Relación anónima el Viñer del Perú, sobre los descubrimientos hechos en la parte de la cordillera de los Andes. (Sin fecha).	478
Relación las Avenidas de Cerro en el Perú. (Sin fecha).	482
Varias noticias sobre la provincia de Popayan. (Sin fecha).	490
Salvo el licenciado Juan Vaz, primer obispo de Popayan. (Sin fecha).	497
Memorial dado a S. M. por el capitán Quiroz, sobre sus descubrimientos. (1580).	497
Memorial dado a S. M. por el capitán Quiroz, sobre sus descubrimientos. (1580).	507
Memorias del capitan Quiroz de Capitan de Indias, sobre la gran y perniciosa de guerra sostenida entre peruanos y portugueses. (1580).	511
Memorial dado a S. M. por D. Frayco de Castro sobre el capitan Quiroz. (1585).	513
Memorial y capitación dada a S. M. sobre sus papeles impares por el capitan Quiroz. (1585).	515
Memorial dado a S. M. por D. Frayco de Prado sobre el capitan Quiroz. (1607).	517
Cédula de Felipe II sobre los descubrimientos hechos en Venezuela por el Barón de Bittes, la guerra de guerra de guerra y varias noticias de los Belizares. (11 de Febrero de 1610).	518
Carta de información Carreón, doctor obispo de Lima (Venezuela), sobre relaciones de las Indias de Marañon. (Sin fecha).	522
Noticias sobre el suceso referido de Carreón. (Sin fecha).	529
Notas de B. I. Gaudin. (Sin fecha).	530
Sumaria de las cosas, desde el Indio de la Florida, hecho por Hernando de Estevan Florida. (Sin fecha).	532
Detonamientos de Nueva, hecha por el maestro Medina. (Sin fecha).	540

Рис. 1. Том 5 из «Сборника неопубликованных документов, касающихся открытия, завоевания и колонизации испанских владений в Америке и Океании», где на стр. 532 присутствует запись о «Воспоминаниях...» Фонтанеда в адаптации Муньеса (Munez).

Рис. 2. Перечень и приблизительно расположение племен Флориды в середине XVI века, согласно текстам Фонтанеда. Составлено автором -Аишафьян К.Э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашрафьян, К. Э. Вымершее племя Калуса как гегемон Южной Флориды в XVI-XVII веках: причины его военного лидерства среди других народов Флориды [Электронный ресурс] / К. Э. Ашрафьян // Самарский научный вестник. — 2020. — Т. 9, № 1 (30). — С. 159-164. — Режим доступа: <https://doi.org/DOI 10.24411/2309-4370-2020-11205>.
2. Ferdinando, P. A Translation History of Fontaneda [Electronic resource] / P. Ferdinando // Florida Historical Society. — 2010. — Vol. 69, № 2. — P. 210-251. — Available from: <http://www.jstor.org/stable/29765167>.
3. Fontaneda, De Memoria de las cosas y costa y indios de la Florida. Available at: <https://www.biblioteca.org.ar/libros/131873.pdf> (accessed 02.02.2019) [Электронный ресурс] / H. D. Fontaneda. — Rafaela : Biblioteca Virtual Universal, 2005. — 10 с.
4. French, B. F. Historical Collections of Louisiana and Florida: Including Translations of Original Manuscripts Relating to Their Discovery and Settlement] Historical Memoirs and Narratives, 1527-1702 (New York: Albert Mason, 1875), [Электронный ресурс] / B. F. French. — Изд. 1799-1877-е. — New York : A. Mason, 1875. — 380 с.
5. Hann, J. H. Missions to the Calusa (Florida Museum of Natural History / J. H. Hann. — Gainesville : University Press of Florida, 1991. — 479 p.
6. Mendoza, L. T. Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía. [Электронный ресурс] / L. T. Mendoza. — Изд. 1 edition-e. — Madrid : Imprenta de Frias y compania, Misericordia, 2, 1886. — 583 с.
7. Muñoz, J. B. Historia del Nuevo-Mundo [Электронный ресурс] / J. B. Muñoz. — Madrid : Por la viuda de Ibarra, 1793. — 364 с.
8. Muñoz, J. B. Memoria de las cosas y costa y indios de la Florida, que ninguno de cuantos la han costeadado, no lo han sabido declarar [Электронный ресурс] / J. B. Muñoz. — Alicante : Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2004. — 8 с.
9. Shipp, B. The History of Hernando de Soto and Florida; or, Record of the Events of Fifty-Six Years, from 1512 to 1568, [Электронный ресурс] / B. Shipp. — Philadelphia : Robert M. Lindsay, 1881—689 с
10. Smith, B. Letter of Hernando De Soto: And Memoir of Hernando De Escalante Fontaneda [Электронный ресурс] / B. Smith. — Washington : Priv. print., 1854. — 82 с. — Режим доступа: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=coo.31924020395947&view=1up&seq=82&skin=2021>.
11. Swanton, J. R. Early History of the Creek Indians and their Neighbors / J. R. Swanton. — Washington D.C. : Government Printing Office, 1922.
12. Swatson, J. R. The Indians of the Southeastern United States / J. R. Swatson. — Washington D.C. : Government Printing Office, 1946.
13. Ternaux-Compan, H. Voyages, relations et memoires originaux pour servir A Vhistoire de la decouverte de VAmérique [Электронный ресурс] / H. Ternaux-Compan. — Paris : Artmus Bertrand, 1841. — 312 с.
14. Worth, J. E. Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast. [online]. Gainesville: University Press of Florida, 2016.
15. Worth, J. E. Fontaneda Revisited: Five Descriptions of Sixteenth-Century Florida [Электронный ресурс] / J. E. Worth // The Florida Historical Quarterly. — 1995. — Т. 73, № 3. — С. 339-352.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ashraf'jan, K. Je. Vymershee plemja Kalusa kak gegemon Juzhnoj Floridy v XVI-XVII vekah: prichiny ego voennogo liderstva sredi drugih narodov Floridy [Jelektronnyj resurs] / K. Je. Ashraf'jan // Samarskij nauchnyj vestnik. — 2020. — Т. 9, № 1 (30). — С. 159-164. — Rezhim dostupa: <https://doi.org/DOI 10.24411/2309-4370-2020-11205>.
2. Ferdinando, P. A Translation History of Fontaneda [Electronic resource] / P. Ferdinando // Florida Historical Society. — 2010. — Vol. 69, № 2. — P. 210-251. — Available from: <http://www.jstor.org/stable/29765167>.

3. Fontaneda, De Memoria de las cosas y costa y indios de la Florida. Available at: <https://www.biblioteca.org.ar/libros/131873.pdf> (accessed 02.02.2019) [Jelektronnyj resurs] / H. D. Fontaneda. — Rafaela : Biblioteca Virtual Universal, 2005. — 10 c.
4. French, B. F. Historical Collections of Louisiana and Florida: Including Translations of Original Manuscripts Relating to Their Discovery and Settlement] Historical Memoirs and Narratives, 1527-1702 (New York: Albert Mason, 1875), [Jelektronnyj resurs] / B. F. French. — Izd. 1799-1877-e. — New York : A. Mason, 1875. — 380 c.
5. Hann, J. H. Missions to the Calusa (Florida Museum of Natural History / J. H. Hann. — Gainesville : University Press of Florida, 1991. — 479 p.
6. Mendoza, L. T. Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía. [Jelektronnyj resurs] / L. T. Mendoza. — Izd. 1 edition-e. — Madrid : Imprenta de Frias y compania, Misericordia, 2, 1886. — 583 c.
7. Muñoz, J. B. Historia del Nuevo-Mundo [Jelektronnyj resurs] / J. B. Muñoz. — Madrid : Por la viuda de Ibarra, 1793. — 364 c.
8. Muñoz, J. B. Memoria de las cosas y costa y indios de la Florida, que ninguno de cuantos la han costeadado, no lo han sabido declarar [Jelektronnyj resurs] / J. B. Muñoz. — Alicante : Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2004. — 8 c.
9. Shipp, B. The History of Hernando de Soto and Florida; or, Record of the Events of Fifty-Six Years, from 1512 to 1568, [Jelektronnyj resurs] / B. Shipp. — Philadelphia : Robert M. Lindsay, 1881—689 c.
10. Smith, B. Letter of Hernando De Soto: And Memoir of Hernando De Escalante Fontaneda [Jelektronnyj resurs] / B. Smith. — Washington : Priv. print., 1854. — 82 c. — Rezhim dostupa: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=coo.31924020395947&view=1up&seq=82&skin=2021>.
11. Swanton, J. R. Early History of the Creek Indians and their Neighbors / J. R. Swanton. — Washington D.C. : Government Printing Office, 1922.
12. Swatson, J. R. The Indians of the Southeastern United States / J. R. Swatson. — Washington D.C. : Government Printing Office, 1946.
13. Ternaux-Compan., H. Voyages, relations et memoires originaux pour servir A Vhistoire de la decouverte de VAmérique [Jelektronnyj resurs] / H. Ternaux-Compan. — Paris : Artmus Bertrand., 1841. — 312 c.
14. Worth, J. E. Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast. [online]. Gainesville: University Press of Florida, 2016.
15. Worth, J. E. Fontaneda Revisited: Five Descriptions of Sixteenth-Century Florida [Jelektronnyj resurs] / J. E. Worth // The Florida Historical Quarterly. — 1995. — T. 73, № 3. — С. 339-352.

Поступила в редакцию 11.08.2021.

Принята к публикации 14.08.2021.

Для цитирования:

Ашрафьян К.Э. История переводов «Мемуаров» и других текстов Фернандо де Эскаланте Фонтанеда: история переводов, комментарии и рисунки к тексту // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С. 1-7. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Ashrafyan.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503663>

УДК 378.4

Бугров К.Д.

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Россия, 620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com.

Научные исследования в Уральском лесотехническом институте 1930-х – 1940-х гг.: пути формирования и важнейшие направления развития

Аннотация. В статье рассматривается становление центра лесотехнической науки в Свердловске в 1930-х – 1940-х гг., дается характеристика важнейших научных направлений в Уральском лесотехническом институте, ведущем институте данного профиля в регионе, по состоянию на 1949 г. Охарактеризован исторический генезис научного профиля института, его место в системе лесотехнических вузов СССР. Проанализировано соотношение между биологической и инженерно-технологической составляющими в научной работе Уральского лесотехнического института, сделан вывод о доминировании инженерно-технологической составляющей, связанной с именами таких ученых, как В. Н. Козлов, М. М. Корунов, Х. Х. Стефановский.

Ключевые слова: Уральский лесотехнический институт, лесотехническая наука, история Урала, история науки, В. Н. Козлов, Н. А. Коновалов.

Bugrov K. D.

Bugrov Konstantin Dmitrievich, doctor of history, Docent, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS, Russia, 62018, u; S. Kovalevskoi, 16; Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, 620000, Ekaterinburg, ul. Mira, 19. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com.

Research in Ural Forestry Engineering Institute of 1930es – 1940es: ways of formation and key areas of growth

Abstract. The article examines the formation of the center of forestry science in Sverdlovsk in the 1930s-1940s, describes the most important scientific directions in the Ural Forestry Institute, the leading institute of this profile in the region, as of 1949. The historical genesis of the scientific profile of the institute, its place in the system of forestry universities of the USSR is characterized. The correlation between the biological and engineering-technological components in the scientific work of the Ural Forestry Institute is analyzed, the conclusion is made about the dominance of the engineering-technological component associated with the names of such scientists as V. N. Kozlov, M. M. Korunov, H. H. Stefanovsky.

Key words: Ural Forestry Engineering Institute, forestry engineering, history of Urals, history of science, V. N. Kozlov, N. A. Kononov.

Лесотехническая наука и образование в СССР являлись весьма неоднородным в своем историческом

становлении конгломератом направлений и тематик. Статья «Образование лесохозяйственное и лесотехническое» в «Лесной

энциклопедии» 1986 г. определяла эту сферу как «систему подготовки инженеров, техников, мастеров и других квалифицированных работников для лесного хозяйства, лесозаготовительной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, гидролизной и химической промышленности» [17, с. 127]. Констатируя далее, что данное образование «в дореволюционной России имело лесоводственный уклон», авторы статьи и за советский называли имена сплошь лесоводов и специалистов по лесоустройству. Никаких имен или примеров научных разработок из остальных сфер, для которых должно было работать профильное образование, в статье не приводилось.

Этот факт весьма показателен, поскольку он отражает сложный, комплексный характер формирования лесохозяйственного и лесотехнического научно-образовательного сектора в СССР. Лесное образование как таковое имеет глубокую историю: первая специализированная лесная учебная организация появилась в России в 1803 г. Лес играл огромную роль в хозяйстве России, однако роль эта определялась главным образом использованием древесины в качестве строительного материала и топлива, а также охотой, сельским хозяйством и садоводством. С середины XIX в. вырубка лесов усилилась [6, с. 179], и ключевым направлением лесохозяйственного научно-учебного комплекса стало их сохранение; классик отечественного лесоведения Г. Ф. Морозов называл главной целью политики по отношению к лесному хозяйству «сохранение устойчивости насаждений» [12, с. 18]. Дореволюционные учебные заведения лесного профиля «не имели ни лесоинженерных факультетов, ни лесоинженерных специальностей — научные основы собственно лесотехнического образования до самой революции в России не были разработаны» [10, с. 6]. Лесная наука существовала в связке с аграрной. Так, например, один из крупнейших и старейших лесотехнических вузов страны — Воронежский лесотехнический институт — был сформирован в 1930 г. на

базе местного сельхозинститута, где профильное отделение существовало с 1918 г. Профилем воронежского вуза оставалось лесоведение; вплоть до 1955 г. институт именовался лесохозяйственным, а не лесотехническим, и специализировался по вопросам разведения леса, селекции, борьбы с лесными вредителями и болезнями деревьев, методам рубки, а также лесной таксации. Исключением на общем фоне была научная группа П. Н. Хухрянского, которая вела изыскания в области прессования древесины и ее применения в строительстве и промышленности. Белорусский лесотехнический институт (БЛТИ) также возник на базе Белорусского института сельского хозяйства, организованного в 1922 г., и имел сильный лесоводческий профиль. Химическая и механизаторская специализации возникли в БЛТИ лишь в 1930-е гг. [7, с. 8], причем первая из них очень быстро была передана в Ленинград, и повторно химико-технологический факультет открылся в БЛТИ только в 1961 г. [21, с. 58]. Лишь в послевоенные годы в БЛТИ наметился перевес политехнического направления, к 1960-м гг. на ведущие роли выдвинулся химико-технологический факультет (благодаря чему вуз был переименован в Белорусский технологический институт).

Уральский лесотехнический институт (УЛТИ) возник в 1930 г., однако с полным основанием он ведет свою историю от лесного факультета Уральского университета, учрежденного в Екатеринбурге на 10 лет раньше, в 1920 г. Специализация УЛТИ была по преимуществу инженерно-технической. Но хотя самостоятельного лесоведческого направления в Свердловске не было, все же в 1920-х гг. крупнейшими учеными факультета были лесоводы К. С. Семенов, Ф. Ф. Симон, В. И. Переход, ботаник А. С. Казанский и зоолог В. О. Клер. Направления же технологического профиля работали в основном усилиями практиков. Так, в области пиролиза древесины работал опытный специалист А. А. Нимвицкий, имевший богатый опыт работы в металлургической промышленности.

А направлением по механической обработке леса руководил Б. А. Кроль, брат известного политика, предпринимателя в сфере энергетики и инженера В. А. Кроля. Сам Б. А. Кроль тоже был успешным предпринимателем и инженером, но в другой сфере – деревообделочного производства. Факультет находился в ведении секции сельскохозяйственного образования Главпрофобра [18, с. 14-15]. В хозяйственном отношении управление лесами было сосредоточено в аппарате Народного комиссариата земледелия; существовавший с 1924 г. Народный комиссариат лесной промышленности занимался только проблемами переработки леса.

Ситуация резко изменилась в конце 1920-х гг., когда – после обширной дискуссии по вопросу о том, как именно следует управлять лесами, – акцент был сделан на форсированном освоении лесных богатств Советского Союза. Для СССР лесной экспорт стал основным источником валюты; в 1930 г., когда советский экспорт резко пошел вверх, лес оказался первым по тоннажу вывоза за границу товаром (6,03 млн т) и удерживал эту позицию вплоть до конца 1930-х гг. [15, с. 87]. Как замечает современный исследователь И. В. Зыкин, «сутью трансформаций в сфере заготовки лесных ресурсов стало увеличение масштабов промышленных заготовок и почти полное сокращение добычи древесины населением для бытового пользования» [5, с. 152]. Принцип «устойчивости насаждений» оказался менее важным, чем наращивание «эксплуатации лесов в процессе форсированной индустриализации народного хозяйства» [12, с. 10]. Глубокие трансформации лесопромышленной сферы повлекли за собой перестройку лесотехнического образования, которая – в свою очередь – стала частью более широкой трансформации высшего образования и науки в СССР, связанной с подчинением большей части научно-образовательного комплекса отраслевым ведомствам, попыткой советских вождей создать интегрированный учебно - научно - индустриальный комплекс.

В соответствии с этим реформаторским курсом в 1930 г. единый Уральский политехнический институт (так именовался к тому времени Уральский университет) был раздроблен на семь отраслевых втузов, одним из них стал УЛТИ, специализировавшийся сугубо на технологических направлениях. Втузы подчинялись Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ), но в 1932 г. сам ВСНХ был раздроблен на ряд народных комиссариатов. В 1934 г. втузы, подведомственные Народному комиссариату тяжелой промышленности, были вновь объединены в рамках Уральского индустриального института, однако в их число не вошел УЛТИ, подчинявшийся воссозданному в 1932 г. Народному комиссариату лесной промышленности, непосредственно отвечавшему за реализацию амбициозной программы лесозаготовок. Несколько упрощая, можно сказать, что основными направлениями научно-учебной работы в УЛТИ 1930-х гг. были рост механического, транспортного и химического направления. Проблема кадров оставалась острой, дефицит специалистов восполняли привлечением либо специалистов из производственной сферы, либо собственных выпускников 1920-х гг. Так, в области лесохимии работали В. Н. Козлов, В. С. Васечкин, А. Д. Мишин, в области транспорта – М. М. Корунов, механической обработки древесины – Н. М. Жуликов. После смерти в 1934 г. Б. А. Кроля и гибели Н. М. Жуликова в годы массовых репрессий факультет механической обработки был закрыт, хотя подготовка деревообрабочников продолжала осуществляться [18, с. 224]. Ослаблен оказался и лесоведческий блок: в 1933 г. К. С. Семенов уехал в Архангельский лесотехнический институт, чтобы возглавить там кафедру технического нормирования. Таким образом, к 1940-м гг. УЛТИ опирался на два главных научно-учебных направления: лесохимическое и транспортно - механизаторское. Подобная специализация отражала специфику промышленного комплекса Среднего Урала, который включал и крупные лесозаготовки, и обширный лесохи-

мический комплекс, связанный с уральской древесноугольной металлургией. В 1930-х гг. лесохимическая индустрия расширилась: в Прикамье вошел в строй ряд мощных целлюлозно-бумажных комбинатов, в восточных районах Свердловской области заработали фанерные заводы, а в южноуральской Аше был построен крупнейший в СССР лесохимический завод, специализировавшийся в области выпуска древесного угля, смолы, уксусной кислоты и иных продуктов переработки древесины.

К началу 1940-х гг. сложился круг лесных вузов СССР, который можно с известной условностью разделить на две группы: вузы, специализировавшиеся на лесоводстве и близкие к сфере сельского хозяйства (Воронеж, Минск, Брянск, Йошкар-Ола, Красноярск, Киев), и вузы, специализировавшиеся в химико-механизаторской области и близкие к промышленному комплексу (Москва, Архангельск, Свердловск). Особняком стояла Ленинградская лесотехническая академия имени С. М. Кирова – наследница Лесного училища, основанного в 1803 г., – выполнявшая исследования и учебную подготовку по всем направлениям. При этом коллектив кафедры лесохимии, которой руководил В. Н. Козлов, был ведущим центром в области пиролиза древесины и выработки из лесохимического сырья жидкого горючего [10, с. 13]. В годы Великой Отечественной войны В. Н. Козлов входил в состав Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока и был награжден Сталинской премией в 1944 г., еще больше упрочив свою и без того блестящую научную репутацию.

Научный профиль УЛТИ изменился в августе 1941 г.: в Свердловск были эвакуированы лесотехнические вузы из западных районов страны – Ленинградская лесотехническая академия имени С. М. Кирова и Белорусский лесотехнический институт. Их коллективы влились в коллектив УЛТИ. 12 августа 1941 г. был создан лесохозяйственный факультет УЛТИ; преподавали здесь выдающиеся лесоводы

В. Н. Сукачев, М. Е. Ткаченко, В. К. Захаров и другие специалисты, прибывшие из Ленинграда и Минска. Впрочем, еще до окончания войны эти ученые эвакуировались; руководство кафедрами лесохозяйственного университета перешло во 2-й половине 1940-х гг. к таким специалистам, как молодой выпускник Сибирского лесотехнического института П. Л. Горчаковский [3], прибывшие из Йошкар-Олы и Архангельска соответственно опытные лесоводы М. В. Колпиков и И. М. Стратонович [11, с. 36-38]. Лесоведческое направление, в свою очередь, было частью сложного комплекса биологических изысканий, сформировавшегося в Свердловске в 1940-е гг. и включавшего Свердловский институт сельского хозяйства (создан в 1940 г.), биологический факультет Уральского государственного университета (создан в 1944 г.), Институт биологии Уральского филиала АН СССР (создан в 1944 г.), а также ряд отраслевых научно-исследовательских институтов.

Во 2-й половине 1940-х гг. учебно-научная работа лесных вузов приобрела новое значение. 20 октября 1948 г. было принято постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР», открывшее путь к реализации того комплекса крупномасштабных лесохозяйственных преобразований, который называют «сталинским планом преобразования природы». Лес теперь стал пониматься не только как ценный ресурс, который необходимо добыть, транспортировать и перерабатывать химическим либо механическим способом, но и как элемент преобразования природы.

Таким образом, возникновение лесохозяйственного факультета означало возникновение в УЛТИ биологической научно-учебной специализации. Однако с ней был связан лишь один факультет из четырех, работавших в УЛТИ в 1949 г. Осталь-

ные три – лесоинженерный факультет, факультет химической технологии дерева и факультет механической технологии дерева имели технологический характер. Первые два были в основном укомплектованы собственными выпускниками свердловских вузов (УПИ и УЛТИ) либо «старожилами», пришедшими в лесотехнический институт из производственной сферы еще в начале 1930-х гг. По-иному складывалась история факультета механической технологии дерева. Он фактически исчез в конце 1930-х гг.; его восстановление оказалось связано с эвакуацией, когда в УЛТИ начали работать специалисты из Минска и Ленинграда – В. Н. Михайлов, С. И. Ванин, Х. Х. Стефановский. Впрочем, кадры оказывались в УЛТИ разными путями – так, преподавал здесь и ленинградский ученый П. С. Серговский, в 1941 г. ушедший на фронт добровольцем, получивший тяжелое ранение и оказавшийся в Свердловске [14, с. 169].

Каким же был исследовательский профиль УЛТИ в конце 1940-х гг.? На этот вопрос можно ответить, изучая научный отчет института за 1949 г., позволяющий сделать выводы о конкретном распределении средств, ассигнованных на науку, среди коллективов. Всего научное финансирование УЛТИ в 1949 г. составляло, согласно отчету, 460 000 рублей, из них 60 000 поступало из государственного бюджета, а 400 000 – по хоздоговорам с другими организациями [13, л. 3-5]. Много это или мало? Крупнейший вуз региона, Уральский политехнический институт, в 1950 г. имел научное финансирование в размере около 3 600 000 рублей (из них 415 000 рублей составило финансирование из средств госбюджета и 3 197 900 рублей – хоздоговорное финансирование) на 297 работ (175 бюджетных и 122 хоздоговорных работ). В абсолютных цифрах политехнический гигант был, конечно, мощнее, однако в пересчете на одну работу в УЛТИ выходило 16 500 рублей против 12 100 рублей в УПИ. Разумеется, подобное сравнение является условным, поскольку распределены эти средства были весьма не-

равномерно. Так, в УПИ 577 000 рублей хоздоговорного финансирования пришлось на кафедру технологии силикатов, а 326 500 рублей – на кафедру техники высоких напряжений [19, л. 15, 64]; каждое из этих подразделений могло по объему средств сравниться с целым УЛТИ. Конкретная же структура распределения научных средств в УЛТИ охарактеризована ниже.

В лесоведческой части научный отчет описывал работу профильного факультета как «подчиненную реализации идей Докучаева – Вильямса – Лысенко и решения правительства о степном лесоразведении» [13, л. 12]. Руководство научной темой «Разработка методов лесоразведения на Урале на основе учения Докучаева – Вильямса – Лысенко» осуществлял Н. А. Коновалов – выпускник Ленинградской лесотехнической академии и ученик выдающегося лесовода В. Н. Сукачева, с 1946 г. работавший в Свердловске, заведовавший в УЛТИ кафедрой лесоводства и лесных культур, одновременно до 1953 г. преподавая также и в УрГУ [4, с. 7-8]. Тема включала изучение таких вопросов, как селекция быстрорастущих древесных пород (Б. К. Назаров), лесозащитные насаждения Свердловской области (В. С. Голутвин), ассортимент древесных пород лесоразведения в Свердловской области (П. Л. Горчаковский), испытание тракторной фрезы для обработки лесных почв (И. И. Устинов), применение азотобактериальных удобрений для древесных растений (Л. И. Вигоров), обобщение опыта лесокультурных работ в Свердловской области (П. В. Луговых). Выделено было на все эти разработки всего 10 000 рублей [13, л. 3], 1/5 всего госбюджетного финансирования науки в УЛТИ.

В разработки по лесохимии, механизации и электрификации лесоразработок было вложено из госбюджета 50 000 рублей – в 5 раз больше, чем в «реализацию идей Докучаева – Вильямса – Лысенко». Эти средства распределялись между двумя главными темами. Работу над темой «Усовершенствование химической переработки древесины», возглавлял крупнейший лесо-

химик СССР В. Н. Козлов, в ее рамках изучались такие проблемы, как метод получения флотореагента из кареновой фракции скипидара (В. В. Левина), выработка заменителя канадского бальзама из коры пихты (В. С. Васечкин), химизм термического разложения древесины (А. Н. Пономарев), растворимость гипса при высокой температуре (А. Д. Мишин), физико-химические свойства промежуточных продуктов гидролиза древесины (В. Д. Матросов) и каталитический синтез уксусной кислоты из лесохимического сырья (И. А. Аполлов). Темой «Механизация и электрификация заготовок и транспорта леса» руководил М. М. Корунов, выдающийся специалист по транспорту леса. Здесь изучались такие проблемы, как механизация путеукладки на лесовозных узкоколейных дорогах (Ф. И. Кузнецов), испытания автомобильного газогенератора на длинных дровах (Г. Ф. Кулябин), электрорезка древесины (С. Н. Муравьев), электротракторная трелевка леса (П. М. Щенников). В рамках темы особо фиксировалась разработка проекта ротационной паровой машины, предложенного студентом Хохалевым (руководителем выступал доцент Д. Д. Ерахтин). На эту разработку было выделено отдельно 10 000 рублей. Как видим, из госбюджета финансировались только лесохимики и транспортники; возрождавшиеся направления по механической технологии дерева финансирования не имели.

Теперь рассмотрим хоздоговорное финансирование научных изысканий УЛТИ, которое почти в 6 раз превышало сумму средств, выделявшуюся на эти изыскания из госбюджета. Объем финансирования 10 научных работ УЛТИ, выполнявшихся в 1949 г. по хоздоговорам, составлял 400 000 рублей. Из этих работ лишь одна имела биологический характер – осуществлявшаяся под руководством директора УЛТИ Г. Ф. Рыжкова сотрудниками кафедры экономики лесной промышленности лесохозяйственного факультета Э. Г. Дзадзамией и В. А. Урвановым работа «Характеристика лесозаготовительных районов Свердловской и Челябинской об-

ластей». Впрочем, и эта тема была лишь частью трехсоставного проекта по изучению развития рельсового лесовозного транспорта на Урале, заказчиком которого выступил Уральский филиал Центрального научно-исследовательского института механизации и энергетики лесной промышленности (ЦНИИМЭ). Остальные имели технологический характер, их заказчиками выступали крупные лесопромышленные тресты (таблица 1).

Сверх плана свои работы осуществляли два преподавателя УЛТИ, оставивших яркий след в истории советской науки, Л. И. Вигоров и Е. М. Титов. Л. И. Вигоров прославился как выдающийся специалист по лечебному садоводству, однако исходно его темой была селекция пшеницы. Этой темой Л. И. Вигоров начал заниматься с 1939 г. в Воронежском государственном университете, однако война прервала его изыскания: в 1942 г. он был мобилизован, а по окончании войны, с 1946 г., он работал в УЛТИ [1, с. 21]. Здесь исследования по селекции пшеницы пришлось отодвинуть на второй план (как видим, хотя руководство УЛТИ оценило труды Л. И. Вигорова как «большую научно-исследовательскую работу», финансировать столь непрофильные труды оно не собиралось); ученому пришлось приспособиться к лесотехнической тематике, итогом стало основание в 1949 г. уникального сада лечебных культур. Работа Л. И. Вигорова в УЛТИ была полна сложных коллизий: сам ученый полагал, что «все сложилось крайне неудачно для серьезной работы» [1, с. 22], а для лесотехнического института, ориентированного на лесохимию и механизацию лесозаготовок, изыскания Вигорова в области садоводства, конечно, не были приоритетными. Е. М. Титов был специалистом по изучению сапропелей – донных отложений пресноводных водоемов, образовавшихся из остатков живых организмов, применяемых, кроме прочего, в сельском хозяйстве в качестве удобрений либо подкормки. Выявлением запасов сапропелей на Урале занимался целый ряд ученых из разных областей

науки, в том числе и уже упомянутый В. Н. Сукачев, который в 1942–1943 гг., находясь на Урале в эвакуации, возглавлял кафедру ботаники УЛТИ. Е. М. Титов деятельно участвовал в этих работах, а в конце 1940-х гг. сфокусировал внимание на изучении сапропелей озера Молтаево близ

Алапаевска, что и было зафиксировано научным отчетом института. Работы Е. М. Титова были частью крупного, комплексного изучения этого озера, по итогам которого в 1950 г. на берегу Молтаево был введен санаторий.

Таблица 1. Научно-исследовательские темы УЛТИ в 1949 г. [13, л. 18].

№	Наименование темы	Руководитель	Стоимость	Заказчик
А) Госбюджетные работы				
1	Усовершенствование химической переработки древесины	В. Н. Козлов	20	Госбюджет
2	Механизация и электрификация лесозаготовок и транспорта леса	М. М. Коруннов	20	Госбюджет
3	Разработка методов лесоразведения на Урале на основе учения Докучаева – Вильямса – Лысенко	Н. А. Коновалов	10	Вне плана
4	Проектирование ротационной паровой машины	Д. Д. Ерахтин	10	По дополнительному решению
Б) Хоздоговорные работы				
5	Разработка методов получения флото-реагентов	В. Н. Козлов	50	Главлесхим
6	Разработка нового технологического процесса извлечения уксусной кислоты из жижки и парогазов	В. Н. Козлов	30	Главлесмет
7	Разработка технологических схем комплексной механизации для заготовок в предприятиях Главлесмета	С. И. Рахманов	50	Главлесмет
8	Испытания гибкого резца при окари-вании шпал станком Фефелова – Шадрина	Х. Х. Стефановский	50	Главное управление лесной промышленности
9	Разработка и испытание универсального погрузочного механизма для предприятий Свердловтранслеса	Ф. И. Кузнецов	25	Свердтранслес
10	Характеристика лесосырьевых районов Урала (Свердловская и Челябинская области)	В. А. Урванов, Э. Г. Дзадзamia	30	Уральский филиал ЦНИИМЭ
11	Изучение состояния механизированного рельсового лесотранспорта	С. С. Петров	25	Уральский филиал ЦНИИМЭ
12	Изучение и освоение нового лесозаготовительного оборудования (путеукладка)	Ф. И. Кузнецов	25	Уральский филиал ЦНИИМЭ
13	Изучение состояния тракторного лесотранспорта и лесозаготовительной промышленности Урала	Д. Д. Ерахтин	70	Главлесмет

Краткая характеристика ключевых научных результатов УЛТИ, призванная давать сжатое представление о профиле научной деятельности вуза, также была всецело химико-механизаторской. Все ключевые научные результаты, зафиксированные отчетом, имели химический или механизаторский характер – будь то газогенератор на швырковых дровах, разработанный Г. Ф. Кулябиным, звеньевая укладка узкоколейных железных дорог «по системе Кузнецова» или проект цеха для выработки флотомасел, сооружаемый в Нижней Синячихе. Аналогичный перевес политехников наблюдался в области подготовки диссертаций. За отчетный период были подготовлены 3 докторские диссертации, посвященные проблемам вывоза леса по рельсовым путям и распилу древесины (еще одна докторская, принадлежавшая Е. М. Титову и посвященная «сапропелевой теории происхождения нефти», находилась «в стадии выполнения»), и 7 кандидатских диссертаций, посвященных выработке флотомасел из древесноугольной смолы и шпалоокорочным станкам. Все эти работы были связаны с темами, которые в УЛТИ развивались до появления лесохозяйственного факультета в 1941 г.

Между тем, в 1948–1949 гг. работа учебно-научных учреждений, связанных с биологией, находилась в эпицентре своего рода идеологического «шторма», связанного с именем Т. Д. Лысенко, – кампании по борьбе с «вейсманизмом-морганизмом». Лесоводческая наука СССР не осталась в стороне от кампании: Лысенко старался вписаться в «сталинский план преобразования природы», предложив методику гнездового посева для вновь создаваемых в засушливых районах лесополос; позднее, в начале 1950-х гг., именно ботанические журналы, которыми руководил лесовед В. Н. Сукачев, оказались застрельщиками в выступлении против лысенковских идей [2]. Насколько мы можем судить, эти идейные баталии в целом обошли УЛТИ стороной: они затронули в основ-

ном Уральский госуниверситет и Свердловскую сельскохозяйственную академию [9; 16; 20], а «главным вейсманистом» города Свердловска был объявлен основатель и директор Института биологии Уральского филиала АН СССР, профессор УрГУ, физиолог В. И. Патрушев [9, с. 99]. И хотя некоторые из ученых УЛТИ приняли активное участие в баталиях (так, Н. А. Коновалов летом 1948 г. выступил на страницах главной областной газеты «Уральский рабочий» со статьей «Биологическая наука на новом этапе», а в 1949 г. представил доклад о «мичуринской биологии» на Свердловской областной производственно-технической конференции работников лесной промышленности и лесного хозяйства, позднее изданный отдельной брошюрой), научный отчет института ограничился лишь кратким замечанием о соответствии лесоводческих изысканий, финансируемых из госбюджета, «идеям Мичурина – Вильямса – Лысенко». Громадный размах «сталинского плана» затронул УЛТИ очень слабо – среди практических мер по содействию степному лесоразведению отчет называл разве что отправку 35 студентов под руководством доцента В. С. Голутвина и ассистента П. В. Луговых в Чкаловскую область для работ по созданию полезащитных полос [13, л. 22].

УЛТИ оставался индустриально-технологическим вузом, занимавшимся в первую очередь проблемами добычи, транспортировки и переработки лесного сырья – темами, обретшими высокую актуальность еще в 1930-е гг. Лесоводческая наука в 1940-х гг. играла в институте второстепенную роль. Можно предполагать, что с точки зрения руководителей лесотехнического вуза идеологические баталии вокруг генетики были делом второстепенным по сравнению с изысканиями в области лесохимии и транспортировки леса, в которых вуз стараниями В. Н. Козлова, М. М. Корунова и ряда других специалистов занимал лидирующие позиции с середины 1930-х гг.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и Правительства Свердловской области № 20-49-660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX - конец XX вв.)»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вигоров Ю. Л. Сила духа в экстремальных условиях // Леса Урала и хозяйство в них: сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т 2005. Вып. 26. С. 17-24.
2. Горчаковский П. Л. Уральский след академика В. Н. Сукачева // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 13-21.
3. Залесов С. В. Выдающийся геоботаник и фитогеограф (к 100-летию со дня рождения П. Л. Горчаковского) // Леса России и хозяйство в них. 2019. № 3. С. 87-91.
4. Зубарева Р. С., Луганский Н. А. Нил Алексеевич Коновалов (к 100-летию со дня рождения) // Леса Урала и хозяйство в них: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1995. Вып. 18. С. 5-23.
5. Зыкин И. В. Структура лесопользования и место Советского Союза в мировой лесопромышленной деятельности в период модернизации конца 1920-х – 1930-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 2. С. 143-158.
6. Истомина Э. Г. Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17. С. 169-184.
7. Козляков В. Е. Из истории формирования в Беларуси системы подготовки специалистов лесного хозяйства и становления белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова // Известия БГТУ. Серия 6. 2018. № 2. С. 5-9.
8. Комов С. В. Биологический факультет: 1944 – 1985 // Мы постигаем логику живого... 60 лет биологическому факультету Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. С. 31-54.
9. Колосова Е. Н. Василий Иванович Патрушев: известный и неизвестный. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. 206 с.
10. Коперин Ф. И., Трофимов П. М. Высшая лесная школа СССР к 40-летию Великого Октября // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 1958. № 1. С. 5-26.
11. Лесоводственная наука на Урале. Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический ун-т, 2006. 360 с.
12. Моисеев Н. А. Лесная наука и практика в историческом аспекте: состояние и перспективы на примере России // Лесной вестник. 2012. № 1. С. 7-15.
13. Отчет о научно-исследовательской работе Уральского лесотехнического института за 1949 год // Гос. архив Свердловской обл. Ф. Р-2440. Оп. 1. Д. 101.
14. П. С. Серговский – основатель научно-педагогической школы гидротермической обработки древесины (к 100-летию со дня рождения) // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2013. № 1. С. 169-170.
15. Сабайдаш М. В. Ретроспективный анализ деятельности морских торговых портов в годы первых пятилеток и их роль в индустриализации экономики СССР (1928 – 1940 гг.) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 83-97.
16. Смирнов Н.Г. Биология на Урале от В.Н. Татищева до наших дней. Учебное пособие к курсу: «История и методология биологии. Региональный аспект». Екатеринбург: Академкнига, 2006. 148 с.
17. Туркин В. А., Цепляев В. П. Образование лесохозяйственное и лесотехническое // Лесная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 127-130.
18. Уральская государственная лесотехническая академия. Екатеринбург: УГЛА, 2000. 472 с.
19. Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова. Годовой отчет института о научно-исследовательской деятельности за 1950 год // Гос. архив Свердловской обл. Ф. Р-227. Оп. 5. Д. 70.
20. Чупрунов Р. А., Синько В. Н. Наука в Свердловском сельскохозяйственном институте в послевоенный период: достижения и проблемы // Молодежь и наука. 2019. № 12. С. 24.

21. Янушко А. Д., Дашкевич Е. А. История Белорусского государственного технологического университета в документах и фактах (1920-2000 гг.) Минск: БГТУ, 2008. 175 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vigorov Ju. L. Sila duha v jekstremal'nyh uslovijah // Lesa Urala i hozjajstvo v nih: sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Ural. gos. lesotehn. un-t 2005. Vyp. 26. S. 17-24.
2. Gorchakovskij P. L. Ural'skij sled akademika V. N. Sukacheva // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 27. S. 13-21.
3. Zalesov S. V. Vydajushhijsja geobotanik i fitogeograf (k 100-letiju so dnja rozhdenija P. L. Gorchakovskogo) // Lesa Rossii i hozjajstvo v nih. 2019. № 3. S. 87-91.
4. Zubareva R. S., Luganskij N. A. Nil Alekseevich Konovalov (k 100-letiju so dnja rozhdenija) // Lesa Urala i hozjajstvo v nih: sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 1995. Vyp. 18. S. 5-23.
5. Zykin I. V. Struktura lesopol'zovanija i mesto Sovetskogo Sojuza v mirovoj lesopromyshlennoj dejatel'nosti v period modernizacii konca 1920-h – 1930-h gg. // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija. 2020. № 2. S. 143-158.
6. Istomina Je. G. Lesnoe hozjajstvo gubernij Evropejskoj Rossii v XIX – nachale XX v.: mehanizmy upravlenija i ohrany // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2014. № 17. S. 169-184.
7. Kozljakov V. E. Iz istorii formirovanija v Belarusi sistemy podgotovki specialistov lesnogo hozjajstva i stanovlenija belorusskogo lesotekhnicheskogo instituta imeni S. M. Kirova // Izvestija BGTU. Serija 6. 2018. № 2. S. 5-9.
8. Komov S. V. Biologicheskij fakul'tet: 1944 – 1985 // My postigaem logiku zhivogo... 60 let biologicheskemu fakul'tetu Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2004. S. 31-54.
9. Kolosova E. N. Vasilij Ivanovich Patrushev: izvestnyj i neizvestnyj. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 2008. 206 s.
10. Koperin F. I., Trofimov P. M. Vysshaja lesnaja shkola SSSR k 40-letiju Velikogo Oktjab-rja // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Lesnoj zhurnal. 1958. № 1. S. 5-26.
11. Lesovodstvennaja nauka na Urale. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj lesotekhnicheskij un-t, 2006. 360 s.
12. Moiseev N. A. Lesnaja nauka i praktika v istoricheskom aspekte: sostojanie i perspektivy na primere Rossii // Lesnoj vestnik. 2012. № 1. S. 7-15.
13. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote Ural'skogo lesotekhnicheskogo instituta za 1949 god // Gos. arhiv Sverdlovskoj obl. F. R-2440. Op. 1. D. 101.
14. P. S. Sergovskij – osnovatel' nauchno-pedagogicheskoy shkoly gidrotermicheskoy obrabotki drevesiny (k 100-letiju so dnja rozhdenija) // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Lesnoj zhurnal. 2013. № 1. S. 169-170.
15. Sabajdash M. V. Retrospektivnyj analiz dejatel'nosti morskikh torgovyh portov v gody pervyh pjatiletok i ih rol' v industrializacii jekonomiki SSSR (1928 – 1940 gg.) // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Serija: Jekonomika. 2020. № 4. S. 83-97.
16. Smirnov N.G. Biologija na Urale ot V.N. Tatishheva do nashih dnei. Uchebnoe posobie k kursu: «Istorija i metodologija biologii. Regional'nyj aspekt». Ekaterin-burg: Akademkniga, 2006. 148 s.
17. Turkin V. A., Cepljaev V. P. Obrazovanie lesohozjajstvennoe i lesotekhnicheskoe // Lesnaja jenciklopedija. T. 2. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1986. S. 127-130.
18. Ural'skaja gosudarstvennaja lesotekhnicheskaja akademija. Ekaterinburg: UGLA, 2000. 472 s.
19. Ural'skij politehnicheskij institut im. S. M. Kirova. Godovoj otchet instituta o nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti za 1950 god // Gos. arhiv Sverdlovskoj obl. F. R-227. Op. 5. D. 70.
20. Chuprunov R. A., Sin'ko V. N. Nauka v Sverdlovskom sel'skohozjajstvennom institute v poslevoennyj period: dostizhenija i problemy // Molodezh' i nauka. 2019. № 12. S. 24.

-
21. Janushko A. D., Dashkevich E. A. Istorija Belorusskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta v dokumentah i faktah (1920-2000 gg.) Minsk: BGTU, 2008. 175 s.

Поступила в редакцию 03.08.2021.

Принята к публикации 06.08.2021.

Для цитирования:

Бугров К.Д. Научные исследования в Уральском лесотехническом институте 1930-х – 1940-х гг.: пути формирования и важнейшие направления развития // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С. 8-18. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Bugrov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503671>
УДК 273(908)

Демидов А.В., Соколов А.В.

Демидов Андрей Викторович, кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорта (МИИТ), Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9. E-mail: econ417@rambler.ru.

Соколов Александр Владимирович, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (ТГПУ им. Л.Н. Толстого), Россия, 300026, г. Тула, пр-т Ленина, 125. E-mail: alks_2@mail.ru.

К вопросу о локальных центрах старообрядчества: на примере села Бунырево Алексинского уезда Тульской губернии в XIX - начале XX века

Аннотация. В последнее время тема «старообрядчества» актуализировалась как в сугубо научной, так и в общественной среде. Однако проблематика старообрядчества Тульского региона до сих пор практически не освещалась научным сообществом. В рамках статьи мы не можем охватить весь регион, а сконцентрируемся на локальном центре староверия в относительно узких хронологических рамках – селе Бунырево Алексинского уезда Тульской губернии в XIX-начале XX вв. Перед нами стоит ряд задач: во-первых, выявить время появления старообрядчества на территории села; во-вторых, изучить религиозный состав села и место старообрядчества в нём; в-третьих, изучить социальные и религиозные практики старообрядцев. В результате проведенного исследования было выявлено: во-первых, старообрядчество в село Бунырево проникло не позже 1814 года; во-вторых, село, по-видимому, было в большей степени «никонианским», а из старообрядцев здесь отмечаются только представители федосеевского согласия; в-третьих, федосеевцы были интегрированы в социальную реальность, они выработали практики обхода догматического запрета на вступление в брак и смогли выстроить взаимоотношения с властями и «соседями-никонианами»; в-четвертых, религиозные практики федосеевцев были ограничены, около села они смогли организовать свое кладбище, однако постоянного начетчика и молитвенного дома у них не отмечалось.

Ключевые слова: старообрядцы, федосеевцы, с. Бунырево, Присненское, Алексинский уезд, Преображенское кладбище, кладбище, брак.

Demidov A.V., Sokolov A.V.

Demidov Andrei Victorovich, Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian university of transport (MIIT), Russia, 127994, Moscow, Obrazcova Ulitsa 9b9. E-mail: econ417@rambler.ru.

Sokolov Alexander Vladimirovich, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy (TSPU named after L. N. Tolstoy), Russia, 300026, Tula, Lenina Prospect, 125. E-mail: alks_2@mail.ru.

On the question of the local centers of the Old Believers: on the example of the village of Bunyrevno in the Aleksinsky district of the Tula province in the XIX-early XX century

Abstract. Recently, the topic of "Old Believers" has been actualized both in a purely scientific and in a public environment. However, the problems of the Old Believers in the Tula region have so far been practically not covered by the scientific community. Within the framework of the article, we cannot cover the entire region, but will focus on the local center of the Old Belief in a relatively narrow chronological framework – the village of Bunyrevno in the Aleksinsky district of the Tula province in the XIX-early XX centuries. We are facing a number of tasks: first, to identify the time of the appearance of the Old Believers on the territory of the village; secondly, to study the religious composition of the village and the place of the Old Believers in it; thirdly, to study the social and religious practices of the Old Believers. As a result of the conducted research, it was revealed: firstly, the Old Believers penetrated into the village of Bunyrevno no later than 1814; secondly, the village, apparently, was more "Nikonian", and only representatives of the Fedoseevsky consent are noted here from the Old Believers; thirdly, the Fedoseyevites were integrated into the social reality, they developed practices to circumvent the dogmatic prohibition on marriage and were able to build relationships with the authorities and "Nikonian neighbors"; fourth, the religious practices of the Fedoseyevites were limited, they were able to organize their own cemetery near the village, but they did not have a permanent reader and a prayer house.

Key words: old Believers, fedoseyevtsy, S. Bunyrevno, Presnenskoye, Aleksinsky district, Preobrazhenskoye cemetery, cemetery, marriage.

В последнее время запросы общества по тематике старообрядчества значительно возросли. Так, в период с 1991 по 2000 гг. было написано 178 диссертаций, в которых, так или иначе, затрагивалась проблематика староверия. Однако, в последующие 20 лет их количество резко возросло, и с 2001 по 2020 гг. было представлено на защиту 5678 работ [27]. Интерес к данной тематике выражается в потребности фундаментальных исследований, что находит свое отражение в планировании РАН: «взаимодействие культур и религий в историческом процессе» [24]. Общественность также заинтересована в теме старой веры. Подтверждением этого служит документальный фильм канала «Редакция» на YouTube, набравший 5,5 млн. просмотров на 5 августа 2021 года [19]. Сопоставимые цифры в 5,5 млн просмотра набрала серия документальных роликов на YouTube канал rus31news [1]. Также на этой площадке встречаются и иные материалы разной степени популярности, связанные с темой «старообрядчества», что говорит о значительных потребностях общества в освещении данной темы.

Однако тематика староверия практически не разрабатывалась тульскими исследователями, в то же самое время в фондах «Государственного архива Тульской области» (далее – ГУ ГАТО) содержится

корпус источников по месту старообрядцев в регионе. Село Бунырево Алексинского уезда нам интересно как региональный центр одного из направлений староверия – федосеевцев, существовавшего в регионе в XIX - начале XX вв. Проблемность данной тематики заключается в том, что локальные центры старообрядчества Тульской губернии не являлись предметом изучения. Исследуя локальный центр старообрядчества, мы сможем приблизиться к пониманию процессов, протекающих в религиозной среде малых поселений.

Целью нашего исследования является изучение социо-религиозных процессов в региональных старообрядческих центрах в XIX - начале XX вв. на примере села Бунырево Алексинского уезда

Для достижения данной цели мы обратились к следующим типам источников:

1. Законодательные акты и подзаконные нормативно-правовые документы. Данная группа позволяет понять правовые рамки, в которых функционировало старообрядчество.

2. Делопроизводственные материалы, включающие: статистические сведения, отчетную документацию, циркуляры, картографию, внутриведомственную и межведомственную переписку. Эта группа позволяет определить реальные практики взаимодействия местных властей и старообрядчества, охарактеризовать количество

староверов, во всяком случае, зафиксированных, а также локализовать старообрядческое кладбище.

3. Публицистические материалы, в первую очередь, статьи из «Тульских епархиальных ведомостей» (далее – ТЕВ), которые содержат этнографические сведения, полемические практики, которые позволяют понять эволюцию взаимоотношения власти и староверия.

Исследование строится на принципах: историзма [32, С. 149-151], объективности [32, С. 237-238], целостности [32, С. 525-528]. В основу проведения исследования был положен региональный подход, применяемый не для иллюстрации, а для выявления своеобразия локальной старообрядческой религиозной группы и её исторического развития [32, С. 429-431]. Также для достижения цели применялись ряд специально исторических методов: историко-генетический [32, С. 153] и терминологический анализ [32, С. 284-286].

В данном исследовании мы будем использовать ряд терминов, интерпретация которых требует пояснений. Так, старообрядчество мы понимаем как религиозное движение, в своем развитии обусловленное социокультурной инверсией и включающее два направления: поповство и беспоповство, а также ассоциирующее свой религиозный уклад с порядком, существовавшим до реформ патриарха Никона. При цитировании будут использоваться термины «раскол» и «секта», которые в настоящее время носят оскорбительный характер, однако в период XIX – начала XX вв. имели широкое хождение в официальных актах, документации и литературе, в том числе простарообрядческого толка. Под понятие «религиозные отщепенцы» попадают все религиозные движения, которые не признавались допустимыми и «инородческими», данный термин используется как корректный при обозначении религиозных движений, которые в дореволюционной литературе попадали под «раскол» и «сектантство». Под термином «власть» мы будем иметь в виду «государственную власть», которую следует понимать как

систему государственных органов и иных структур, выполняющих функции: политические, экономические и правоохранные [29, С. 20]. Здесь нужно добавить и социальные функции. Государственная власть XIX – начала XX века была двуединой и состояла из ряда светских институтов и духовного института – в лице Священного Синода – именно это порождало противоречивые отношения между «властью» и старообрядцами.

Село Бунырево (Присненское), уже существовавшее в первой половине XVI века [16, С. 4], входило в состав Алексинского уезда Тульской губернии. В селе находился храм Смоленской [иконы] Божией Матери и на 1895 год его приход насчитывал 1,5 тысячи душ [25, С. 65]. До отмены крепостного права в 1861 году население Бунырево представляла собой в целом однородный социальный слой, попадавший под категорию экономических крестьян [25, С. 65]. Религиозный состав данного населенного пункта, согласно официальным данным, был в целом однороден и включал в себя преимущественно православное население. Так, согласно «Ведомостям о числе» на период с 1824 по 1827 гг. в приходе храма Смоленской [иконы] Божией Матери не фиксировались религиозные отщепенцы [5, 12, 13], однако в 1829 году выявили 5 мужчин и 3 женщины в блоке: «духоборов, молокан и иконоборцев» [6, Л. 21]. Узнать конкретную религиозную принадлежность этих 8 человек в настоящее время невозможно, уже к 1830 году Бунырево не фигурирует в отчетной документации [4, Л. 5-19]. Таким образом, село попадало в категорию «не заражённого расколом».

Так или иначе наиболее ранним свидетельствами о наличии старообрядчества в селе Бунырево служит процесс 1814 года над беспоповцем-федосеевцем Ильёй Трофимовым [14]. Этот человек является предком соавтора настоящего исследования и указан в поколенной росписи рода Демидовых [17, С. 74]. В настоящее время пока не были обнаружены источники о ходе суда, существуют лишь записи о пред-

варительном разбирательстве епархиального начальства.

В дальнейшем выяснится, что в данном населенном пункте среди религиозных отщепенцев доминирует именно федосеевская группа, в то время как иные подразумеваются, но не называются [31, С. 11]. Установить динамику роста и спада количества старообрядцев с. Бунырево, к сожалению, также невозможно, сейчас мы можем оперировать лишь данными о зафиксированных старообрядцах в отдельные года. Так в Буныревском приходе за 1862 насчитывался 21 федосеевец [11, Л. 11], 1868 – 60 [9, Л. 2], 1890 – 53 [22, Л. 5-об.-6], 1902 – 62 [30, С. 317], 1904 – 57 старообрядцев, среди которых «преобладают федосеевцы» [31, С. 11]. В то же время по всей Тульской губернии в 1899 году фиксировалось – 90 [15, Л. 11], а в 1900 г. – 94 федосеевца [10, Л. 4]. Подобный хронологический разброс пока не позволяет делать общие выводы о зафиксированной количественной динамике федосеевцев в Бунырево, однако мы можем отметить, что в данном селе среди религиозных отщепенцев было представлено преимущественно федосеевское согласие. Также стоит отметить, что, во всяком случае, к концу XIX – начале XX вв. большая часть федосеевцев Тульской губернии, видимо, проживало в Бунырево.

Выявив федосеевскую принадлежность буныревских старообрядцев, мы можем охарактеризовать их социальные и религиозные практики. Федосеевское согласие является частью большой группы беспоповщины. Оно возникло в 90-ые годы XVII века, основателем его принято считать Феодосия Васильева, как община монастырского типа. Сторонники Феодосия не признавали брака, воспринимали странство и время как «царство антихриста», придерживались общежития закрытого типа, отрицали возможность священства и не моление за царя [18, С. 316-325]. Подъем федосеевщины начинается в 70-ые годы XVIII века в Москве, это связано с деятельностью федосеевского купца вышедшего из крепостнической среды Ильи

Алексеевича Ковылина, во время всплеска чумы в 1771 году, когда власти обратились к горожанам за помощью в организации карантинных мер. При Преображенской заставе, в большей мере на ее средства, были созданы бараки и ставшее центром практически всего федосеевства – Преображенское кладбище, в котором осуществлялась помощь больным вкупе с прозелитизмом. Именно под фактическим руководством И.А.Ковылина федосеевская община Преображенского кладбища достигла пика своего влияния и экономического могущества [18, С. 430-436].

По всей видимости, именно через Преображенское кладбище в село Бунырево проникло федосеевское согласие. Так, Илья Трофимов пребывал в 1813 году в Преображенской заставе, где и перешел в федосеевство [14, Л. 3]. Также «заразились расколом» и некоторые другие жители Бунырево, когда проживали у Преображенского кладбища [23, С. 375].

Имея канонический запрет на вступление в брак и супружескую жизнь, федосеевцы стремились, с одной стороны, сохранить верность «истинной вере», а с другой – обойти это ограничение. С одной стороны, существовал вариант религиозного движения – воздыханцев, которые указывали, что в век антихриста каждый может «любить так» [26]. Однако, такой вариант был чреват рядом последствий: во-первых, подобные отношения подвергались жесточайшей критике в обществе, особенно в среде крестьян [2] и несмотря на то, что старообрядцы относились к таким проявлением более снисходительно [21, С. 166], тем не менее, в Бунырево «никониане», по всей видимости, преобладали над федосеевцами, а, значит, социальная напряженность могла возрастать; во-вторых, внебрачные дети были повреждены в правах, в первую очередь, наследственных [28]; в-третьих, внебрачное сожитие преследовалось местными властями [20].

Селяне Бунырево, по всей видимости, склонялись ко второму варианту, который заключался в становлении крипто-

старообрядцами. Под крипто - старообрядцами понимают тех, которые формально принадлежали к господствующей церкви, однако де-факто являлись представителями того или иного староверческого согласия. Такая стратегия позволяла решать вопросы с поврежденными правами, так как они официально не являлись староверами, позволяла легитимизировать сожительство через брак и выступали как безальтернативные практики брачных церемоний и обрядов, отсутствующих у федосеевцев. Подтверждением данной точки зрения служит процесс Андрея Филипова Горнова в 1851 году, он до вступления в брак числился православным, а после его заключения и рождения детей отошел от господствующей церкви, причем на него обратили внимание только через несколько лет после прерывания религиозного общения с синодальным православием [23, С. 376, 379]. При этом он крестил своих сыновей в господствующей церкви [23, С. 376]. Видимо, это было сделано из практических соображений.

Практика крещения федосеевцами своих детей в господствующей церкви сохранялась и после начала крестьянской эмансипации 60-ых годов XIX века. Так, буныревский священник Андрей Руднев в 1868 году пишет: «младенцев же их крестили в православной нашей церкви» [9, Л. 7], и даже в случае их смерти захоранивали не с федосеевцами, а на «никонианском» кладбище [9, Л. 7-об]. Стоит сказать, что крипто-старообрядчество было далеко не уникальным феноменом буныревского староверия. Так, в подобной среде и долгое время оставался сызранский федосеевец, а в дальнейшем видный антистарообрядческий полемист Павел Прусский [3, с. 1-2]. Такое положение вещей Т.А. Володина обозначила как «маятниковый дрейф», когда люди сознательно формально отходят от своего согласия, становясь частью господствующей церкви из-за желания не быть поврежденными в правах, но при этом не разывают прежних социально-религиозных связей до конца [7, С. 40]. Более того, они могли являться и глубоко

верующими староверами. На этом фоне мы можем также прийти к выводу о том, что невозможно точно установить количество старообрядцев не только в Бунырево, но и вообще по Российской империи.

О локальных социальных связях федосеевцев с «никонианами» говорить сложно из-за недостаточности и противоречивости источниковой базы. Так, миссионер Дмитрий Скворцов утверждал, что буныревские федосеевцы вели замкнутый образ жизни, но тут же указывает на старост-федосеевцев буныревского прихода, непосредственно сельского старосту в Бунырево и деревенского в Погиблова [30, С. 317]. По утверждению В.Н.Миронова должность старосты после реформ 1860-ых годов была наиболее важной из выборных, хотя к началу XX века теряла свою привлекательность [21, С. 464-465]. Так или иначе, старосту выбирал мир на сходе, а, значит, он не мог быть «аутсайдером» и должен был пользоваться определенным авторитетом. По всей видимости для «никонианской» части Бунырево были свойственны элементы индифферентного отношения к религиозным воззрениям односельчан.

Религиозные же практики буныревских федосеевцев были ограничены, что связано с отсутствием, во всяком случае в начале XX в., молитвенного дома. В начале XX века они были вынуждены приглашать к себе для совершения треб начетчика из Серпухова или же ездить к нему [30, С. 317]. Важным объектом для старообрядцев федосеевского толка были кладбища, на которых они могли бы открыто проводить церемонии погребения [9, Л. 2-3, 11-11-об].

Кладбища выполняли как социально-культурную, так и чисто религиозную функцию. Официально буныревское федосеевское кладбище было утверждено приказом губернатора от 25 октября 1868 года после прошения старообрядцев. Кладбище располагалось в 130 саженьях от Бунырево и его площадь была 8 десятин [9, Л. 11-11-об]. При этом они на испрашиваемом участке и раньше захоранивали своих еди-

новерцев. Вот что пишет буныревский священник Алексей Руднев: «при том, они давно уже и беспрепятственно пользуются этим участком, который испрашивают – на исправление теперь они зарывали своих умерших только взрослых, каковых с ведома и по прошению гражданской полиции я с причтом провожал из домов до кладбища» [9, Л. 7]. То есть о нелегальных захоронениях федосеевцев ранее знали представители духовной и светской власти, однако теперь они желали легитимизировать своё кладбище и придать ему официальный статус. Мотивация подобных действий не до конца ясна.

К началу XX века в буныревском приходе верховодили федосеевские старообрядцы, на это указывает религиозная принадлежность старост Бунырево и Погиблова. Они происходили из семейства Горловых. Один из членов этой семьи – Иван Андреев – являлся старостой села Бунырево, его племянник Андрей Федоров – деревни Погиблово [30, С. 317]. По всей видимости, в отсутствие человека, на которого староверы могли бы возложить ис-

полнение треб, функции защитников учения Феодосия Васильева выполняли члены семейства Горловых [30, С. 317]. Миссионер Дмитрий Скворцов следующим образом охарактеризовал положение Буныревского прихода: «...местная власть находится в руках раскола, чем не особенно-таки довольно православное население, которое, между прочим, высказывало открыто такое неудовольствие потому случаю, что для православных отведено новое кладбище дов. далеко от храма, тогда как старообрядческое кладбище находится вблизи от храма» [30, С. 317].

О близости федосеевского и отдаленности нового «никонианского» кладбища также свидетельствует фрагмент межевого плана села Бунырево (Рис.1) [8, Л. 2], на котором отчетливо видно территориальное расположение погребений. При церкви было кладбище, оно самое старое и, видимо, к началу XX века практически не использовалось. От церкви выше – это старообрядческое кладбище, а правее за выгоном большое – «никонианское».

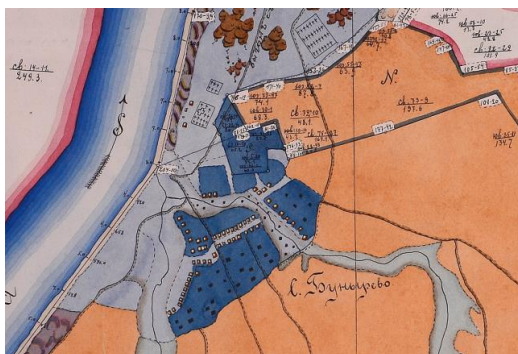

Рис. 1 Фрагмент межевого плана села Бунырево и окрестностей, 1912 г.

Источник: ГУ ГАТО. Ф. 691. Оп. 6 Д. 28. Л. 2.

Таким образом, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, на данный момент мы можем утверждать, что старообрядчество в селе Бунырево проникло не позже 1814 года. Во-вторых, село Бунырево представляло из себя в большей степени индифферентных к иноверию «никониан», а среди религиозных отщепенцев фиксировались преимущественно старообрядцы-

федосеевцы. В-третьих, конфессиональная адаптация федосеевцев привела к детабуизации celibата на фоне формального придерживания его. В-четвертых, федосеевцы, находясь в рамках «никонианской» реальности, мимикрировали под сторонников «господствующей церкви», становясь крипто-старообрядцами. Сложно сказать, когда этот процесс был запущен, однако к

середине XIX века уже выросло поколение формально-православных, которое уже имело своих детей, воспитывающихся в той же системе. В-пятых, религиозные институты буныревских федосеевцев были ограничены, у них не было своего начёт-

чика и молитвенного дома, во всяком случае, они не фиксировались властями, однако они обладали своим кладбищем, выполняющим социально-религиозную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rus31news. // Видео блог. Режим доступа URL: <https://www.youtube.com/channel/UCW9zgAgBfNvUcbGAIYUkgSQ/videos> (дата обращения 05.08.2021)
2. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та., 2004. // Элек. Данные. Режим доступа URL: <http://window.edu.ru/resource/820/21820/files/bezgin.pdf> (дата обращения 08.08.2021)
3. Беренский Н. Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольничья деятельность. Киев: Журн. "Миссионерское обозрение", 1899. 177 с.
4. Ведомости числа старообрядцев и раскольников Тульской губернии // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 140. Л. 104.
5. Ведомости числа старообрядцев и раскольников Тульской епархии // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3140. Л. 17.
6. Ведомости числа старообрядцев и раскольников Тульской епархии; рапорты духовных правлений и благочинных священников об отсутствии старообрядцев и раскольников // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3981. Л. 130
7. Володина Т.А. Численность Тульских старообрядцев в XVIII-XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. №18. С. 38-43.
8. Выкопировка с плана на участок земли в даче межевания с. Бунырево Алексинского у. // ГУ ГАТО. Ф. 691. Оп. 6 Д. 28. Л. 2.
9. Дело о выделении земли под кладбище старообрядцев в селе Бунырево Алексинского уезда // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5495. Л. 12.
10. Дело о направлении Тульской духовной консисторией в Тульский губернский статистический комитет ведомостей числа церквей Тульской епархии учащихся духовных заведений, раскольников и метрической ведомости // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 98. Л. 18.
11. Дело о направлении уездными городничими и земскими исправниками ведомостей о сектах раскольников и их молитвенных зданиях за 1862 г. (именные и статистические ведомости прилагаются) // ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. т. 34. Д. 26587 Л. 62.
12. Дело о сборе сведений о количестве раскольников и сектантов по Тульской губернии // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1850 Л. 11.
13. Дело о сборе сведений о количестве раскольников и сектантов по Тульской губернии // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2486 Л. 12.
14. Дело об участии крестьянина из села Бунырево Алексинской округи Ильи Трофимова в раскольнической секте беспоповщина // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 20. Л. 20.
15. Дело по отношению Тульского губернского статистического комитета в Тульскую духовную консисторию о направлении сведений о движении населения, о раскольниках, об учебных заведениях и средствах их содержания // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 5158. Л. 18.
16. Демидов А.В. К вопросу об основании Бунырева монастыря в середине XVI века // Гуманитарный научный вестник. 2021. №2. С. 1-5. Режим доступа URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/02/Demidov.pdf>. (дата обращения 10.08.2021)
17. Демидов А.В. О некоторых фактах из истории села Бунырево XVII – первой трети XX века: [Тульская область]. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Клуб печати, 2020. 75 с.
18. Зеньковский С.А. Русское Старообрядчество В двух томах. / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. 687 с.
19. Как живут русские старообрядцы в Южной Америке / Редакция. // Видео блог. Режим доступа URL: <https://www.youtube.com/watch?v=17-3EGQ1aAw&t=6s> (дата обращения 05.08.2021)

20. Лесков Н.С. Сводные браки в России “как заключаются сводные браки? // Электрон. дан. Режим доступа URL: <https://www.litmir.me/br/?b=102022&p=188>
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т.—3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. XL, 548 с.
22. Отчет миссионера г. Тулы протоирея Георгия Панова о состоянии раскола в селах Алексинского уезда // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 2652 Л. 8.
23. Панов Г.И. Материалы для истории сектантства в тульской епархии//ТЕВ.1886№23-24С.375-384
24. План фундаментальных исследований Российской академии наук на период до 2025 года. // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://www.ras.ru/scientificactivity/plan2025.aspx>
25. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула: Тип. Соколова и Фортунатова, 1895. II, 781, XLIII с.
26. Пругавин А.С. Значение сектантства в русской народной жизни // Электрон. дан. Режим доступа URL: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1881_znachenie_sektatntstva_oldorfo.shtml (дата обращения 07.08.2021)
27. Российская государственная библиотека. // Электрон. дан. Режим доступа URL:<https://search.rsl.ru>
28. Селютина Е.Н. Правовое положение незаконнорожденных в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. гос. и муниципального управления. 2015.№ 1.С.61–68.
29. Симонова Е.В. Революционные процесс в региональном измерении: общество партии и власть в 1917-первой половине 1918 г. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2017. 306 с.
30. Скворцов Д.И. Наблюдения и впечатления миссионера // ТЕВ. 1903. №9 С. 314-319
31. Скворцов Д.И. Отчетные сведения о миссионерской деятельности Тульского Епархиального миссионера за первую половину 1904 г. // ТЕВ. 1904. №21. С. 1-12
32. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Rus31news. // Video blog. Rezhim dostupa URL: <https://www.youtube.com/channel/UCW9zgAgBfNvUcbGAIYUkgSQ/videos> (data obrashheniya 05.08.2021)
2. Bezgin V.B. Krest'janskaja povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala HH veka). M.-Tambov: Izdvo Tamb. gos. teh. un-ta., 2004. // Jelek. Dannye. Rezhim dostupa URL: <http://window.edu.ru/resource/820/21820/files/bezgin.pdf> (data obrashheniya 08.08.2021)
3. Berenskij N. Arhimandrit o. Pavel (Prusskij) i ego protivoraskol'nich'ja dejatel'nost'. Kiev: Zhurn. "Missionerskoe obozrenie", 1899. 177 s.
4. Vedomosti chisla staroobradcev i raskol'nikov Tul'skoj gubernii // GU GATO. F.3.Op.4.D. 140.L.104
5. Vedomosti chisla staroobradcev i raskol'nikov Tul'skoj eparhii // GU GATO. F. 3. Op.3.D. 3140.L.17.
6. Vedomosti chisla staroobradcev i raskol'nikov Tul'skoj eparhii; raporty duhovnyh pravlenij i blagochinnnyh svjashhennikov ob otsutstvii staroobradcev i raskol'nikov // GU GATO. F. 3. Op. 3. D. 3981. L. 130
7. Volodina T.A. Chislennost' Tul'skih staroobradcev v XVIII-XIX vv.: metodologicheskie aspekty // Staroobradchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. 2019. №18. S. 38-43.
8. Vykopirovka s plana na uchastok zemli v dache mezhevanija s. Bunyrevo Aleksinskogo u. // GU GATO. F. 691. Op. 6 D. 28. L. 2.
9. Delo o vydelenii zemli pod kladbishhe staroobradcev v sele Bunyrevo Aleksinskogo uезда // GU GATO. F. 3. Op. 9. D. 5495. L. 12.
10. Delo o napravlenii Tul'skoj duhovnoj konsistoriej v Tul'skij gubernskij stati-sticheskiy komitet vedomostej chisla cerkvej Tul'skoj eparhii uchashhihsja duhovnyh zavedenij, raskol'nikov i metriceskoy vedomosti // GU GATO. F. 3. Op. 8. D. 98. L. 18.
11. Delo o napravlenii uezdnymi gorodnichimi i zemskimi ispravnikami vedomostej o sektah raskol'nikov i ih molitvennyh zdaniyah za 1862 g. (imennye i statisticheskie vedomosti prilagajutsja) // GU GATO. F. 90. Op. 1. t. 34. D. 26587 L. 62.
12. Delo o sbore svedenij o kolichestve raskol'nikov i sektantov po Tul'skoj gubernii // GU GATO. F. 3. Op. 3. D. 1850 L. 11.

13. Delo o sbore svedenij o kolichestve raskol'nikov i sektantov po Tul'skoj gubernii // GU GATO. F. 3. Op. 3. D. 2486 L. 12.
14. Delo ob uchastii krest'janina iz sela Bunyrevo Aleksinskoj okrugii Il'i Trofimova v raskol'nicheskoi sekte bespopovshchina // GU GATO. F. 3. Op. 3. D. 20. L. 20.
15. Delo po otnosheniju Tul'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta v Tul'skuju duhovnuju konsistoriju o napravlenii svedenij o dvizhenii naselenija, o raskol'nikah, ob uchebnye zavedenija i sredstvakh ih soderzhanija // GU GATO. F. 3. Op. 7. D. 5158. L. 18.
16. Demidov A.V. K voprosu ob osnovanii Bunyreva monastyryja v seredine XVI veka // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2021. №2. С. 1-5. Rezhim dostupa URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/02/Demidov.pdf>. (data obrashhenija 10.08.2021)
17. Demidov A.V. O nekotoryh faktah iz istorii sela Bunyrevo XVII – pervoj tretej XX veka: [Tul'skaja oblast']. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Klub pečati, 2020. 75 s.
18. Zen'kovskij S.A. Russkoe Staroobryadčestvo V dvuh tomah. / Sost. G.M. Prohorov. Obshh. red. V.V. Nehotina. M.: Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009. 687 s.
19. Kak zhivut russkie staroobryadcy v Juzhnoj Amerike / Redakcija. // Video blog. Rezhim dostupa URL: <https://www.youtube.com/watch?v=17-3EGQ1aAw&t=6s> (data obrashhenija 05.08.2021)
20. Leskov N.S. Svodnye braki v Rossii "kak zakljuchajutsja svodnye braki? // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: <https://www.litmir.me/br/?b=102022&p=188>
21. Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII—nachalo XX v.): V 2 t.—3-e izd., ispr., dop. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2003. XL, 548 s.
22. Otchet missionera g. Tuly protoireja Georgija Panova o sostojanii raskola v selah Aleksinskogo uyezda // GU GATO. F. 3. Op. 7. D. 2652 L. 8.
23. Panov G.I. Materialy dlja istorii sektantstva v tul'skoj eparhii // TEV. 1886. № 23-24. S. 375 – 384.
24. Plan fundamental'nyh issledovanij Rossijskoj akademii nauk na period do 2025 goda. // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: <http://www.ras.ru/scientificactivity/plan2025.aspx>
25. Prihody i cerkvi Tul'skoj eparhii: izvlechenie iz cerkovno-prihodskih letopisej. Tula: Tip. Sokolova i Fortunatova, 1895. II, 781, XLIII s.
26. Prugavin A.S. Znachenie sektantstva v russkoj narodnoj zhizni // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1881_znachenie_sektantstva_oldorfo.shtml (data obrashhenija 07.08.2021)
27. Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: <https://search.rsl.ru>
28. Seljutina E.N. Pravovoe polozenie nezakonnozhdenij v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestn. gos. i municipal'nogo upravlenija. 2015. № 1. S. 61–68.
29. Simonova E.V. Revoljucionnyj process v regional'nom izmerenii: obshhestvo partii i vlast' v 1917-pervoj polovine 1918 g. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo, 2017. 306 s.
30. Skvorcov D.I. Nabljudenija i vpečatlenija missionera // TEV. 1903. №9 S. 314-319
31. Skvorcov D.I. Otchetnye sveden'ja o missionerskoj dejatel'nosti Tul'skogo Eparhi-al'nogo missionera za pervuju polovinu 1904 g. // TEV. 1904. №21. S. 1-12
32. Teorija i metodologija istoričeskoj nauki. Terminologičeskij slovar'. / Otv. red. A. O. Chubar'jan. M.: Akvilon, 2014. 576 s.

Поступила в редакцию 17.08.2021.
Принята к публикации 20.08.2021.

Для цитирования:

Демидов А.В., Соколов А.В. К вопросу о локальных центрах старообрядчества: на примере села Бунырево Алексинского уезда Тульской губернии в XIX - начале XX века // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С. 19-27. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Demidov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5235163>

УДК 392.8

Кошман Т.В., Сапарова К.С., Гайса А.М.

Кошман Татьяна Васильевна, старший преподаватель, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 010008, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. ул. Сатпаева, 2. E-mail: tatyanakoshman@mail.ru.

Сапарова Камеля Серікқызы, научный сотрудник, НИИ археологии им. К.А. Акишева, 010008, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. ул. Сатпаева, 2. E-mail: kml.96@mail.ru.

Гайса Акерке Маратқызы, научный сотрудник, НИИ археологии им. К.А. Акишева, 010008, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. ул. Сатпаева, 2. E-mail: akos_777_777@mail.ru.

Распространение чая в казахской степи в XIX - начале XX веков

Аннотация. Цель данной статьи проанализировать вопрос о распространении и торговле чаем в казахской степи в XIX - начале XX веков. Рассмотрение вопроса основано на изучении как материалов дореволюционных источников, так и современных авторов, позволяющих определить время распространения, стоимость чая и категорию потребителей чая. Изучение данного вопроса, позволили определить начало употребления чая в казахской степи с середины XIX века через развитие торговых отношений и изменений в ведении хозяйства в условиях перехода к оседлости.

Ключевые слова: чай, казахи, ярмарки, кочевое хозяйство, торговля, купцы, кирпичный чай.

Koshman T.V., Saparova K.S., Gaisa A.M

Koshman Tatyana Vasilievna, Senior Lecturer, Eurasian National University. L.N. Gumilyov, 010008, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, st. st. Satpayev, 2. E-mail: tatyanakoshman@mail.ru.

Saparova Kamelya Serikkyzy, Researcher, Research Institute of Archeology named after K.A. Akisheva, 010008, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, st. st. Satpayev, 2. E-mail: kml.96@mail.ru.

Kaysa Akerke Maratkyzy, Researcher, Research Institute of Archeology named after K.A. Akisheva, 010008, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, st. st. Satpayev, 2. E-mail: akos_777_777@mail.ru.

The spread of tea in the Kazakh steppe in the 19th - early 20th Centuries

Abstract. The purpose of this article is to analyze the issue of the distribution and trade of tea in the Kazakh steppe in the XIX - early XX centuries. The consideration of the issue is based on the study of both materials from pre-revolutionary sources and modern authors, which allow determining the time of distribution, the cost of tea and the category of tea consumers. The study of this issue allowed us to determine the time of the spread of tea in the Kazakh steppe since the middle of the XIX century through the development of trade relations and changes in farming in the conditions of transition to settlement.

Key words: tea, kazakhs, fairs, nomadic economy, trade, merchants, brick tea.

Появление в пищевом рационе человека чая отмечено достаточно давно, и, по мнению большинства ис-

следователей, родиной чая является южный Китай, где он получил свое распространение еще в начале I тыс. н.э. Затем

употребление чая распространяется на всю территорию Китая, а также в проникает в Японию и Тибет. Довольно широко распространено мнение о его тонизирующем свойстве, нередко и лечебном. Еще в XVII веке один из миссионеров, бывших в Китае, писал: «целительной силе чая приписывают то, что китайцы не страдают от подагры и каменной болезни; он исправляет дурное пищеварение, уничтожает последствия неумеренности, ибо поглощает и отводит излишние влажности; освобождает от сонливости желающих бодрствовать» [5, с. 154]. Чай в буддизме был признан священным напитком и с продвижением буддизма на территорию среднеазиатских государств, распространяется и употребление чая. И стоит отметить, что чай, содержащий большой процент азота, обладает очень важным свойством утолять голод или делать его менее ощутимым. Оказывает укрепляющее действие после физических нагрузок, а так же утоляет жажду. Таким образом, главным фактором распространения чая является общечеловеческая потребность в питательно-целебном, согревающим и приятном напитке.

Что вызвало распространение употребления чая у казахов? В своем большинстве исследователи данного вопроса акцентируют внимание на экономической основе. В результате колонизации Российской империей, казахских степей и сокращения пастбищных территорий для ведения скотоводства начинается оседание кочевников на землю. В свою очередь, сокращение скота вело к изменению образа жизни и вносило новые тенденции в традиционный рацион питания казахов. Именно экономическое изменение кочевого хозяйства повлекло за собой перемены и в бытовой сфере казахского аула. И если в первой половине XIX века чай являлся предметом роскоши и был популярен среди степной элиты, то ко второй половине XIX века потребление чая распространяется повсеместно. Употребление чая среди бедного населения становится хорошим и здоровым пищевым подспорьем. В своей статье о жизни киргиз Тургайской области

Далбаев Б., член сотрудник Оренбургского отдела Императорского Географического общества отмечает, что с занятием хлебопашеством, казахи стали жить роскошно и сытно. «Между прочими предметами роскоши стало употребление чая», но ввоз более дешевого кирпичного чая расширил его употребление и «... чаю теперь из 10 семейств разве только одно не употребляет» [3, с.114]. С падением же скотоводства и с обеднением огромной части их, чай не только кирпичный, но и байховый, как дешевая пищевая замена, стал все более распространяться между ними и теперь стал всеобщим повседневным напитком в степи». По мнению Абашина С.Н., временем широкого распространения чая в Средней Азии, в том числе и казахской степи, является начало второй половины XIX века [1, с. 212].

Стоит отметить, что степень распространения чая зависело от близости рынков, таможенных постов, ярмарок и т.д. Юзефович Б. в своей статье «О быте киргизов Тургайской области», написанной в 1880 году заметил, что: «Баранина и кумыс, который в течение целого дня вам беспрестанно подносят, составляют главные продукты угощения зажиточных киргизов. Эти предметы, так же как и чай, суть в то же время единственные употребляемые ими самими в пищу. Жители Илецкого и Николаевского уездов усвоили себе привычку к чаю и сахару, которые употребляются ими повсеместно. Роскошь эта жителям Иргизского и Тургайского уездов мало известна и встречается только в виде исключения у наиболее богатых из них» [7, с. 823]. Данные говорят о том, что чай был доступен не во всех уездах и, следовательно, и цена на него была разной.

Валиханов Ч.Ч. в своих записках писал о распространении чая в начале XX века посредством торговли. Чай проникал в Среднюю Азию через Коканд и Кашгар: «Из этого общего очерка видно, что главный предмет кашгарской торговли составляет чай. Вся торговая важность Кашгара основана на вывозе этого продукта; в последнее время ташкентцы, пользуясь

безопасностью пути через Заилийский край, стали чаще посещать Чугучак и Кульджу; но в этих городах получается преимущественно байховый и калмыцкий кирпичный чай, а требуемые в Азию цабет, фу, атбаш и зеленый чай почти вовсе не привозятся в эти города; следовательно, кашгарская торговля не может бояться подрыва с этой стороны» [2, с. 312].

Основными поставщиками чая в степи долгое время были Джунгария и Россия. В то же время, согласно данным Петропавловской таможенной ведомости, чай кирпичный составлял важную статью дохода торговли ташкентских купцов. В 1857 году привезено из Ташкента в Петропавловск чая кирпичного на сумму 3 552 рублей 90 копеек, в 1860 на сумму 6 304 рубля 40 копеек. Некоторое количество чая было завезено из Бухары. Из Китая в 1857 году привоз чая составил 755 рублей серебром, в 1895 году на сумму 19 308 рублей 50 копеек [4, с. 396].

По некоторым данным, чай идет из Кяхты двумя путями: для Семипалатинской и Семиреченской областей из Томска на Семипалатинск и Верный. Для Акмолинской области покупается на Ирбитской, Крестовской и Ишимской ярмарках, а последнее время начали выписывать чай из Томска на Омск и Петропавловск [5, с. 514].

Что касается ввоза чая непосредственно китайскими торговцами, то согласно правилам с них взималась двойная пошлина в отличие от русских купцов. Тем не менее, в 1859 году к Петропавловской таможене привезено чая из Китая 180 пудов 11 фунтов (около трех тысяч килограмм) на сумму 3 605 рублей 50 копеек, а в 1861 289 пудов 18 фунтов (более пяти тысяч килограмм) на сумму 5 789 рублей [4, с. 402]. Чай, завозимый с Западного Китая и предназначенный для России, нередко размещался на временное хранение в северных регионах степи и частью реализовывался местному населению.

Чайная торговля в степи не составляла самостоятельной отрасли, и торговали чаем попутно с другими товарами, необхо-

димыми для местного населения. Чай активно скупался скотоводами и крестьянами переселенцам в большей степени на торговых ярмарках. Северные регионы получали товар от петропавловских, кокчетавских, акмолинских и атбасарских торговцев. Южные в зимнее время покупали у туркестанских купцов, а так же семипалатинских и верненских [6, с. 514]. Степные сатовки или базары, также имели большое значение в местной торговле. М. Красовский пишет: «Каждое русское селение имеет для киргиза значение рынка, куда он гонит скот, везет излишне накопившиеся кожи и прочий товар для вымена хлеба. Многие казаки, не имея лавок, ведут торговку ситцами, сахаром, чаем и т.п.» [4, с. 306]. В Петропавловске чайные лавки продают в год до 130 тысяч кирпичей [5, с. 516].

Что касается сортов чая, то до половины XIX века в Сибири и у кочевых народов был в ходу кирпичный чай. Кирпичный чай, обыкновенный, в два с половиной фунта (примерно 0,68 кг) весом, и калмыцкий, большой кирпич — в три с половиной фунта (примерно 1,59 кг). Калмыцкий чай в корне отличается от обычного чая по своему содержанию. Это достаточно густое блюдо, приготовленное на основе заваренного чая с добавлением молока, масла, соли, жира. Не редко его называют «шир-чой» или «чай с молоком». Среди казахов этот вид чая не получил распространения.

Качество кирпичного чая, ввозимого в Сибирь и казахскую степь, не было высоким. Субботин А.П. отмечает, что кирпичный чай «представляет собой низший сорт чая и фабрикуется из разных остатков, образующихся после просеивания разных сортов байховых чаев, из опавших сухих листьев чайного куста. Эта грубая масса смешивается, перемалывается, смачивается рисовой водою, распаривается и пресуется в форму кирпичей» [5, с. 65]. Чем мельче и крепче сдавлены листья, тем наваристей заваривается чайный напиток. С увеличением продаж чая среди кочевников, в формировании кирпичного чая стали

использовать и целые листья чайного куста.

Повышение пошлин на байховый чай увеличил реализацию кирпичного чая. Фунт чаю или сахара продавался в степи за одну вторую часть годовалого барана. Средняя цена барана на 1857 год 1 рубль 11 копеек, в 1861 2 рубля 12 копеек. Исходя из этого, можно предположить, что цена фунта чая (0, 45 кг) составляла 60 копеек. Субботин приводит свои расчеты по стоимости чая в Акмолинской области: «...за полтора кирпича чая дают одного барана, а за два фунта – лучшего. Если расчеты перевести на деньги, то осенью бараны считают 1 рубль 80 копеек, а весной 2 рубля 50 копеек, так один фунт байхового обходится в 90 копеек осенью и 1 рубль 25 копеек весной». За деньги продавали чай только в городах, а в степи за чай расплачивались натурой – баранами, нередко в кредит до восьми месяцев. [5, с. 515].

Способ приготовления в разных странах и регионах имел свои особенности. «У степных обитателей в районе Степного генерал-губернаторства, – писал Субботин А.П., – чай не настаивается, а высыпается в котел (казан) или в особый медный чайник. Одну и ту же заварку кипятят и пьют несколько раз, пока чай не вывариться окончательно... В Акмолинской области пью чай больше с молоком» [5, с. 178]. Автор предпринял попытку высчитать цифру потребления чая среди киргиз Степного генерал-губернаторства: «...местными исследователями определяется по 6-12, в среднем по 9 кирпичей в год на юрту. Что при 315 тысяч юрт в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской составляет 2,8 миллиона фунтов кирпичного чая» [5, с. 221].

Распространение потребления чая влечет за собой потребность в других предметах при самом процессе употребления чая. Это производство сахара, посудное и самоварное производство. Свеклосахарное производство в России не было достаточно развито в рассматриваемый период и среди кочевого населения сахар не был распространен. Что касается посуды для приготовления чая, то чай первоначально заваривался в железных, медных и жестяных котелках. На Урале самовары появились в 1730-1740 годах, позже в Петербурге, Москве и других городах. В середине XIX века центром самоварного промысла становится Тула, имеющая большие запасы железных руд. Именно российские купцы стали основными поставщиками самоваров на ярмарки и торговые лавки. В 70-е годы XIX века налаживается российское производство самоваров разнообразной формы, которые поступают на азиатский рынок. Самовар средней величины оценивался в 20 годовалых баранов, примерно 40 рублей серебром [6, с. 12]. Не смотря на высокую цену, самовары были востребованы на внутреннем рынке. «Медные изделия, такие как тазы, самовары, следуют за сундуками. То есть расходятся в степи довольно легко» – пишет М. Красовский [4, с. 368].

Таким образом, широкое распространение чая приходится на вторую половину XIX века, времени перехода казахов от кочевого быта к полuosедлости и уменьшение поголовья скота. Решающее значение имела российская торговля и политика снижения стоимости чая, что приводит к вытеснению традиционных казахских напитков.

Работа выполнена в рамках реализации проекта АР08857699 «Симбиоз кочевой и оседлой культуры казахов как цивилизационный код степи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год// Записки Оренбургского отдела русского географического общества. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1881. Вып. 4. С. 98-117.

2. Абашин С.Н. Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII - XIX веках // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 204- 230.
3. Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области// Русский вестник. 1880. № 4. С. 799-827.
4. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии), в 1858-1859 годах // Валиханов Ч. Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 414 с.
5. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 16. Область сибирских киргизов. Часть II. Сост. Красовский М. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1859-1868. 472 с.
6. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. СПб.: Издание А.Г. Кузнецова, 1892. 743 с.
7. Тульский самовар. Тула: Приокское книжное издательств, 1989. 176 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Daulbaev B. Rasskaz o zhizni kirgiz Nikolaevskogo uezda Turgajskoj oblasti s 1830 po 1880 god// Zapiski Orenburgskogo otdela russkogo geograficheskogo obshhestva. Orenburg: Tip. B. Breslina, 1881. Vyp. 4. S. 98-117.
2. Abashin S.N. Chaj v Srednej Azii: istorija napitka v XVIII - XIX vekah // Tradicionnaja pishha kak vyrazhenie jetnicheskogo samosoznaniya. M.: Nauka, 2001. S. 204- 230.
3. Juzefovich B. O byte kirgizov Turgajskoj oblasti// Russkij vestnik. 1880. № 4. S. 799-827.
4. Valihanov Ch.Ch. O sostojanii Altysbara ili shesti vostochnyh gorodov kitajskoj pro-vincii Nan-Lu (Maloj Buharii), v 1858-1859 godah // Valihanov Ch. Izbrannye proizvedenija. M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1987. 414 s.
5. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. T. 16. Oblast' sibirskih kirgizov. Chast' II. Sost. Krasovskij M. SPb.: Glavnoe uprav-lenie General'nogo shtaba, 1859-1868. 472 s.
6. Subbotin A.P. Chaj i chajnaja trgovlja v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaja. SPb.: Izdanie A.G. Kuznecova, 1892. 743 s.
7. Tul'skij samovar. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stv, 1989. 176 s.

Поступила в редакцию 17.08.2021.

Принята к публикации 19.08.2021.

Для цитирования:

Кошман Т.В., Сапарова К.С., Файса А.М. Распространение чая в казахской степи в XIX - начале XX веков // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.28-32. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Koshman.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503681>

УДК 394+004

Рыкова В.В.

Рыкова Валентина Викторовна, старший научный сотрудник, Отдел научной библиографии, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15, E-mail: rykova@gpntbsib.ru.

Тюркский народ Сибирской Арктики: анализ информации в зарубежных и отечественных базах данных

Аннотация. В статье анализируется документальный поток, посвященный изучению самого северного тюркского народа – долган, отобранный из международных баз научного цитирования Web of Science компании Clarivate и Scopus компании Elsevier, а также библиографической базы данных Научная Сибирика, генерированной Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). С помощью документометрического анализа представлены характеристики временной, языковой, тематической и типо-видовой структур документальных потоков; названы страны, организации, авторы, отличающиеся высокой публикационной активностью; показаны наиболее продуктивные периодические издания. В заключении резюмируется, что ученые и специалисты активно занимаются изучением данного этноса, указанные базы данных могут быть использованы как информационная база для дальнейших исследований их жизни, языка, культуры. Результаты документометрического анализа полезны специалистам и ученым, изучающим тюркские народы, для оптимизации и координации исследований с ведущими экспертами и исследовательскими центрами.

Ключевые слова: долганы, коренные народы, Арктика, база данных, информационное обеспечение исследований, документометрический анализ.

Rykova V.V.

Rykova Valentina Viktorovna, senior researcher, Department of Scientific Bibliography, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 630200, Novosibirsk, Voskhod 15, E-mail: rykova@gpntbsib.ru.

The Turkic people in Siberian Arctic: information analysis in foreign and domestic databases

Abstract. The article analyzes the documentary flows dedicated to the study of the northernmost Turkic people – Dolgans, selected of the international databases of scientific citation Web of Science by Clarivate and Scopus by Elsevier, as well as a bibliographic database Scientific Sibirica generated by the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk). Using the documentometric analysis, the paper presents the temporal, language, thematic and typical structure of the documentary flows; shows countries, research organizations, authors distinguished by high publication activity; names the most productive periodicals. The conclusion resumes that scientists and specialists are actively engaged in the study of this ethnic group, the databases can be used as an information base for further research of the Dolgan life, language, culture. The results of the document analysis are useful for specialists and scientists studying the Turkic peoples to optimize and coordinate research with leading experts and research centers.

Key words: Dolgans, indigenous people, Arctic, database, research information support, documentometric analysis.

Обладая уникальной материальной и духовной культурой, коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока являются носителями традиционных экологических, экономических знаний и мировоззрения, поэтому устойчивое развитие Арктической зоны невозможно без учета интересов аборигенного населения. Многочисленные публикации по разноаспектным исследованиям жизни коренного населения Азиатской России распылены по источникам информации, поэтому необходим анализ и систематизация изданных работ. Наличие источниковой базы способствует глубокому изучению проблемы, дает возможность уточнить тему, сконцентрировать усилия на исследовании отдельных аспектов, определить недостаточно изученные вопросы. В настоящее время наиболее удобными для пользователей источниками систематизированной информации являются электронные базы данных (БД).

Для поддержки научных исследований по многочисленным проблемам коренных народов Севера Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) создала библиографическую базу данных "Коренные малочисленные народы Севера", которая в 2011 году вошла в состав объединенной БД Научная Сибирика в качестве крупного тематического раздела со своим предметным рубрикатором [22]. Анализ информационной обеспеченности исследований по отдельным этносам представляет интерес с научной и образовательной точки зрения, поскольку полная, достоверная и своевременная информация является залогом успеха любого исследования. Работы по информационному сопровождению изучения отдельных этносов можно найти в публикациях сотрудников ГПНТБ СО РАН [11, 12].

Цель работы - сравнительный анализ документальных потоков (ДП), посвященных изучению долган, в БД научного цитирования Web of Science (Clarivate), Scopus (Elsevier), которые являются мировыми лидерами в предоставлении аналитической информации, и БД Научная Сибирика, генерированной в информационном центре Сибирского отделения Российской академии наук. Документографический анализ проводился с использованием аналитических сервисов БД и библиометрических методов. Объем ДП, отобранных из БД с использованием ключевых слов и булевых операторов, составляет 96 записей в Scopus, 78 - Web of Science и 343 - в Научной Сибирике (на начало мая 2021 года) за период с 1990 по 2020 год.

Временная структура ДП за 30-летний период представлена на диаграмме (Рис.1), которая наглядно показывает рост объема публикаций, особенно в последнее десятилетие. Значительное увеличение количества документов в БД Scopus Web of Science обусловлено включением российских публикаций в мировые базы данных научного цитирования, а также требованием Министерства науки и образования Российской Федерации к исследователям публиковать исследовательские материалы в высокорейтинговых зарубежных журналах.

Таблица 1 демонстрирует распределение документов по языкам в БД, где видно преобладание англоязычных документов в зарубежных БД научного цитирования Scopus и Web of Science (69 и 75% записей соответственно). Русскоязычные документы преобладают (почти 93%) в отечественной БД Научная Сибирика, которая генерируется на основе обследования обязательного экземпляра отечественных изданий, который получает ГПНТБ СО РАН. Публикации на других языках встречаются редко.

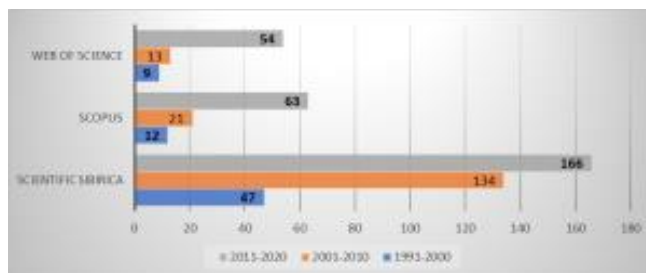

Рис. 1. Временная структура потоков документов из БД.

Таблица 1. Языковой состав ДП в БД.

Язык/БД	Web of Science		Scopus		Научная Сибирика	
	Кол-во записей	%	Кол-во записей	%	Кол-во записей	%
Английский	54	69.3	72	75.0	23	92.7
Русский	20	25.7	21	21.8	318	6.7
Немецкий	3	3.8	-	-	2	0.6
Прочие	1	1.2	3	3,2	-	-

Аналитические сервисы БД Scopus и Web of Science позволяют пользователям видеть участников научного сообщества разных стран, изучающих различные аспекты жизни долган, среди которых первые позиции занимают ученые из США, России и Германии, в то время как большинство авторов БД Научная Сибирика – российские специалисты. Основными организациями, с которыми аффилированы исследователи, во всех БД являются учреждения Сибирского отделения Российской академии наук, а также высшие учебные заведения – Сибирский федеральный университет (Россия), Северо-Восточный федеральный университет (Россия) и Государственный университет штата Айдахо в Бойсе (США).

Топ-3 авторов с наибольшей публикационной активностью по теме (Табл. 2) занимаются различными областями исследова-

ований: С.А. Федорова, Ф.А. Платонов (Северо-Восточный федеральный университет) и Е.К. Хуснутдинова (Институт биохимии и генетики Российской академии наук) являются специалистами в области генетики аборигенного населения Сибири [21, 24]; Ch.L. Däbrits [22] (Гамбургский университет), Н.М. Артемьев [4] и А.А. Петров [8] (Российский государственный педагогический университет им. Герцена, Институт народов Севера) изучают долганский язык и этнография, А.И. Саввинов [13] (Институт гуманитарных исследований и проблем коренных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук) исследует этнокультурную ситуацию и идентичность долган, J.P. Ziker [25-27] (Государственный университет Бойсе) - исследователь этносоциологии и этноэкологии.

Таблица 2. Авторы с высокой публикационной активностью по теме.

№	Web of Science	Scopus	Scientific Sibirica
1	Däbrits Ch.L.	Федорова С.А.	Артемьев Н.М.
2	Федорова С.А.	Хуснутдинова Е.	Саввинов А.И.
3	Ziker J.P.	Платонов Ф.	Петров А.А.

Типо-видовая структура ДП зарубежных и отечественной БД различна: материалы в Scopus и Web of Science в основном представлены журнальными статьями (90 и 94% соответственно). Это связано с тем, что вышеозначенные БД формируются преимущественно статьями из периодических изданий, реже в БД индексируются материалы конференций и книги (главы из книг). Что касается БД Научная Сибирика, то публикации их периодики в ней насчитывают лишь 23% (Табл. 3). Среди журналов наиболее продуктивными

изданиями являются следующие издания: зарубежные - Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies (United Kingdom), Life Science Journal (Китай); российские - Журнал Сибирского федерального университета, Генетика, Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, Этнографическое обозрение. Материалы конференций составляют от 2 до 5% от общего числа записей в БД Scopus и Web of Science; но они преобладают (41%) в Научной Сибири.

Таблица 3. Типо-видовая структура ДП.

Тип документа/БД	Scopus		Web of Science		Научная Сибирика	
	Кол-во записей	%	Кол-во записей	%	Кол-во записей	%
Журнальные статьи	86	90	72	94	81	23
Материалы конференций	5	5	2	2	140	41
Монографические издания	-	-	-	-	57	17
Статьи в сборниках	2	2	2	2	62	18
Рецензии	3	3	2	2	3	1

Особого внимания заслуживают 57 монографических изданий в БД Scientific Sibirica, в которых обобщены многолетние исследования авторов. В эту группу входят различные типы публикаций:

- научные монографии (31%), например: Алексеева Г.Г. *Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган* [1]; Андерсон Д. Дж. *Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган* [3];

- сборники фольклора (13%): *Северная мудрость: пословицы и поговорки долган, ненцев, нганасан* [14]; *Фольклор долган* [18];

- научно-популярные издания (12%): *Анабар: вечные ценности* [2], *Попова М.И. Долганы* [9];

- биографии и мемуары: *Чтобы помнили ... К 80-летию Огдуо Аксеновой* [20];

- учебные пособия (12%): *Хакимулина О.Н. Из истории культуры и быта народов Таймыра* [19].

- художественные альбомы (9%): *Рандин В. Орнаменты народов Таймыра. Долганы. Нганасаны. Ненцы* [10];

- библиографические указатели и справочники (9%): *Долганы: язык, история, фольклор, культура* [6]; *Литераторы Таймыра: биобиблиографический справочник* [7];

- авторефераты диссертаций (6%): *Софронова С.И. Характеристика липидно-метаболических нарушений у долган и эвенков с артериальной гипертензией в Республике Саха (Якутия)* [15]; *Федорова Т.С. Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингвов: (на материале словосочетания)* [17];

- словари (по 6%): *Барболина А. А. Школьный словарь долганского языка. "З в I": орфографический, толковый, фразеологический* [5]; *Петров А. А. Оленеводческая лексика долганского языка: этнолингвистический словарь* [8].

Тематически документы группируются следующим образом:

1. По отраслям знания в БД Scopus: Социальные науки; Генетика и молекулярная биология; Искусство и гуманитарные науки; Сельское хозяйство; Медицина.

2. По категориям Web of Science – Генетика и наследственность; Гуманитарные дисциплины, антропология, язык, лингвистика

3. По тематическим рубрикам предметного рубрикатора БД Научная Сибирика (Рис. 2). Анализ диаграммы показывает, что значительная часть публика-

ций посвящена изучению культуры (26%), этнографии (23%) и языка (20) долган. Традиционно при изучении коренных малочисленных народов особый акцент делается на исследованиях фольклора (13%). Суммарно данные направления составляют более 80% ДП. Меньшее внимание ученых и специалистов уделено изучению верований (8%), экологического состояния территорий традиционного проживания (5%) и этнопедагогики (5%).

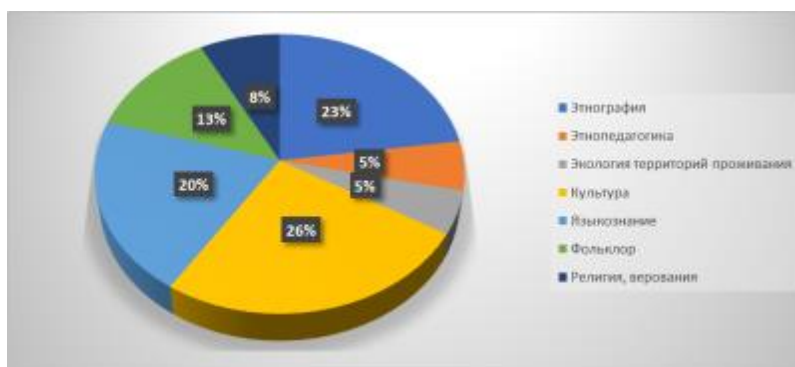

Рис. 2. Тематическая структура ДП БД Научная Сибирика.

Анализ цитирования выявил работы, которые чаще всего цитируются авторами других публикаций (Табл. 4). За минимальный порог ранжирования пронято цитирование более 50 раз.

Таблица 4. Наиболее цитируемые работы.

DB	Publication year	Article	Citing number
Scopus	2005	Ziker J., Schnegg M. Food sharing at meals: Kinship, Reciprocity, and Clustering in the Taimyr Autonomous Okrug, Northern Russia. <i>Human Nature</i> 16 (2):178-210 [27]	53
Web of Science	2013	Fedorova S.A. et al. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of northeast Eurasia. <i>BMC Evolutionary Biology</i> 13(1):127 [21]	58
Научная Сибирика*	1985	Убрятова Е.И. Язык норильских долган [16]	63
	2000	Фольклор долган / ред.: Е.И. Убрятова, Н.А. Алексеев [18]	53

*Количество цитирований по РИНЦ

Таким образом, в статье представлен наукометрический анализ ДП, отобранных из БД Scopus, WoS и Научная Сибирика. Следует отметить, что библиографическая

БД Научная Сибирика находится в свободном доступе для пользователей Интернета на сайте библиотеки (www.spsl.nsc.ru), в опциях «Каталоги и базы данных» –

«Библиографические базы данных» – «Научная Сибирика», где часть документов последних лет издания имеет гиперссылки на полный текст публикации.

Результаты анализа выявили авторов, организации и страны, лидирующие по количеству публикаций; представлены названия периодических изданий с высокой публикационной активностью по теме; указаны научные мероприятия, где обсуж-

дались вышеозначенные проблемы; названы наиболее важные публикации.

Результаты документометрического анализа могут быть полезны ученым и специалистам в области изучения тюркских народов для поиска коллабораций, а также организациям-грантодателям при принятии решений о выделении финансирования тех или иных направлений исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г.Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск : СО РАН, 2005. 439 с.
2. Анабар. Вечные ценности / рук. проекта: М. Евсеев, И. Андреев ; авт. текстов: С. Андреева, А. Гольдерова, А. Константинова. Красноярск : Инспаер, 2012. 381 с.
3. Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган / ред. Ю. В. Попков ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права, Ун-т Альберты. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 272 с.
4. Артемьев Н. М. Долганский язык. : в 2 ч. Санкт-Петербург, 2001. Ч. 1. 128 с. ; Ч. 2. 240 с.
5. Барболина, А. А. Школьный словарь долганского языка. "3 в 1" : орфографический, толковый, фразеологический : около 3000 слов. Санкт-Петербург : Алмаз-Граф, 2016. 207 с.
6. Долганы: язык, история, фольклор, культура : указ. рек. лит. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена ; сост.: Н. М. Артемьев, А. А. Петров. Санкт-Петербург : Образование, 1993. 26 с.
7. Литераторы Таймыра : биобиблиогр. справ. / сост.: А. А. Сакиева [и др.]. Дудинка ; Красноярск : Краснояр. писатель, 2006. 195 с.
8. Петров А. А. Оленеводческая лексика долганского языка: этнолингвистический словарь : учеб. пособие / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова. Санкт-Петербург : Алмаз-Граф, 2015. 79 с.
9. Попова М.И. Долганы. Санкт-Петербург : Дрофа, 2002. 94 с.
10. Рандин В. Орнаменты народов Таймыра. Долганы. Нганасаны. Ненцы : [альбом]. Норильск : Таймырпрессфото, 1994. 32 с.
11. Рыкова В. В., Горте Ю. Д. Анализ документального потока по культуре обских угров из базы данных "Научная Сибирика" // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 124–125.
12. Рыкова В.В. Анализ потока документов из БД "Коренные малочисленные народы Севера", посвященного исследованиям народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 122–124.
13. Саввинов А. И. Проблемы этнокультурной идентификации долган : на материалах традиционного искусства / ред. Н. А. Алексеев ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т проблем малочисл. народов Севера. Новосибирск : Наука, 2005. 312 с.
14. Северная мудрость: Пословицы и поговорки долган, ненцев, нганасан / сост. А. Левенко. Красноярск : Кн. изд-во, 1991. 37 с.
15. Софронова С. И. Характеристика липидно-метаболических нарушений у долган и эвенков с артериальной гипертонией в Республике Саха (Якутия) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2010. 26 с.
16. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск : Наука, 1985. 220 с.
17. Федорова Т. С. Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингвов : (на материале словосочетания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 19 с.
18. Фольклор долган / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии ; ред.: Е. И. Убрятова, Н. А. Алексеев ; сост. П. Е. Ефремов. Новосибирск : Изд-во ИАИЭ СО РАН, 2000. 448 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дал. Востока ; т. 19).

19. Хакимулина О. Н. Из истории культуры и быта народов Таймыра : учеб. пособие / Норил. индустр. ин-т. Норильск, 2002. 67 с.
20. Чтобы помнили... К 80-летию Огдуо Аксеновой : материалы музея О. Аксеновой при ФГБУ «Объединенная дирекция заповедников Таймыра» / сост. З. И. Марьясова, под ред. Л. Н. Стрючковой. Норильск : АПЕКС, 2015. 32 с.
21. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of northeast Eurasia / S. Fedorova, M. Reidla, E. Metspalu [et al.] // BMC Evolutionary Biology. 2013. Vol. 13, no. 1. Art. 127.
22. Däbritz Ch. "On kim, kimne:- and kana:-. Three placeholder items in Dolgan" // Turkic Languages. 2018. Vol. 22. P 286–302.
23. Lavrik O., Busygina T., Rykova V. Information resources generated by the largest library in Siberia to support multidisciplinary research // Slavic & East European Information Resources. 2015. Vol. 16, no. 1/2. P. 13–21.
24. Polymorphism of the (CTG)_n repeat of the myotonin protein kinase gene in populations of the Sakha Republic (Yakutia) and Central Asia / S. A. Fedorova, R. I. Khusainova, I. A. Kutuev [et al.] // Molecular Biology. 2005. Vol. 39, no. 3. P. 341–349.
25. Ziker J. Peoples of the tundra: Northern Siberians in the post-communists transition. Long Grove : Waveland press, 2002. 197 p.
26. Ziker J. Subsistence and food sharing in Northern Siberia: Social and nutritional ecology of the Dolgan and the Nganasan // Ecology of Food and Nutrition. 2005. Vol. 46, no. 5/6. P. 445–467.
27. Ziker J., Schnegg M. Food sharing at meals: kinship, reciprocity, and clustering in the Taimyr Autonomous Okrug, Northern Russia // Human Nature. 2005. Vol. 16, no. 2. P. 178–210.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alekseeva G.G. Narodno-pesennoe tvorchestvo v sisteme tradicionnoj muzykal'noj kul'tury dolgan. Jakutsk : SO RAN, 2005. 439 s.
2. Anabar. Vechnye cennosti / ruk. proekta: M. Evseev, I. Andreev ; avt. tekstov: S. Andreeva, A. Gol'derova, A. Konstantinova. Krasnojarsk : Inspaer, 2012. 381 c.
3. Anderson D. Dzh. Tundroviki: jekologija i samosoznanie tajmyrskih jevenkov i dolgan / red. Ju. V. Popkov ; Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filosofii i prava, Un-t Al'berty. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 1998. 272 s.
4. Artem'ev N. M. Dolganskij jazyk. : v 2 ch. Sankt-Peterburg, 2001. Ch. 1. 128 s. ; Ch. 2. 240 s.
5. Barbolina, A. A. Shkol'nyj slovar' dolganskogo jazyka. "3 v 1" : orfograficheskij, tolkovyj, frazeologicheskij : okolo 3000 slov. Sankt-Peterburg : Almaz-Graf, 2016. 207 s.
6. Dolgany: jazyk, istorija, fol'klor, kul'tura : ukaz. rek. lit. / Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena ; sost.: N. M. Artem'ev, A. A. Petrov. Sankt-Peterburg : Obrazovanie, 1993. 26 s.
7. Literatory Tajmyra : biobibliogr. sprav. / sost.: A. A. Sakieva [i dr.]. Dudinka ; Krasnojarsk : Krasnojarsk. pisatel', 2006. 195 s.
8. Petrov A. A. Olenevodcheskaja leksika dolganskogo jazyka: jetnolingvisticheskij slovar' : ucheb. posobie / Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena, Sev.-Vost. feder. un-t im. M.K. Ammosova. Sankt-Peterburg : Almaz-Graf, 2015. 79 s.
9. Popova M.I. Dolgany. Sankt-Peterburg : Drofa, 2002. 94 s.
10. Randin V. Ornamenty narodov Tajmyra. Dolgany. Nganasany. Nency : [al'bom]. Noril'sk : Tajmyrpressfoto, 1994. 32 s.
11. Rykova V. V., Gorte Ju. D. Analiz dokumental'nogo potoka po kul'ture obskih ugrov iz bazy dannyh "Nauchnaja Sibirika" // Finno-ugorskij mir. 2016. № 4. S. 124–125.
12. Rykova V.V. Analiz potoka dokumentov iz BD "Korennye malochislennye narody Severa", posvjashennogo issledovanijam naroda saha // Severo-Vostochnyj humanitarnyj vestnik. 2015. № 4. S. 122–124.
13. Savvinov A. I. Problemy jetnokul'turnoj identifikacii dolgan : na materialah tradicionnogo iskusstva / red. N. A. Alekseev ; Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t problem malochisl. narodov Severa. Novosibirsk : Nauka, 2005. 312 s.

14. Severnaja mudrost': Poslovice i pogovorki dolgan, nencev, nganasan / sost. A. Levenko. Krasnojarsk : Kn. izd-vo, 1991. 37 s.
15. Sofronova S. I. Harakteristika lipidno-metabolicheskikh narushenij u dolgan i jevenkov s arterial'noj gipertoniej v Respublike Saha (Jakutija) : avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Novosibirsk, 2010. 26 s.
16. Ubrjatova E. I. Jazyk noril'skih dolgan. Novosibirsk : Nauka, 1985. 220 s.
17. Fedorova T. S. Sintaksicheskaja interferencija v rechi dolgano-russkikh bilingvov : (na materiale slovosochetaniya) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2005. 19 s.
18. Fol'klor dolgan / Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filologii ; red.: E. I. Ubrjatova, N. A. Alekseev ; sost. P. E. Efremov. Novosibirsk : Izd-vo IAIJe SO RAN, 2000. 448 s. (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal. Vostoka ; t. 19).
19. Hakimulina O. N. Iz istorii kul'tury i byta narodov Tajmyra : ucheb. posobie / Noril. industr. in-t. Noril'sk, 2002. 67 s.
20. Chtoby pomnili... K 80-letiju Ogduo Aksenovoj : materialy muzeja O. Aksenovoj pri FGBU «Ob#edinennaja direkcija zapovednikov Tajmyra» / sost. Z. I. Mar'jasova, pod red. L. N. Strjuchkovoj. Noril'sk : APEKS, 2015. 32 s.
21. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of northeast Eurasia / S. Fedorova, M. Reidla, E. Metspalu [et al.] // BMC Evolutionary Biology. 2013. Vol. 13, no. 1. Art. 127.
22. Däbritz Ch. "On kim, kimne:- and kana:-. Three placeholder items in Dolgan" // Turkic Languages. 2018. Vol. 22. P 286–302.
23. Lavrik O., Busygina T., Rykova V. Information resources generated by the largest library in Siberia to support multidisciplinary research // Slavic & East European Information Resources. 2015. Vol. 16, no. 1/2. P. 13–21.
24. Polymorphism of the (CTG)_n repeat of the myotonin protein kinase gene in populations of the Sakha Republic (Yakutia) and Central Asia / S. A. Fedorova, R. I. Khusainova, I. A. Kutuev [et al.] // Molecular Biology. 2005. Vol. 39, no. 3. P. 341–349.
25. Ziker J. Peoples of the tundra: Northern Siberians in the post-communists transition. Long Grove : Waveland press, 2002. 197 p.
26. Ziker J. Subsistence and food sharing in Northern Siberia: Social and nutritional ecology of the Dolgan and the Nganasan // Ecology of Food and Nutrition. 2005. Vol. 46, no. 5/6. P. 445–467.
27. Ziker J., Schnegg M. Food sharing at meals: kinship, reciprocity, and clustering in the Taimyr Autonomous Okrug, Northern Russia // Human Nature. 2005. Vol. 16, no. 2. P. 178–210.

Поступила в редакцию 13.08.2021.
Принята к публикации 16.08.2021.

Для цитирования:

Рыкова В.В. Тюркский народ Сибирской Арктики: анализ информации в зарубежных и отечественных базах данных // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.33-40. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Rykova.pdf>

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503687>

УДК 398.324

Кардашевская Л.И.

Кардашевская Лиля Ивановна, старший преподаватель кафедры искусствovedения, Арктический государственный институт культуры и искусств, Россия, 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4. E-mail: kardmike@mail.ru.

Эвенкийская «оленная труба» *оревун*

Аннотация. В статье рассматривается эвенкийский фоноинструмент *оревун*, который используется охотниками для подманивания изюбра. Первые сведения об этом фоноинструменте появляются в XVIII веке, а с начала XX века ученые обращают внимание на особенности мелодики наигрышей на «оленной трубе». Автор акцентирует внимание на особом типе звукоизвлечения на *оревуне*, который заключается во втягивании воздуха в себя, а не наоборот. Кроме того, в статье рассматриваются особенности ладового и мелодического строения ряда примеров-наигрышей на «оленной трубе». Автор, основываясь на своих суждениях и мнениях других исследователей, делает выводы о том, что наигрыши на трубе-манке могли явиться источником для эвенкийской песенной мелодики.

Ключевые слова: звукоподражания, имитация, фоноинструмент, эвенки, «оленная труба», мелодия, интонация

Kardachevskaya L.I.

Kardachevskaya Liya Ivanovna, Teacher of the Department of Art History, Arctic State Institute of Culture and Arts, Russia, 677000, Yakutsk, Ordzonikidze, 4. E-mail: kardmike@mail.ru.

Evenkis trumpet calling a deer *orevun*

Abstract. The article being considered the Evenkis phono instrument *orevun*, which is used by hunters to lure deer. The first information about this phono instruments appeared in the XVIII century, and since the beginning of the XX century, scientists have been paying attention to the peculiarities of the melodies of playing on the «deer trumpet». The author focuses on a special type of sound production on a howler, which consists in drawing air into itself, and not vice versa. In addition, the article discusses the features of the fret and melodic structure of a number of examples-playing on a «deer trumpet». The author, based on his own judgments and the opinions of other researchers, concludes that playing on the deer pipe could be a source for the Evenkis song melody.

Key words: onomatopoeia, imitation, phono instrument, evenkis, «deer trumpet», melody, intonation.

Эвенки – древнейший таежный народ Восточной Сибири, уклад жизни которого всегда был связан с такими традиционными типами хозяйствования как оленеводство, охота. В литературе XIX века эвенков называли тунгусами. Они относятся к тунгусо-манчжурской языковой группе. По данным переписи населения 2010 года, в России проживает 38 396 эвенков. Компактными группами эвенки живут в Эвенкийском автономном округе, в Иркутской области, в Читинской области, в Якутии и в Хабаровском крае. В остальных областях они живут смешанно с коренным населением. Например, в Бурятии, Амурской, Сахалинской областях. Вне России 38 701 эвенков живут в Северо-Восточном Китае (в Маньчжурии) и несколько тысяч – в Монголии.

Эвенки являются непревзойденными охотниками, выработавшими, в течение многих веков, богатый арсенал способов охоты в тайге. Подманивая животных с помощью различных звуковых инструментов, изготовленных из природных материалов, а также имитируя звуки животных голосом, охотники добывают себе пищу. У эвенков издревле распространена охота на лося, кабаргу, косулю, пушных зверей. «Мясным животным, имевшим и товарное значение (панты), являлся изюбр» (благородный олень) [3, с. 57].

Примечательно, что скромный эвенкийский фоноинструментарий используется, в основном, в промысловых звукопод-

ражаниях [6]. Например, одним из важных средств манкового звукоподражания является труба *оревун* – «оленяная труба», которая изготавливается из свернутой бересты. Эта труба впервые была зафиксирована у предков эвенков – чжурчжэней в XI в. Данные летописи приведены российским японистом М.В. Воробьевым в труде «Хозяйство и быт чжурчжэней до образования Цзинь» [4, с. 4]. А в XVIII в. этнограф-путешественник А.Ф. Миддендорф обнаруживает этот инструмент в Сибири и пишет: «Для приманки оленей тунгус подражает громкому крику их во время течки, воспроизводя хриплый рев их, раздающийся по горам и долинам» [8, с. 614]. Е.Н. Широкогорова также пишет, «тунгусы обычно подражали самцу-оленю, когда он кричал в начале осени, призывая других самцов к борьбе. С этой целью тунгусы пользуются инструментом из дерева и бересты» [7, с. 285]. «Осенью, в период течки изюбра, охотились с берестяной или деревянной трубой (оревун)... Если изюбр прекращал рыкание, охотник сам начинал «рыкать» – дуть в трубу. Звук трубы подражал рыканию самца. Самец, бродящий с самкой, откликался, отгонял самку, подходил ближе» [3, с. 58] (Рис.1)

Рассмотрим *оревун* из коллекции Музея музыкальных инструментов народов Северной Азии (г. Якутск), который был приобретен Ю.И. Шейкиным в 1986 году во время экспедиции в Алданский район Якутии (Рис. 2).

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Фоноинструмент представляет собой конусную трубу длиной примерно 60 см, изготовленную из бересты и выполняющую функцию манка на изюбра. Звук извлекается уникальным способом - втягиванием в себя струи воздуха [14]. «Сигналы на оревуне близки по названию и по интонационному содержанию жанру призывных шаманских зовов – эривун, которые генетически связаны не только названием, но и мелодиями на «оленной трубе» [6, с. 94].

Данный инструмент, конечно, нельзя назвать собственно музыкальным. Н.А. Соломонова отмечает, что «звукоподражания на различных «музыкальных орудиях» были наиболее архаическим пластом инструментального исполнительства, имеющим утилитарную и художественно - эстетическую функции» [9, с. 14]. Наигрыши на оревуне выполняют утилитарную функцию в сфере сигнальных звукоподражаний. «...тунгусы оказались верны своей традиции и сохранили оленнюю трубу из бересты спустя восемь столетий, хотя технология изготовления инструмента, сворачивание ленты из бересты, хранит следы архаики...» [13, с. 169].

Ю.И. Шейкин приходит к мнению, что данный фольклорный реликт бытует на всем юго-востоке Сибири, у всех амурсахалинских тунгусо-маньчжуров, не зафиксирован только у нивхов и айнов, крайней северной границей распространения труб из бересты он отмечает северо-восточный регион - ареал проживания и культурных контактов эвенов, а южной

границей считает Маньчжурию [Там же, с. 172-174]. Причем у последних, также как и у народов центрального региона Сибири, прежде всего у эвенков, известны два вида труб - берестяная и деревянная. В частности у якутов известен инструмент *айаан*, изготавливаемый из дерева, «деревянная труба выявлена у олёкминских и вилуйских саха, т.е. местах наиболее активного взаимодействия тюркской и тунгусской культур» [Там же, 174]. Звук на нем извлекается также путем втягивания воздуха в себя, а его функцию как манка на изюбра, якуты переняли от эвенов [11, с. 42-48].

Хотелось бы отметить особенность звукоизвлечения на *оревуне*, которая состоит во втягивании воздуха в себя. «Чтобы издать низкий басовый звук, характерный для этого оленя, трубу надо держать рас-трубом вниз», отмечает автор работы «Эвенкийские музыкальные инструменты» В.А. Вторушин [5, с. 26].

Примечательно, что такая сложная в исполнении традиция имитаций голосу изюбра была отмечена у эвенков сравнительно недавно (в 1992 году исследователями В.С. Никифоровой и Т.Ю. Дорожкой была сделана запись манкового звукоподражания от читинского эвенка Д.П. Данилова) [15]. Традиция такого извлечения звука на трубе встречается как у эвенов и якутов, так и у народов юго-востока Сибири - нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей и удэ. В частности, у удэ способ звукоизвлечения на манке на изюбра *бунинку* основывается на «сосательных манипуляциях у

тонкого конца трубы... струя воздуха продувается на вдох» [12, с. 57].

Одним из первых на особенности интонирования на манковых трубах у эвенков северного Прибайкалья обратил внимание Е.И. Титов и описал их как «мелодии рева в пределах октавы с форшлагом на квинте: $d^1 - a^1 - d^2 - a^1 - d^1$ (с фермата на верхнем d^2)» [10, с. 122].

Рисунок 3.

Исследователь приводит образец пентатонической мелодии тунгусской песни, в которой мы видим эти же устои, а также особый тип восходяще-нисходящего мелодического движения, повторяющего контуры наигрыша на «оленной трубе» [Там же] (*Нотный пример 2*) (Рис. 4).

А.М. Айзенштадт в наигрыше на *оревуне*, записанном им от эвенка Г.И. Аруниева из села Тунгукочен Читинской обл., характеризует интервал октавы как отзвук, эхо. Основным же интонируемым интервалом на этом инструменте исследователь считает квинту [1, с. 26, 175] (*Нотный пример 3*) (Рис. 5).

В начале XX века тунгусские звукоподражания на трубе нотировала Е.Н. Широкогорова в ходе экспедиций к эвенкам северной Маньчжурии. Она считает, что образуемый трихорд с широким восходящим скачком на сексту явился основой для создания тунгусских песен [7, с. 285] (*Нотный пример 1*) (Рис. 3.)

Кварто-квинтовую интонацию обнаруживаем в следующем наигрыше-звукоподражании, исполненного алданским эвенком В.А. Корниловым на берестяной конической трубе *айаан* (якутское название фоноинструмента, зафиксировано в 1986 г. Ю.И. Шейкиным и Д.А. Сорокиным, нотация Ю.И. Шейкина) [13, с. 524]. «Мелодика южносибирских манковых наигрышей на ... трубах основывается на продолжительных и тянущихся тонах натурального звукоряда..., все тоны звучат в высоком регистре и ... окружены экмеликой» [Там же, с. 176] (*Нотный пример 4*) (Рис. 6).

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

Ритм мелодий на «оленней трубе» «может быть произвольным и опирается в основном на физиологические характеристики сигнальных форм выражения... в нем нет стабильных интервалов и тонов, которые бы легко транскрибировались на ноты» [Там же, с. 171-172]. Длительность долгих звуков в таких имитациях зависит от объема дыхания исполнителя, который старается наиболее близко имитировать голос животного и даже вступить с ним в интонационный диалог.

Наигрыши на манковых фоноинструментах и голосовые звукоподражания тесно взаимосвязаны между собой, не сведущему человеку даже порой трудно будет отличить на слух инструментальное исполнение от исполненного голосом. Поэтому издревле охотники подбирали определенный материал для изготовления манка, чтобы более точно «скопировать» природные звуки. Охотник старается как можно приближенно исполнить голос птицы или животного, чтобы завладеть его вниманием. Многие подражания птицам, животным в ходе истории, по-видимому, легко включались в музыкальное мышление этноса, поэтому они «обнаруживаются во всех жанрах ин-

тонационной практики» [13, с. 168]. Например, многие лирические, колыбельные, обрядовые песни эвенков начинаются с характерного восходящего квартового (реже квинтового) мелодического скачка. Наличие квартовых интонаций А.М. Айзенштадт связывает с возгласными интонациями «охотничьей заклички», на которой основаны разные по жанру мелодии [1, с. 27-30]. Музыковед Э.А. Алексеев разделяет в исходных формах мелодического пения, в обобщенно-высотном аспекте, три вида мелодических образований: контрастно - регистровые, неустойчиво-глиссандирующие и высотно более или менее стабилизированные. Ученый условно называет их α -, β - γ -мелодикой, где α -интонационные отношения связывает с интонациями зова [2, с. 53-64].

Таким образом, можно утверждать, что звукоподражания на промысловых фоноинструментах-манках в эвенкийском музыкальном фольклоре являются не только источником мелодики, но и важным самостоятельным жанром, имеющим в культуре основополагающее значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенштадт А.М. Песенная культура эвенков. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995. 288 с.
2. Алексеев Э.Е. Раннефольклорное интонирование. Звуковысотный аспект. М., 1986. 238 с.
3. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.
4. Воробьев М.В. Хозяйство и быт чжурчженей до образования Цзинь // Всесоюзное географическое общество СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. 1965. Вып. 1(4). С. 3–27.
5. Вторушин В.Ф. Эвенкийские музыкальные инструменты. Тура: Эвенкийский окружной этнопедагогический центр повышения квалификации, 2003. 28 с.
6. Кардашевская Л. И., Шейкин Ю. И. Музыкальные инструменты эвенков // Научный альманах «Традиционная культура». 2012. №1 (45). С. 89-100.
7. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1 / Сост. Г.М. Василевич под ред. Я.П. Алькора. Л., 1936. 290 с.
8. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири А.Миддендорфа в двух частях. Ч. II Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1869. Т.V: Сибирская фауна. 708 с.
9. Соломонова Н.А. Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX-XX вв. (Этномузыкологические очерки): автореф. дисс... д.иск. - М., 2000. 49 с.
10. Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. 272 с.

11. Чахов А. И. Старинные якутские музыкальные инструменты: Технология изготовления. Якутск, 2012. 80 с.
12. Шейкин Ю. И. Жанры музыкального фольклора удэ. Новосибирск: Наука, 2011. 728 с.
13. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М., 2002. 718 с.
14. Полевые материалы Ю.И. Шейкина, июнь 1986 г. Алданский район Якутии: эвенки. Комплексная экспедиция. Материалы: реестр, звукозаписи.
15. Полевые материалы В.С. Никифоровой и Т.Ю. Дорожкой, июнь 1992 г. Каларский район Читинской области, поселки Кюсть-Кемда, Чара и Чапо-Олого: эвенки. Материалы: реестр, звукозаписи.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ajzenshtadt A.M. Pesennaja kul'tura jevenkov. Krasnojarsk: Krasnojarskoe knizhnoe izd-vo, 1995. 288 s.
2. Alekseev Je.E. Rannefol'klornoe intonirovanie. Zvukovysotnyj aspekt. M., 1986. 238 s.
3. Vasilevich G.M. Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo HH v.). L.: Nauka, 1969. 305 s.
4. Vorob'ev M.V. Hozjajstvo i byt chzhurchzhenej do obrazovaniya Czin' // Vsesojuznoe geograficheskoe obshchestvo SSSR. Otdelenie jetnografii. Doklady po jetnografii. 1965. Vyp.1(4). S. 3–27.
5. Vtorushin V.F. Jevenkijskie muzykal'nye instrumenty. Tura: Jevenkijskij okruzhnoj jetnopedagogicheskij centr povysheniya kvalifikacii, 2003. 28 s.
6. Kardashevskaja L. I., Shejkin Ju. I. Muzykal'nye instrumenty jevenkov // Nauchnyj al'manah «Tradicionnaja kul'tura». 2012. №1 (45). S. 89-100.
7. Materialy po jevenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru. Vyp.1 / Sost. G.M. Vasilevich pod red. Ja.P. Al'kora. L., 1936. 290 s.
8. Middendorf A.F. Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri A.Middendorfa v dvuh chastjah. Ch .II Sever i vostok Sibiri v estestvennoistoricheskom otnoshenii. SPb., 1869. T.V: Sibirskaja fauna. 708 s.
9. Solomonova N.A. Muzykal'naja kul'tura narodov Dal'nego Vostoka Rossii XIX-XX vv. (Jetnomuzykologicheskie ocherki): avtoref.diss... d.isk. - M., 2000. 49 s.
10. Titov E.I. Tungussko-russkij slovar'. Irkutsk, 1926. 272 s.
11. Chahov A. I. Starinnye jakutskie muzykal'nye instrumenty: Tehnologija izgotovlenija. Jakutsk, 2012. 80 s.
12. Shejkin Ju. I. Zhanry muzykal'nogo fol'klora udje. Novosibirsk: Nauka, 2011. 728 s.
13. Shejkin Ju.I. Istorija muzykal'noj kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. M., 2002. 718 s.
14. Polevye materialy Ju.I. Shejkina, ijun' 1986 g. Aldanskij rajon Jakutii: jevenki. Kompleksnaja jekspedicija. Materialy: reestr, zvukozapisi.
15. Polevye materialy V.S. Nikiforovoj i T.Ju. Dorozhkovoj, ijun' 1992 g. Kalarskij rajon Chitinskoj oblasti, poselki Kjust'-Kemda, Chara i Chapo-Ologo: jevenki. Materialy: reestr, zvukozapisi.

Поступила в редакцию 17.08.2021.
Принята к публикации 20.08.2021.

Для цитирования:

Кардашевская Л.И. Эвенкийская «оленная труба» *оревун* // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.41-46. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Kardachevskaya.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503689>

УДК 008

Самойлова М.П.

Самойлова Мария Павловна, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия, 603062, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а. E-mail: marysom@mail.ru.

Античный миф как универсальный объект рецепции

Аннотация. Статья посвящена феномену рецепции античного наследия в западной культуре, которая объясняется актуальностью мифа и его общечеловеческой значимостью. Автор статьи дает обзор научных подходов к осмыслению феномена рецепции античного мифа в современной культуре. Ученые XX века и современности по-разному осмысливают феномен рецепции, одни считают миф особой реальностью, помогающей создавать новые ценности средствами художественного творчества. Автор статьи подчеркивает, что пики интереса к античности приходятся на кризисные моменты в общественном сознании. Интерес деятелей культуры и науки XX века к античному мифу, мифологическим сюжетам обусловлен потребностями мышления и сознания современного человека. Мифологические образы и сюжеты всегда обращены к человеку, его внутренней сущности, его духовным запросам.

Ключевые слова: античность, рецепция, миф, культура, мифологема, диалог культур, художественное творчество.

Samoylova M.P.

Samoylova Maria P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Nizhny Novgorod, Minina str., 31a. E-mail: marysom@mail.ru.

The ancient myth as a universal object of reception

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of reception of the ancient heritage in Western culture, which is explained by the relevance of the myth and its universal significance. The author of the article gives an overview of scientific approaches of understanding the phenomenon of reception of the ancient myth in modern culture. Scientists of the twentieth century and modernity interpret the phenomenon of reception in different ways, some consider the myth to be a special reality that helps to create new values by means of artistic creativity. The author of the article emphasizes that the peaks of interest in antiquity fall on the crisis moments in the public consciousness. The reasons for the interest of cultural and scientific figures of the XX century in the images and plots of ancient mythology are due to the very specifics of mythological thinking and the mythological image, always addressed to a person, his inner essence, as opposed to the dehumanizing beginning that was developed in the twentieth century

Key words: antiquity, reception, myth, culture, mythologeme, dialogue of cultures, artistic creativity.

Для западной культуры характерен интерес к античности практически во все эпохи, следующие за ней. К наследию античности обращались философы, богословы, художники, писатели

всех христианских цивилизаций, достижения античной культуры в разных ее проявлениях усваивались культурой всех последующих эпох. Ярче всего данный процесс в развитии культуры наблюдался в эпоху

Возрождения, когда высокая эстетическая норма античной культуры стала основой представлений об идеальном человеке, идеальной красоте. Позднее, в эпоху Классицизма акцент интереса к античности был смещен к политической составляющей, усваивались идеалы свободы и гражданственности. В течение длительного времени античность вдохновляла художников, поэтов, писателей, скульпторов, архитекторов и других творческих людей на создание своих произведений, являвшихся интерпретацией античных мотивов. Все эти явления усвоения элементов античной культуры в любом ее проявлении можно назвать рецепцией. Сохранился интерес к античности и в XX веке, наполненном мировыми войнами и кризисом традиционных представлений о человеке. Объектом рецепции античности в современной западной художественной культуре выступает, прежде всего, античный миф. Современные исследователи объясняют это общечеловеческой значимостью мифа: «Миф – это словообобщение человечеством чувственного восприятия мира, тот фундаментальный опыт человечества, который способен актуализироваться в любую эпоху» [16. С.4]. Мифология, поскольку она является древнейшей формой мировоззрения и освоения окружающего мира, до сих пор вызывает интерес исследователей. Творческие люди, деятели искусства по-прежнему обращаются к античному мифу как источнику вдохновения, нравственного опыта и духовных ценностей.

Предметом рецепции античности может стать любое явление античной эпохи. Предметом эстетической рецепции становятся античные произведения искусства, художественные образы. К этому виду рецепции следует отнести и восприятие, и интерпретацию богатой античной мифологии. Во-первых, потому что античная мифология принадлежит именно к художественной культуре, не ограничивая свободу образного мышления, а напротив – расширяя его границы. Рисуя великолепные образы антропоморфных богов, красивых и благородных героев, имеющая в

качестве автора коллективную душу всего народа и не имеющая возраста античная мифология дарит подлинное эстетическое удовольствие. Кроме того, мифология обладает воспитательным свойством, развивая эстетический вкус знакомящихся с ней людей, мотивируя их на активную творческую жизнь, формируя систему нравственных ценностей.

Мифы играли исключительную роль в античной культуре. Они составляли интегральную часть древнегреческой религии [11]. Религиозные представления, отраженные в мифологических сюжетах уже в древности интерпретировали и развивали поэты, превращая их в художественные произведения, наделенные моральным, поучительным смыслом. Из мифологических сюжетов вырастает античная литература, ее мотивы и смыслы существовали и интерпретировались на протяжении последующих веков. Образы мифологических персонажей – богов и героев – стали основой для живописных, скульптурных и иных художественных воплощений.

В античных мифах наличествуют сказочные мотивы, имеющие аналогии в мифах других народов мира, их ценность определяется тем, что они имеют моральную окраску, осуждающую дурные и поступки и преступления.

Несмотря на сказочные, порой фантастические элементы, современные антиковеды (А.А. Тахо-Годи, А.Ф. Лосев) не считают мифы выдумкой, мифология – это особая реальность. Слово миф произошло от древнегреческого *μῦθος* и означает «слово», поэтому античные мифы можно назвать «словом о богах и героях» [13. С. 7]. По мнению А.Ф. Лосева, миф для мифологического сознания абсолютно реален, миф не является сказкой, он есть «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность», миф есть «необходимая категория сознания и бытия вообще» [6. С. 24-25]. Это означает, что миф, будучи важным инструментом человеческого

познания в архаический период, не только оставил след в сознании людей, но способствовал его формированию и развитию.

Мысль Лосева продолжает его ученица и друг, А.А. Тахо-Годи. Она полагает, что, античный миф основан на чувственном восприятии, синкретическом действительности, с помощью мифа окружающая действительность обобщается и дополняется вымыслом. За мифом стоит реальность, воспринятая и транслированная сознанием древнего человека [13. С. 10]. Мифология является одной из форм освоения мира первобытной общиной, получая словесно-образное оформление в начале 1 тыс. до н.э. [13. С. 8]. Исследователь подчеркивает, что мифология имеет огромное эстетическое значение, поскольку выражает внутреннее содержание предмета вовне.

Культуролог В.А. Бачинин отводит античному мифу важную роль в жизни людей всех последующих после античности эпох. Он называет античные мифы «картинками эпохи детства человечества», которые «подобно детским грезам, периодически всплывали в сознании духовно взрослого человечества» [1. С. 4-5]. Он также считает мифы самыми первыми и потому незабываемыми прозрениями человеческого разума. Нравственная глубина этих прозрений, острота и общезначимость проблем, впервые поставленных в мифах, делают античный миф интересным для современного человека.

Современная культура также невозможна без античных мифологических образов, поскольку они несут в себе эстетический, исторический, социокультурный и художественный смысл, имеют «характер универсальных типологических обобщений богатого человеческого опыта» [1. С. 6]. Античные залы присутствуют во многих художественных музеях, в театрах ставят греческие трагедии, не теряют популярности оперы на античный сюжет, античная тематика привлекает живописцев, режиссеров, писателей. Идеалами красоты до сих пор являются античные статуи Венеры и Аполлона.

Представители художественной культуры видят в античных мифах источник творческой силы, с помощью которой они отстаивают идеалы добра и красоты. Античные мифы продуцируют великие ценности, духовно обогащающие человека, способствующие развитию его социокультурному самосознанию. Источник человеческих идеалов необходим миру: «как только великие ценности надмирного бытия теряют в глазах общества свою константность, сама культура становится временным явлением, поддерживаемым лишь искусственными законами» [10. С. 74].

Философы XX века много внимания уделяли проблеме кризиса культуры, проблеме механизации человеческой жизни, потере человеческой самоидентификации, отсутствия внутренней гармонии в духовной жизни человека, отчужденности его от социума и природы. Обращение к античному мифу особенно актуально в период кризиса культуры. С одной стороны, он несет в себе вечные ценности, утверждая их как основу равновесия человеческого бытия. С другой стороны, миф дает возможность увидеть образ естественного, непосредственного человека, интуитивно чувствующего себя и других, стремящегося к гармонии с самим собой, с обществом и, что особенно важно сейчас, с природой.

Античные мифы являются результатом жизни, познания, общения, труда и творчества многих поколений людей, поэтому они и заключают в себе объем информации, требующий расшифровки и осмысления. Мифы являются, таким образом сосредоточием духовного и практического опыта и инструментом, помогающих транслировать этот опыт сквозь века. Если миф передавался все новым поколениям, то он становился мифологемой, образом устойчивого, постоянно воспроизводящегося сюжета, отражающего коренные моменты духовной жизни человека.

Мифологемы приобрели вид универсальных истин, всеобщих императивов. Они помогали постичь нравственные законы развития общества. Представителям искусства они помогали изображать про-

блемы частного человека, которые разделяет все человечество. В условиях многообразных культурных связей миф, освещающий общие для всех проблемы, становится и соединительным звеном разных культур и разных поколений. Неугасающий интерес к античному мифу свидетельствует об актуальности проблемы единой духовно-нравственной основы развития человечества.

Сюжет художественных произведений, основанных на мифе, обращен в конкретно-историческое и общечеловеческое пространство, в область сиюминутных и вечных проблем, в историю и современность. В.А. Бачинин пишет о том, что в мифе пересекаются вечность и время. Момент такого пересечения повышает значимость нравственно-гуманистических проблем, активизирует творческий поиск художника. В процессе рецепции античного мифа «возвышенно-отстраненное» мифологическое время и «обыденно-бытовая» современность встречаются и ведут диалог: «настоящее задает вопросы прошлому» [1. С. 11]. Современность вновь и вновь обращается к античной классике в поисках ответов на вечные вопросы бытия.

«Источником социального бессмертия древнего мифа явилась сама объективная диалектика живой жизни» [1. С. 61]. С одной стороны, условия жизни людей, сами люди постоянно меняются. С другой стороны, живая жизнь не иссякает, а проблемы, волнующие людей, остаются постоянными. Любовь и ненависть, жизнь и смерть – неизменные темы философских и художественных размышлений, предмет рефлексии представителей любых культур, поколений, профессий. Эти темы и по сей день вдохновляют писателей и кинорежиссеров.

Интерес к античному мифу в литературе не ослабевает. Российский филолог и переводчик античной литературы М.Е. Грабарь-Пассек исследовала различные варианты использования античных сюжетов в западноевропейской литературе. Филолог подчеркивает, что объектом ее анализа были «те сюжеты, которые уже в са-

мой античной литературе были оформлены в литературных произведениях, а не те..., которые связаны с историческими образами и событиями древнего мира» [3. С. 7]. М.Е. Грабарь-Пассек акцентирует внимание на сюжетах художественной литературы и рецепция античности, которую она исследует, включает в себя интерпретацию художественных произведений античности, а также античных мифов, легших в их основу.

Несмотря на то, что пик интереса к античной культуре приходится на эпоху Возрождения, Грабарь-Пассек показывает разнообразие вариаций на античный сюжет, созданных в период раннего и позднего Средневековья. Тем самым литературовед доказывает, что художественная античная литература была интересна и предшественникам интеллектуалов Ренессанса. Исследователь показывает, что «каждая эпоха обращалась к произведениям античности в своих собственных целях, искала в них ответов на вопросы современности, воспринимала и изображала характеры героев древности в соответствии с представлениями и требованиями своего времени» [3. С. 5].

Исследование рецепции античности в зарубежной литературе XIX-XX вв., принятая Т.А. Шарыпиной, позволяет сделать тот же вывод в отношении современной культуры. Литературовед утверждает, использование мифологических сюжетов и авторское мифологизирование является одним из ведущих направлений литературного процесса современности [17. С. 3]. Т.А. Шарыпина доказывает, что это явление имеет закономерный характер и определено глубокой внедренностью мифа в сознание людей, сквозь призму мифа осознаются философские, культурологические и иные проблемы эпохи.

Т.А. Шарыпина прочитывает в немецкой культуре XX века потребность в идеале, высокой норме, которая проявляется в уникальных «диалогах и полиалогах культур: язычества и христианства, античности и Средневековья, античности, романтизма и современности» [16. С. 4]. По-

требность в высоких нормах, по ее мнению, связана с кризисом культуры. Исследователь подчеркивает, что пики интереса к античности приходятся на кризисные моменты в общественном сознании, в момент утраты привычных идеалов и в период поисков новых нравственных ориентиров. Античный миф как опыт поколений представляет память веков и сохраняет ее как гарант мировой стабильности и закономерности.

Современные авторы чаще всего интерпретируют античный миф в форме драматургии. Это не случайно, поскольку античные мифы были блистательно переданы в трагедиях великих древнегреческих драматургов: Эсхила, Софокла, Еврипида. Как показывает Г. Бояджиев, «греческие мифы были почвой, из которой произрастала драматургия» [2. С. 6]. Миф в драматургии XX века продолжил играть существенную роль, определяя содержание пьес точно так же, как и в античной трагедии. При этом драматурги вкладывают в античные мифы актуальное для времени авторов содержание, демонстрируя определенную систему взглядов.

Как замечает Т.А. Шарыпина, «являясь как бы «переводчиками» древних сюжетов на язык современности, драматурги не следуют за ними буквально, а вскрывают закономерности современного сознания и конфликты действительности» [16. С. 8]. Современный автор (особенно в условиях постмодернизма и его свободы интерпретации и игры с текстом) манипулирует античным сюжетом, акцентируя внимание на актуальной проблеме общества, предмет, причина и возможные пути решения которой становятся выразительнее и понятнее с помощью мифологической формы.

Античность остается привлекательной эпохой в качестве исторической и смысловой канвы художественных произведений не только для литераторов, но и кинорежиссеров, чьи работы также транслируют античные ценности. Рецепция с помощью средств кино имеет свои специфические черты. Как замечает Ю.Л. Лотман, «в современной киноленте одновре-

менно наличествуют три типа повествования: изобразительное, словесное и музыкальное (звуковое)» [7. С. 91]. С одной стороны, это усложняет процесс создания художественного произведения на тему античной эпохи, поскольку до нас дошли, в основном, тексты, а не живописные и музыкальные произведения. Однако, если в задачу режиссера входит передача философских размышлений с помощью античного мифа, то внешняя сторона становится второстепенной, и зрителя покоряет содержание.

С другой стороны, красочность и необычность эlegantной и далекой эпохи позволяет сделать фильм ярким и привлекательным для зрителей, то есть коммерчески выгодным для создателей фильма. Российские кинокритики обвиняют в превалировании коммерческих целей над художественными кинопродукцию Голливуда. А.В. Кукаркин обращает наше внимание на то, что голливудские «суперколоссы», такие как «Клеопатра» и «Спартак» отличаются огромными затратами на рекламу, декорации, костюмы и гонорары актерам, но в качестве произведения искусства вызывают разочарование [5. С. 40]. Показательно, что создатели подобных фильмов обращаются к историческим событиям древности, а не к мифам, поскольку осмысление мифологической глубины требует ориентации именно на внутреннее содержание.

Приводя свои и зрительские размышления на тему исторических фильмов, включая фильм «Спартак», кинокритик О.Ф. Нечай противопоставляет фильмы, в которых выражены «глубокие размышления художников об историческом процессе, взгляд на события прошлого с позиций современного человека, озабоченного всем, что происходит в мире» лентам массовой культуры, «коммерческим поделкам», в которых «пышная костюмность призвана подменять собой показ реальных противоречий эпохи». О.Ф. Нечай замечает, что в голливудских костюмных лентах герои напоминают «современных супер-

менов в голливудских боевиках» [9. С. 21-38].

Действительно, исследователи культуры показывают, что голливудское кино способствовало развитию «архетипа супергероя» [4. С. 78-81]. Е.В. Козлов доказывает, что появление супергероев в американской культуре XX века стало ответом на кризис духовной жизни 30-40-х гг. XX в. Архетип супергероя вполне традиционный для мифологических сюжетов, вполне узнаваем в культуре XX века и демонстрирует жизнеспособность мифа и его возможность принимать новые формы и отвечать духовным запросам современного человека. Супергерои комиксов стали популярными героями кино. Таким способом, массовая культура проявила себя в процессе рецепции античности. Недаром М. Найдорф относит к характеристикам современной массовой культуры «широкое распространение форм мифического и мифоподобного способа описания мира» [8. С. 7].

Говоря о рецепции античного мифа, нельзя не упомянуть о тенденциях в психологии. Героический миф был исследован создателем теории коллективного бессознательного К. Юнгом как «главная структура Западного сознания». Героический миф представляет собой сюжет борьбы мужественного героя с «Ужасной матерью бессознательного». Соединение мускулинного с фемининным в результате этой борьбы – источник западного триумфа разума и колониализма [12.]. Мифические образы были также основой архетипов, исследованных Юнгом.

В основу фрейдистской концепции Эдипова комплекса положен миф об Эдипе. В своем исследовании структуры и развития человеческой психики Фрейд

наделяет этот комплекс большим значением. Он рассматривает Эдипов комплекс – характерный, по его словам, для всех людей – как условие для самоидентификации человека и его социализации благодаря возникновению в его сознании высших норм поведения, религии, нравственности, совести и возможности осознать свою вину. Эти нормы и идеалы продуцирует «Сверх-Я», возникающее как реактивное образование по отношению к «Оно» при вытеснении Эдипова комплекса [15. С. 855-860].

Образы, сформировавшиеся в психике человека во время Эдиповой фазы, определяют его дальнейшую жизнь. Реакция на популярность и проникновение всюду фрейдистского метода привели к «антиэдипизации» человека. Пытаясь «очистить» бессознательное («Оно») от предпосылок развития Эдипова комплекса, то есть генеалогических привязанностей, такой путь ведет к «онтологическому сиротству» [14. С. 306-309]. Мы видим, что античный миф не только вдохновляет художников, но и вызывает горячие дискуссии в научном мире.

Таким образом, интерес деятелей культуры и науки XX века к античному мифу, мифологическим сюжетам обусловлен потребностями мышления и сознания современного человека. Мифологические образы и сюжеты всегда обращены к человеку, его внутренней сущности, его духовным запросам. Это позволяет противостоять процессам дегуманизации, получившим развитие в виде мировых войн, потрясений, геноцида, эсхатологических настроений. С помощью мифологизации человек получает возможность найти связь времен, нечто устойчивое и вечное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачинин В.А. Искусство и мифология. – М.: Знание, 1987. 63 с.
2. Бояджиев Г. От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров. – М.: Просвещение, 1988. 336 с.
3. Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М.: Наука, 1966. 319 с.

4. Козлов Е.В. Супергероика масскульта (об архетипе развлекательной повествовательности) // Вопросы культурологии. – 2009, № 1. С.78-81.
5. Кукаркин А. В. Кино, театр, музыка, живопись в США.. - М.: Издательство «Знание», 1964. 346с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. 524с.
7. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: издательство «Ээсти Раамат», 1973. 135 с.
8. Найдорф М. Современность и массовая цивилизация // Вопросы культурологии. – 2010, № 2. С. 4-10
9. Нечай О.Ф. О вкусах спорят: Зарубеж. фильмы на наших экранах - Минск: Наука и техника, 1986. - 93 с.
10. Панищев А.Л. Истина, Добро и Красота как трансцендентные ценности культуры и человека // Вопросы культурологии. – 2009, № 3. С. 72-74.
11. Поликарпов В. Лекции по культурологии. Классическая древнегреческая культура. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Polikar/15.php (доступ 1.08.2021).
12. Роулэнд С. Юнг и Деррида: нуминозное, деонструкция и миф. https://www.maap.pro/biblioteka/stati/rowlend_jung_i_derrida.html (доступ 1.08.2021).
13. Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. – М.: Искусство, 1989. 301 с.
14. Фатенкова А.Н. Анти-эдип: путь к онтологическому сиротству человека/ Старшее поколение в современной семье/ под общей ред. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2009. 408 с.
15. Фрейд З. Я и Оно: [сочинения: пер. с нем.] / Зигмунд Фрейд. - М. : Эксмо; Харьков : Фолио, 2004. – 859 с.
16. Шарыпина Т.А. Античность в литературной и философской мысли Германии первой половины XX века: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. 134 с.
17. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX-XX вв.: Материалы спецкурса / Т. А. Шарыпина; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. - Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 111 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bachinin V.A. Iskustvo i mifologija. – M.: Znanie, 1987. 63 s.
2. Bojadzhiev G. Ot Sofokla do Brehta za sorok teatral'nyh vecherov.- M.: Prosveshhenie, 1988. 336s.
3. Grabar'-Passek M.E. Antichnye sjuzhety i formy v zapadnoevropejskoj literature. M.: Nauka, 1966. 319s.
4. Kozlov E.V. Supergeroika masskul'ta (ob arhetipe razvlekatel'noj povestvovatel'nosti) // Voprosy kul'turologii. – 2009, № 1. S.78-81.
5. Kukarkin A. V. Kino, teatr, muzyka, zhivopis' v SShA.. - M.: Izdatel'stvo «Znanie», 1964. 346s.
6. Losev A.F. Dialektika mifa. Filosofija. Mifologija. Kul'tura. – M.: Politizdat, 1991. 524s.
7. Lotman Ju. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. – Tallin: izdatel'stvo «Jejesti Raamat», 1973. 135s
8. Najdorf M. Sovremennost' i massovaja civilizacija // Voprosy kul'turologii. – 2010, № 2. S. 4-10
9. Nechaj O.F. O vkusah sporjat: Zarubezh. fil'my na nashih jekranah -Minsk: Nauka i tehnika, 1986.-93s
10. Panishhev A.L. Istina, Dobro i Krasota kak transcendentnye cennosti kul'tury i che-loveka // Voprosy kul'turologii. – 2009, № 3. S. 72-74.
11. Polikarpov V. Lekcii po kul'turologii. Klassicheskaja drevnegrecheskaja kul'tura. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Polikar/15.php (dostup 1.08.2021).
12. Roulend S. Jung i Derrida: numinoznoe, deonstrukcija i mif. https://www.maap.pro/biblioteka/stati/rowlend_jung_i_derrida.html (dostup 1.08.2021).
13. Taho-Godi A.A. Grecheskaja mifologija. – M.: Iskustvo, 1989. 301 s.
14. Fatenkova A.N. Anti-jedip: put' k ontologicheskomu sirotstvu cheloveka/ Starshee po-kolenie v sovremennoj sem'e/ pod obshhej red. Z.H. Saralievvoj. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo NISOC, 2009. 408 s.
15. Frejd Z. Ja i Ono: [sochinenija: per. s nem.] / Zigmund Frejd. - M. : Jeksmo; Har'kov : Folio, 2004. – 859 s.
16. Sharypina T.A. Antichnost' v literaturnoj i filosofskoj mysli Germanii pervoj poloviny XX veka: Monografija. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 1998. 134 s.

-
17. Sharypina T.A. Problemy mifologizacii v zarubezhnoj literature XIX-XX vv.: Ma-terialy speckursa / T. A. Sharypina; Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo. - N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. un-ta, 1995. – 111 s.

Поступила в редакцию 02.08.2021.

Принята к публикации 05.08.2021.

Для цитирования:

Самойлова М.П. Античный миф как универсальный объект рецепции // Гуманитарный науч-ный вестник. 2021. №8. С.47-54. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Samoylova.pdf>

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503704>

УДК 376.3

Гугкаева И.Т., Витаева А.С.

Гугкаева Ирина Таймуразовна, кандидат педагогических наук, доцент, ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт», Россия, 362002, г. Владикавказ РСО-Алания, Карла Маркса 36. E-mail: irina-gugkaeva@yandex.ru.

Витаева Амина Салмановна, ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт», Россия, 362002, г. Владикавказ РСО-Алания, Карла Маркса 36. E-mail: voneam@mail.ru.

Особенности понимания сказок детьми с нарушениями зрения

Аннотация: Роль зрительного анализатора в психическом развитии ребенка велика и уникальна. Нарушение его деятельности вызывает у детей значительные затруднения в познании окружающего мира, ограничивает общественные контакты и возможности для занятий многими видами деятельности. В системе коррекционной работы с детьми с нарушениями зрения важную роль играет сказкотерапия. Для ребёнка с нарушением зрения общение с помощью сказки приобретает дополнительное значение, так как оно является эффективным средством коррекции и компенсации вторичных отклонений в психическом развитии, возникающих на фоне зрительного дефекта. Через сказки детям становится ближе и понятнее то, что им труднее всего постигнуть: внутренний мир человека, его чувства, мотивы поступков, его отношение к другим людям и природе. Сказка раскрывает ребёнку действительность, через нее одухотворяется животный и растительный мир, и даже неодушевлённые предметы.

Ключевые слова: детей с нарушениями зрения, сказкотерапия, психокоррекционная работа, логическая память, сенсорные нарушения.

Gugkaeva I.T., Vitaeva A.S.

Gugkaeva Irina Taimurazovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North Ossetian State Pedagogical Institute, Russia, 362002, Vladikavkaz RSO-Alania, Karl Marx 36. E-mail: irina-gugkaeva@yandex.ru.

Vitaeva Amina Salmanovna, State Educational Institution of the North Ossetian State Pedagogical Institute, Russia, 362002, Vladikavkaz RSO-Alania, Karl Marx 36. E-mail: voneam@mail.ru.

Features of understanding fairy tales by children with visual impairments

Abstract. The role of the visual analyzer in the mental development of a child is great and unique. Violation of its effectiveness causes a significant difference in children's acquaintance with the surrounding world, restricts sociable contacts and opportunities for engaging in many types of activities. Fairy-tale therapy plays an important role in the systems of correctional work with children with visual impairments.

For a child with visual impairment, communication with the help of a fairy tale becomes of additional importance, since it is an effective means of correcting and compensating for secondary deviations in mental development that occur against the background of a significant defect.

Through fairy tales, children become closer and clearer about this, which makes them the most difficult to achieve: the inner world of a person, his feelings, motives of procedures, his communication with other people and nature. The fairy tale reveals the child's effectiveness, through it the life and plant world is spiritualized, and gives inanimate objects.

Key words: children with visual impairments, fairy-tale therapy, psychocorrective work, logical memory, sensory disorders.

В настоящее время неуклонно растёт число детей, имеющих сенсорные нарушения. В связи с этим в психологии уделяется большое внимание познавательному развитию таких детей. Особое внимание направлено на развитие логической памяти, так как именно данный вид памяти неразрывно связан со словесно-логическим мышлением – одним из главных показателей интеллекта.

Развитие логической памяти у детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения является одним из важнейших этапов коррекционно-развивающей работы. Основным из направлений обучения детей является проведение коррекционно-развивающих занятий по различным видам арттерапии, где одну из наиболее важных ролей в системе коррекционно-развивающей работы с детьми с нарушениями зрения играет сказкотерапия.

Сказка-это удивительный жанр, который является формой хранения очень важных жизненных знаний. Меняются поколения, культуры, а знания об устройстве мира, о закономерностях отношений между людьми остаются благодаря тому, что они изначально были зашифрованы в сказках, легендах, притчах. Чтобы ни придумали люди со своей судьбой, цивилизацией, сказки все равно сохраняют самое важное для последующих поколений.

Терапия- лечение. Возникает вопрос: «Что же мы лечим?». Во-первых, это сознание. Во-вторых, воображение. В-третьих, это наше самоощущение. В-четвертых, это характер.

Все они могут болеть и от этого страдает сам человек и другие люди. Психологических болезней немало, сказкотерапевт берётся за их излечение. Сказкотерапия-это беседа с душой.

Сказкотерапия – это воспитательная система. При этом воспитание понимается как «в ось питание», питание оси, жизненного стержня человека, ребенка, развитие его самосознания и духа на основе общечеловеческих ценностей. Функции сказки разнообразны: она активизирует воображение ребенка, заставляет его сопереживать и внутренне содействовать персонажам, развивает эмпатию и толерантность. Благодаря сказке у ребенка появляются новые знания, представления и, самое главное, эмоциональное отношение к окружающим. Это уникальная возможность проиграть жизненные ситуации без ущерба для собственной жизни и судьбы и ставит сказку в ряд наиболее эффективных способов развития и коррекции детей.

Сказкотерапия помогает как можно более безопасно вскрыть и выявить проблему ребенка, начать немедленную работу даже в случаях, когда речь идёт о сильных стрессовых ситуациях и конфликтах. Терапия сказкой дает возможность тонкого присоединения к ребенку, сказкотерапевт достигает решения задач в кратчайшие сроки. Уже после первых занятий на лицо улучшение эмоционального состояния, устранение отрицательного психического напряжения.

Сказки очень привлекательны для психологической, терапевтической и раз-

вивающей работы. Сказочная терапия, по мнению Д. Ю. Соколова, создаёт безопасное окружение, в котором ребенок способен раскрыть и исследовать свою личность, выявлять и развивать свои ресурсы направленность его внимания и арсенал возможностей. Атмосфера волшебства и сказки, часто используемая в сказочной терапии, позволяет выйти за пределы искусственных рамок, выстраивающих окружающую среду ребенка, расширяя направленность его внимания и арсенал возможностей. Это помогает увидеть другие возможные пути развития событий и решения жизненных проблем [7, с. 32].

В сказках нет прямых нравоучений, как например в баснях. В сказке никто не учит ребенка «жить правильно». События сказочной истории естественным и логичным образом следуют друг за другом. Таким образом, ребенок чувствует и усваивает причинные связи, закономерности, которые существуют в этом мире. Сказкотерапия, по словам А. В. Гнездилова, даёт возможность преобразить внутренний и внешний мир, увидеть и принять его красоту и уникальность. В сказках всё наполнено гармонией, которая передаётся ребенку [1, с.114].

Для старшего дошкольника, как указывает Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, самое главное развитие его внутренней жизни, эмоциональной и когнитивной сферы. В этот возрастной период эмоции являются основными регуляторами деятельности ребенка. Его интеллект ещё слаб, он не готов ещё обсуждать, он может только играть. И сказочный мир замечательно приспособлен для таких игр. Ведь он расширяет кругозор, формирует целостный взгляд на мир, реализует навыки ролевого поведения, оказывает влияние на развитие когнитивной и эмоционально-волевой сферы [6, с. 127].

Для ребёнка с нарушением зрения общение с помощью сказки приобретает дополнительное значение, поскольку является эффективным средством коррекции и компенсации вторичных отклонений в психическом развитии, которые происхо-

дят на фоне зрительного дефекта [4, с.28].

Наблюдения детей с нарушениями зрения в повседневной жизни и в играх показали, что этим детям трудно передавать настроения персонажей сказок, они малоэмоциональны, у них не развита подражательность, движения ограничены, наблюдаются трудности в общении со сверстниками и взрослыми. Это связано с тем, что зрительный порок существенно истощает способность детей к имитированию, и перед педагогами стоит задача передать ребёнку необходимые чувства и эмоции на доступном для детей уровне.

Сказки обогащают эмоции детей с нарушениями зрения. Слушая чтение, рассказывание, дети сочувствуют герою, переживают вместе с ним его неудачи и победы.

Слушая сказку, дети играют её в своём воображении. Они представляют себе место действия и героев сказки. Таким образом, они видят спектакль в своём воображении. Также в процессе сказкотерапии ребенку значительно проще осмысливать текст и находить в нем смысловые связи, что, безусловно, эффективно влияет на развитие логической памяти. Поэтому совершенно естественным, по мнению О.В. Заширинской, является использование драматизации сказок в коррекционной работе педагога [4, с.30].

И. В. Вачков предлагает следующие рекомендации для работы над сказкой:

1. Готовясь читать сказку, важно организовать визуальные и практические действия детей или провести соответствующий разговор так, чтобы дети могли правильно воспринять героев и их действия.

2. Чтение сказок должно сопровождаться показом диафильма, иллюстрациями в книге. Тогда у детей уже при первом знакомстве с текстом порождаются представления о персонажах и об особенностях их взаимодействия, фиксируется последовательность развития сюжета.

3. Знакомясь со сказкой, лучше использовать чтение- рассказывание. С таким представлением текста сохранена интонация разговорной речи. Рассказывание

историй сопровождается соответствующими жестами и выражениями лица.

4. Сказку хорошо читать по ролям. Однако прежде, чем начать такую работу, важно, чтобы дети уже слушали сказку и проанализировали ее, обратив внимание на характер действующих лиц, на их поведения в определенных ситуациях [2, с.112].

Особенностями проведения занятий с дошкольниками с нарушениями зрения является формирование познавательной активности и зрительного восприятия через полисенсорный подход, используя все сохранные анализаторы, а также формирование элементарных базовых знаний и представлений об окружающей действительности. Обязательным компонентом занятия, с точки зрения А. В. Гнездилова, подбор стимульных материалов с учетом офтальмо-гигиенических рекомендаций, а также соблюдение оптимальной нагрузки на занятия [8, с. 64].

Чтобы старший дошкольник с нарушением зрения мог сознательно управлять своей логической памятью, нужно научить его эффективным приемам смыслового запоминания, находить конструктивные выходы из сложных ситуаций. Как нельзя лучше этому учит сказка. Если же не учить этому ребенка, недостатки логической па-

мяти будут долго определять его жизнь, создавая все новые субъективные трудности, затрудняя его социализацию в обществе.

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, можно заключить следующее:

Сказкотерапия – это «лечение» образами сказочных героев, переживание и проигрывание эмоций; процесс формирования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни личности ребенка. Терапия сказкой помогает детям преодолеть эмоциональные проблемы, развивать воображение, доверие и уверенность в себе, обучает навыкам конструктивной коммуникации.

В психокоррекционной работе с детьми старшего дошкольного возраста с нарушением зрения сказкотерапия играет одну из ведущих ролей. Это обусловлено, прежде всего, ведущим дефектом. Сказкотерапия особенно эффективна при зрительных нарушениях, так как недостатки зрения компенсируются слуховым анализатором. Сказкотерапия развивает логическую память, способствует развитию творческого и образного мышления, отвечающих за восприятие логического смысла и линии сюжета. Таким образом, сказки влияют на развитие и на формирование личности ребенка в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аишева В.П. Сказкотерапия как метод коррекции // Казахстан2030. 2004. №3. С. 114- 119.
2. Вачков И. В. Введение в сказкотерапию. – М.: Генезис, 2011. 288с.
3. Вачков И.В. Сказкотерапия. Развитие самосознания через психологическую сказку. М.: Ось-89, 2001. 369 с.
4. Земцова М. И. Особенности познавательной деятельности детей с нарушением зрения // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2013. № 3. С. 26-32.
5. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Основы сказкотерапии. М., 2005. 80 с.
6. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству Теория и практика сказкотерапии. СПб.: «Златоуст», 2008. 352 с.
6. Соколов Д.Ю. Сказки и сказкотерапия. М.: Эксмо- Пресс, 2001. 304 с.
7. Шаманова Л. А. Развитие памяти старших дошкольников с нарушениями зрения средствами сказкотерапии // Проблемы и перспективы развития образования. Пермь: Меркурий. 2013. С. 63-66

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aisheva V.P. Skazkoterapija kak metod korrekcii // Kazahstan 2030. 2004. №3. S. 114- 119.

2. Vachkov I. V. Vvedenie v skazkoterapiju. – M.: Genezis, 2011. 288с.
3. Vachkov I.V. Skazkoterapija. Razvitie samosoznaniya cherez psihologicheskuyu skazku. M.: Os'-89, 2001. 369 s.
4. Zemcova M. I. Osobennosti poznavatel'noj dejatel'nosti detej s narusheniem zrenija // Vospitanie i obuchenie detej s narushenijami razvitija. 2013. № 3. S. 26-32.
5. Zinkevich-Evstigneeva T.D. Osnovy skazkoterapii. M., 2005. 80 s.
6. Zinkevich-Evstigneeva T.D. Put' k volshebstvu Teorija i praktika skazkoterapii. SPb.: «Zlatoust», 2008. 352 s.
5. Sokolov D.Ju. Skazki i skazkoterapija. M.: Jeksmo- Press, 2001. 304 s.
6. Shamanova L. A. Razvitie pamjati starshih doskol'nikov s narushenijami zrenija sred-stvami skazkoterapii // Problemy i perspektivy razvitija obrazovanija. Perm': Merkurij. 2013. S. 63-66

Поступила в редакцию 15.08.2021.

Принята к публикации 18.08.2021.

Для цитирования:

Гугкаева И.Т., Витаева А.С. Особенности понимания сказок детьми с нарушениями зрения // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.55-59. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Gugkaeva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503725>

УДК 376.3

Гугкаева И.Т.

Гугкаева Ирина Таймуразовна, кандидат педагогических наук, доцент, ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт», Россия, 362002, г. Владикавказ РСО-Алания, Карла Маркса 36.Е -mail: irina-gugkaeva@yandex.ru.

Игровая деятельность как фактор развития эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения

Аннотация. Игра является ведущим видом деятельности абсолютно каждого ребёнка. Поскольку развивающие способности игры безграничны, именно поэтому, лучше всего её использовать для развития эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста с нарушениями зрения. Развитие эмоционального интеллекта у детей с нарушением зрения происходит успешнее и легче в игровой деятельности, опираясь на собственный опыт детей с коррекцией взаимоотношений взрослыми, которые раскрывают возможности иного, более доброжелательного, социально одобряемого общения.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, дети с нарушениями зрения, игровая деятельность, дизонтогенез.

Gugkaeva I.T.

Gugkaeva Irina Taimurazovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North Ossetian State Pedagogical Institute, Russia, 362002, Vladikavkaz RSO-Alania, Karl Marx 36. E-mail: irina-gugkaeva@yandex.ru.

Play activity as a factor in the development of emotional intelligence in preschool children with visual impairment

Abstract. The game is the leading activity of absolutely every child. Since the developing abilities of the game are limitless, that is why it is best to use it to develop the emotional intelligence of preschool children with visual impairments. The development of emotional intelligence in children with visual impairment is more successful and easier in play activities, based on the children's own experience with the correction of relationships by adults, which reveal the possibilities of a different, more friendly, socially approved communication.

Key words: emotional intelligence, children with visual impairments, play activity, dysontogenesis.

Человеческая жизнь всегда наполнена разнообразными событиями, предметами, и любое явление затрагивает человека. Человек эмоционально сопереживает, то есть он показывает эмоции и проявляет чувств. Большую освещённость проблема эмоционального ин-

теллекта получила в рамках зарубежной психологии.

С начала XX века психологи начали осуществлять поиск способностей, сопряженных с социально-эмоциональной областью психики. Основные эксперты, занимавшиеся психологическим изучением интеллекта, в том числе и социального (Г.

Айзенк, Д. Векслер, Дж. Гилфорд, Ч. Спирмен, Э. Торндайк и другие) пришли к выводу, что все люди различаются по способности воспринимать окружающих и управлять ими, то есть действовать целесообразным способом в человеческих взаимоотношениях [1, с.75]. Профессор Эдвард Торндайк в двадцатом году двадцатого века дал определение социального интеллекта, описав его как «способность понимать людей, мужчин и женщин, мальчиков и девочек, умение обращаться с людьми и разумно действовать в отношениях с людьми» [4, с.53].

В начале девяностых годов XX века Питер Сэловей и Джон Майер выпустили публикацию «Эмоциональный интеллект» (англ. Emotional Intelligence), которая четко определила сегодняшнее представление эмоционального интеллекта. Данная публикация вызвала огромный интерес к теории эмоционального интеллекта, и повлекла за собой большое количество исследований на данную тему.

Эмоциональный интеллект — это феномен, объединяющий в себе способность дифференцировать и осознавать эмоции, управлять собственными эмоциональными состояниями и эмоциями своих партнёров по общению. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) одним из основных приоритетов определяет сохранение и укрепление физического и психического благополучия детей, в том числе их эмоционального интеллекта. В разделе ФГОС ДО «Социально коммуникативное развитие» отмечена необходимость развития социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания, формирования готовности к совместной деятельности со сверстниками [6, с. 13]. Специальные исследования отечественных ученых, свидетельствуют о том, что психическое здоровье ребенка определяется его эмоциональным благополучием (Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин и другие).

Среди эмоций детей нередко существенное место занимают не только положительные, но и отрицательные эмоции, негативно влияющие как на общий психологический настрой ребенка, так и на все виды его деятельности, в том числе учебной.

Нарушение зрения является дефицитным видом дизонтогенеза и представляет собой многочисленную вариативную группу, включающую лиц со слепотой (незрячие) и снижением зрительного восприятия (слабовидящие). По классификациям лица с остротой зрения в пределах от 0% до 0,04% входят в категорию незрячих. К ним относятся тотально слепые и слабовидящие (острота зрения от светоощущения до 0,04%) [5, с.34].

В психолого-педагогической литературе описание эмоциональных состояний и чувств людей с нарушениями зрения представлено в основном по наблюдению или самонаблюдению (К. Бюрклен, А. Крогиус, Ф. Цех, и другие) эмоции и чувства человека, являясь отражением его реальных отношений к значимым для его объектам и субъектам, не могут не изменяться под влияний нарушения зрения, при котором сужаются сферы чувственного познания, изменяются потребности и интересы. Незрячие и слабовидящие люди испытывают и проявляют те же эмоции и чувства, что и зрячие, хотя степень и уровень их развития отличаются.

Особенности развития эмоций как высших психических функций у детей с нарушением зрения могут возникать в связи:

- с трудностями взаимодействия с естественной средой, что находит свое отражение в задержке развития предметной и игровой деятельности;
- с трудностями взаимодействия с социальной средой и задержкой в развитии деятельности общения;
- с отсутствием или с ограниченностью, искаженностью зрительной информации о внешних проявлениях эмоциональных состояний других людей;

- с трудностями в формировании целостных представлений о ситуациях, которые являются причиной тех или иных эмоциональных переживаний и определяют контекст общения;

- с затруднениями в освоении и применении знаковосимволических средств, передающих те или иные эмоциональные состояния. В современной мире в дошкольных образовательных организациях можно найти множество детей с нарушениями зрения, у которых эмоциональные проявления сформированы на низком уровне. Для того, чтобы повысить адаптивные возможности таких детей, необходимо начинать развитие эмоционального интеллекта ещё в дошкольном возрасте. Так как в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования игра является ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте, она является эффективным фактором развития эмоционального интеллекта. Игра позволяет организовать игровое общение, в котором вырабатываются эмоциональные реакции на действия окружающих, а также игра позволяет моделировать эмоциональные состояния [2, с. 101].

К созданию целостного образа предмета, являющегося базой мыслительных действий и операций, ребенок приходит после освоения обобщенных способов обследования, различения и объединения признаков и свойств предметов. Нарушение зрения определяет процесс социализации ребенка. Если ребенка вовремя не адаптировать к окружающей среде, то у него появляются проблемы в контактировании с людьми и окружающей средой.

Дифференциация эмоций других детей является трудной для слабовидящих. Зрение является ведущим анализатором в течении всей жизнедеятельности человека, в частности в старшем дошкольном возрасте. Орган зрения — основное средство восприятия для слабовидящего ребёнка. Система сенсорных знаний, формируется с затруднениями. Вторичные отклонения оказывают влияние на качество запомина-

ния зрительного материала, что, в свою очередь, в дальнейшем сказывается на формировании мыслительных операций. Трудности восприятия образцов артикуляции связаны с особенностями формирования коммуникативной функции. Это составляет затруднения, возникающие при становлении звуковой стороны устной речи. Ограниченный объем воспринимаемого пространства и узкое поле деятельности ребёнка препятствует расширению словаря ребёнка. Это приводит к отклонению в формировании содержательной стороны коммуникативной функции речи. Вышеизложенное обуславливает трудности понимания реальных эмоциональных переживаний людей в процессе общения.

В дошкольном возрасте происходит активное обогащение словарного запаса детей, вырабатываются навыки успешной социализации, а также развиваются логические и аналитические способности. Дети тяготеют к активному взаимодействию и общению с окружающими, но, вследствие ограниченного количества речевых средств и умений, опыта коммуникации, которыми владеют дети данной категории, не могут реализовать свою потребность в общении. Физическое и психологическое отставание в развитии детей, обусловлено нарушениями органов зрения, что приводит к лишению ребенка основных источников информации. Снижение активности у ребёнка оказывает влияние на игровую деятельность.

Игра, являющаяся основной деятельностью ребёнка дошкольного возраста, способствует развитию его духовных и физических сил. Во время игры происходит совершенствование внимания, памяти, воображения, дисциплинированности, ловкости, отработка коммуникативных навыков. Помимо этого, игра представляет собой специфический, доступный дошкольному возрасту метод овладения общечеловеческим опытом.

Всестороннее личностное развитие ребенка складывается в игровой деятельности, возникают существенные изменения в психике, которые обеспечивают пе-

реход на следующий, более высокий уровень развития.

Трудности в возникновении и совершенствовании игр у слабовидящих, и незрячих детей, возникают из-за отсутствия зрения или его неполноценности. Это объясняет ограниченный жизненный опыт ребёнка, маленький круг общения, недостаток определенных взглядов и конкретных представлений, влияющих на развитие игровой деятельности.

У ребенка со слепотой игра самостоятельно не формируется. Незрячего ребенка необходимо учить играть. Перед воспитателем такого обучающегося ставится особая задача первоначального обучения игровой деятельности, с целью использования игры для последующего обучения и развития. Итак, для обучающихся с нарушениями зрения, большое значение приобретает обучение, оно сливается с игрой уже на предварительном этапе организации игровой деятельности.

Значимым средством ознакомления с окружающей действительностью для незрячего ребенка является игрушка. Использование игрушек является первыми шагами в обучении игре. Звучащие игрушки, удерживающие внимание, привлекают детей младшего дошкольного возраста. Они их предпочитают больше других. Дети берут звучащий предмет и манипулируют с ним. Ударяя игрушкой по столу, совершая различные манипуляции, даже из незвучащей игрушки, ребёнок пытается создать звук. У Детей не сформированы навыки осязательного обследования предмета. Однако незрячие дети могут выделить индивидуальные у данной конкретной игрушки определительные признаки уже при ее схватывании. Предмет, который полюбился и заинтересовал ребёнка, он узнает легко, хотя зачастую это не взаимосвязано с наличием у него четкого и дифференцированного образа.

Успешное обучение игре приводит к тому, что в младшем дошкольном возрасте значительная часть незрячих детей избирательно использует простые звуковые игрушки и правильно их употребляет (пи-

щающие зайцы, погремушки). Овладение такими более сложными звуковыми игрушками, как барабан, вертушка, требует специального показа и более подробного объяснения. Поэтому у детей младшей группы можно выделить две различные стадии игровой деятельности. Первая – манипуляции с предметами, отличающиеся повышенной двигательной активностью, которая усиливается под влиянием позитивных эмоций, образующихся вследствие действий с игрушками. Данная стадии характеризуется желанием ребенка неоднократно, повторно передвигать предметы для игры, производить действия с ними.

Дети, находящиеся на второй стадии развития игровой деятельности, знают назначение реального предмета, который используется в роли игрушки, но совершать манипуляции с ним не умеют, так как двигательные умения не сформированы, а моторика недоразвита. Например, ребенок знает, что такое ножницы, знает какие манипуляции с ними нужно совершать: резать, стричь, но при этом действует двумя руками.

Игру детей с нарушениями зрения характеризует диспропорциональность развития. Она, с одной стороны, заключается в отставании моторной сферы, страдающей вторично в результате потери зрения, и, с другой стороны, в сформированных знаниях об окружающем мире и уровне развития речи, которые опережают формирование двигательных навыков. Для развертывания игры значительную роль имеет сформированный, сплоченный, взаимодействующий детский коллектив. Возникновение коллективной игры происходит после начала формирования предметных действий, связанных общей целью и воспроизведением ребенком определенной роли. Проигрывание ситуаций ставит перед незрячим ребенком необходимость установить отношения со своими сверстниками [3, с. 24].

Отставание в развитии предметно-игровых действий, обедненность сюжета игры и снижение уровня совместных игро-

вых действий детей является следствием фрагментарных представлений о предметах и действиях с ними, из-за недостаточности чувственного опыта детей с нарушениями зрения. Процесс овладения предметными действиями у детей продолжителен во времени. Игра для незрячего ребенка не является заменой реальных действий, а представляется самой жизнью, позволяя принимать активное участие в жизни социума. Поэтому овладение новыми действиями это – по существу и овладение реальной действительностью.

Дошкольный период детства ребёнка является основой всей его дальнейшей жизни. Именно в этот период происходит форсирование всех психических процессов ребенка, в том числе эмоционально-волевой сферы, в частности эмоционального интеллекта. Многие зарубежные и отечественные исследователи эмоционального интеллекта, такие как М. Зайднер, Д. В. Люсин, Дж. Мэттьюс, Р. Д Робертс отмечали, что эмоциональный интеллект состоит из способностей к опознанию, пониманию эмоций и управления данными эмоциями. Зрение играет ведущую роль в процессе восприятия человека окружающего мира, а данный факт влияет на становление эмоционально-волевой сферы ребёнка в целом, а также эмоционального интеллекта в частности. При сниже-

нии зрения ребенок плохо различает эмоциональные проявления, не обращает внимание на жесты, пантомимику и мимические средства выразительности у собеседника. Это приводит к тому, что дети с нарушениями зрения не идентифицируют собственные эмоции и не распознают эмоциональные состояния окружающих, не контролируют свои эмоциональные проявления и не подражают эмоциям окружающих.

Игра является ведущим видом деятельности абсолютно каждого ребёнка. Поскольку развивающие способности игры безграничны, именно поэтому, лучше всего её использовать для развития эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста с нарушениями зрения.

Педагог должен знать, что важным направлением работы по игровой деятельности является воспитание коммуникативной культуры, куда входят задачи развития речи и воспитания эмпатии (способности чувствовать и понимать настроение другого человека).

Исходя из всего выше сказанного, игровая деятельность является важным средством в развитии коммуникативных способностей дошкольников с нарушением зрения и развитие эмоционального интеллекта у них происходит успешнее и легче в игровой деятельности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бредберри Т., Гривз Д. Эмоциональный интеллект: Самое важное. М. : АСТ. 2008. 187 с.
2. Гринченко И. С. Игра в теории, обучении, воспитании и коррекционной работе: Учебно-методическое пособие. М.: «ЦГЛ». 2002. 156 с.
3. Запорожец А.В. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / А. В. Запорожец, Я. З. Неверович. М. : Педагогика.1986. 351 с. 57
4. Куницына В. Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимодействие / В. Н. Куницына. Теоретические и прикладные вопросы психологии. СПб. 1995. Выпуск 1, ч. 1. С.48-61.
5. Литвак А. Г. Тифлопсихология : Учеб. пособие для студентов пед. ин – тов по спец. Дефектология. М : Просвещение. 1985. 195 с. 58
6. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: Принят Министерством образования и науки РФ от 17 окт. 2013 г. No 1155, 2013. 22 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bredberri T., Grivz D. Jemocional'nyj intellekt: Samoe vazhnoe. M. : AST. 2008. 187 s.

2. Grinchenko I. S. Igra v teorii, obuchenii, vospitanii i korrekcionnoj rabote: Uchebno-metodicheskoe posobie. M.: «CGL». 2002. 156 s.
3. Zaporozhec A.V. Razvitie social'nyh jemocij u detej doskol'nogo vozrasta / A. V. Zaporozhec, Ja. Z. Neverovich. M. : Pedagogika.1986. 351 s. 57
4. Kunicyna V. N. Social'naja kompetentnost' i social'nyj intellekt: struktura, funkcii, vzaimodejstvie / V. N. Kunicyna. Teoreticheskie i prikladnye voprosy psihologii. SPb. 1995. Vypusk 1, ch.1. S.48-61.
5. Litvak A. G. Tiflopsihologija : Ucheb. posobie dlja studentov ped. in – tov po spec. Defektologija. M : Prosveshhenie. 1985. 195 s. 58
6. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart doskol'nogo obrazovanija: Prinjat Ministerstvom obrazovanija i nauki RF ot 17 okt. 2013 g. No 1155, 2013. 22 s.

Поступила в редакцию 19.08.2021.

Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Гугкаева И.Т. Игровая деятельность как фактор развития эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста с нарушениями зрения // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.60-65. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/GugkaevaI.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503835>

УДК 378.015.324

Корнеев Т.О.

Корнеев Татьяна Олеговна, аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14. E-mail: tanya-korneenko@mail.ru.

К вопросу о сущности и содержании профессионально-коммуникативной компетентности будущих учителей

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сущностной характеристики профессионально-коммуникативной компетентности в структуре подготовки будущих учителей. Автор раскрывает содержание понятия профессионально-коммуникативной компетентности будущих педагогов, выделяет ее разновидности, описывает этапы формирования. Определяются характерные особенности компонентов профессионально-коммуникативной компетентности: когнитивного, практического (деятельностного), ценностно-мотивационного (личностного), критерии их выделения. Профессиональный уровень коммуникативной компетентности будущих учителей приобретается, корректируется и формируется в рамках их подготовки в педагогическом ВУЗе благодаря комплексу взаимосвязанных этапов: адаптационного (адаптивного), формирующего, контрольного, корректирующего и закрепительно-итогового.

Ключевые слова: подготовка будущих учителей, профессионально-коммуникативная компетентность, компоненты, критерии, вуз.

Korneenko T. O.

Korneenko Tatiana Olegovna, postgraduate, Bryansk State Academician I.G. Petrovski, Russia, 241036, Bryansk, st. Bezhitskaya, 14. E-mail: tanya-korneenko@mail.ru.

On the question of the essence and content of professional and communicative competence of future teachers

Abstract. The article is devoted to the consideration of the essential characteristics of professional and communicative competence in the structure of training future teachers. The author reveals the content of the concept of professional and communicative competence of future teachers, identifies its varieties, describes the stages of formation. The characteristic features of the components of professional and communicative competence are determined: cognitive, practical (activity), value-motivational (personal), criteria for their allocation. The professional level of communicative competence of future teachers is acquired, adjusted and formed within the framework of their training at a pedagogical university due to a complex of interrelated stages: adaptive (adaptive), formative, control, corrective and fixing-final.

Key words: training of future teachers, professional and communicative competence, components, criteria, university.

Для современного этапа развития системы образования крайне важным требованием к будущему педагогу является достаточный уровень владения коммуникативной компетентностью, что

будет способствовать достижению им успеха в профессиональной деятельности. Учитель представляет собой одновременно личность и специалиста в области образования. При оценке учителя с профессио-

нальной точки зрения, учету подлежит и сформированность его коммуникативной компетенции [7]. К учителю предъявляется требование «знать методологию общения, теорию и практику коммуникации с учеником, технологию коммуникативности учебного процесса. Учитель должен уметь регулировать процесс общения и эффективно строить общение с различными участниками образовательно - воспитательного процесса» [1, с. 28].

Актуальность рассмотрения вопроса сущностной характеристики профессионально-коммуникативной компетентности будущих учителей обусловлена тем, что для успешной реализации профессиональной педагогической деятельности учитель должен в достаточной мере владеть умениями и навыками эффективной коммуникации со всеми без исключения участниками образовательного процесса (руководством образовательного учреждения, коллегами, учащимися, их законными представителями). Основа коммуникативной компетентности будущих педагогов закладывается во время их учебы в вузе. Именно педагогический вуз выступает той средой, в которой будущие учителя приобретают не только специальные знания и умения, необходимые для осуществления педагогической деятельности по профильному предмету, но и получают ценный опыт «социальных и профессиональных отношений, у них формируется определенное мировоззрение, жизненные установки и ценностные ориентации» [3, с. 4].

Коммуникативная компетентность учителя представляет собой умение учителя организовывать и осуществлять осмысленную и эффективную интеракцию, которая соответствует ситуации общения, с целью получения и обмена информацией с другими участниками коммуникативного процесса [6, с. 100].

Исследователь О.С. Овчинникова предлагает трактовать профессионально-коммуникативную компетентность учителя как интегративную личностную характеристику, совокупность «теоретической, практической и нравственно - психологи-

ческой готовности» к осуществлению межличностной и межкультурной профессиональной коммуникации [5, с. 172].

Коммуникативная компетентность представляет собой комплексный феномен, реализующийся в совокупности компонентов. Автор Д.И. Изаренков предлагает выделять языковой (владение языковой системой как коммуникативным кодом), предметный (наличие достаточной информационной базы) и прагматический (наличие специальных коммуникативных умений) компоненты [4]. В свою очередь, Т.А. Хайновская определяет следующий набор компонентов коммуникативной компетентности: когнитивного, практического (деятельностного), и ценностно-мотивационного (личностного) [6], который представляется нам более содержательным. Выделяемые компоненты коммуникативной компетентности соотносятся с набором критериев, на основе которых представляется возможным определить уровень сформированности соответствующего качества у будущего учителя.

Когнитивный компонент предполагает владение будущим педагогом знаний, необходимых для осуществления эффективной коммуникации. Критериями оценки сформированности когнитивной составляющей коммуникативной компетентности выступают наличие указанных выше знаний и степень владения ими (репродуктивное, продуктивное, творческое) [5; 6].

В объем деятельностного (или практического) компонента входят умения использовать в процессе интеракции с собеседниками все многообразие языковых средств в соответствии с нормами речевого этикета, с учетом коммуникативной ситуации. Кроме того, данный компонент коммуникативной компетентности подразумевает активное участие коммуникантов в ходе общения. Критериями сформированности данного компонента выступают степень владения коммуникативными умениями, а также уровень креативности [5; 7].

Личностный (или ценностно-мотивационный) компонент составляют личностные качества будущего педагога, его ценностные ориентиры, формирование и развитие которых осуществляется в период обучения в процессе профессиональной подготовки. В основе этого компонента лежит система мотивов, ценностей и представлений будущего учителя о понимании и правильном применении полученными знаниями и умениями в различных ситуациях общения, стремление к саморазвитию, самостоятельному восполнению недостающих знаний, готовность использовать имеющиеся в знания в новых условиях, проявлять креативность и инициативность. Данный компонент соотносится также с формированием социально-ценностных установок, развитием толерантности. Все указанные составляющие приобретают четко выраженный личностный смысл и признаются базовым показателем высокого уровня развития профессионально-коммуникативной компетентности, поскольку обучающийся выстраивает собственную линию поведения [5, с. 172]. Показателями сформированности этого компонента являются уровень познавательной мотивации, уровень коммуникативных предпочтений и владение различными механизмами обратной связи.

Взяв за основу следующие параметры: степень владения знаниями, обеспечивающих успешность протекания процесса коммуникации, уровень их усвоения, степень владения коммуникативными умениями, уровень креативности в подходах к коммуникативному акту, уровень познавательной мотивации, уровень коммуникативных склонностей и владения механизмами рефлексии и саморефлексии Т.А. Хайновская и В.И. Биджиева предлагают выделять четыре уровня владения коммуникативной компетентностью: 1) элементарный; 2) переходный; 3) предпрофессиональный; 4) профессиональный [2; 6].

Далее приведем основную характеристику указанных уровней владения коммуникативной компетентностью.

Элементарный уровень владения коммуникативной компетентностью соотносится с наличием у будущего педагога эмпирических лингвистических и психологических знаний по основам коммуникации, которые не применяются на практике или их применение носят несистемный характер. Кроме того, для этого уровня характерно четко выраженное нежелание студента принимать участие в различных коммуникативных актах, например, в дискуссиях, дебатах, обсуждениях.

Переходный уровень владения коммуникативной компетентностью отличается неустойчивым характером знаний, умений и навыков осуществления коммуникативной деятельности, что не позволяет говорить о достижении будущим учителем предпрофессионального и профессионального уровня. Показатели коммуникативной компетентности указывают на стремление коммуниканта к систематизации знаний, у которых продолжает преобладать эмпирический характер. Коммуникативная активность имеет место только при обсуждении личностно значимых для коммуниканта тем. Основные коммуникативные умения и навыки, в целом, сформированы, но нестандартные ситуации могут вызывать сложности. Иными словами, сложившиеся показатели когнитивного, деятельностного и личностного компонентов коммуникативной компетентности требуют дальнейшего развития и совершенствования.

На сформированность коммуникативной компетентности на предпрофессиональном и профессиональном уровнях указывают систематизированные, взаимосвязанные знания научного и оперативного характера. Данные знания активно применяются коммуникантом на практике как в знакомых, так и нестандартных ситуациях прямого или опосредованного общения. Коммуникативные ситуации, различающиеся по характеру, месту протекания, количеству участников и особенностям их взаимоотношений, требуют проявления креативности. Отличие предпрофессионального и профессионального уровней владения коммуникативной компетентностью со-

стоит только в степени устойчивости качества в различных ситуациях общения.

Исходя из описанных выше показателей сформированности разных уровней коммуникативной компетентности, можно предположить, что студенты – будущие педагоги обладают преимущественно коммуникативной компетентностью на предпрофессиональном уровне, в то время как истинно профессиональный уровень свойственен практикующему учителю. Это обусловлено отсутствием у выпускника вуза достаточного опыта практической педагогической деятельности. На наш взгляд, выход будущего учителя на профессиональный уровень возможен только при условии осуществления непрерывной педагогической деятельности.

Процесс овладения будущими учителями коммуникативной компетентности на профессиональном уровне проходит через несколько этапов: адаптационный (адаптивный), формирующий, контрольный, корректирующий и закрепительно-итоговый [2; 6].

Адаптационный (адаптивный) этап необходим для диагностики наличия у будущего учителя знаний об условиях эффективной коммуникации и уровня их освоенности, степени владения коммуникативными умениями и уровнем их использования в различных ситуациях общения. Полученные в результате диагностики данные кладутся в основу дальнейшей работы со студентами, в планировании работы преподавателя по формированию и развитию у будущих учителей коммуникативной компетентности, в выстраивании индивидуальной и групповой образовательной траектории, в реализации дифференцированного подхода к обучению.

Формирующий этап является основным, поскольку именно на нем происходит формирование фундамента профессиональной коммуникативной компетентности будущего учителя: формируются лингвистические, психологические, педагогические знания, обеспечивающие эффективную коммуникацию; знания отрабатываются на практике благодаря использова-

нию интерактивных методов обучения (проекты, решение кейсов, моделирование ситуаций, проблемные задания); корректируются личностные качества будущих учителей, основополагающие для осуществления педагогической деятельности.

Контрольный этап формирования коммуникативной компетентности предполагает проведение мониторинг усвоения будущими учителями тех знаний и умений, которые отрабатывались на формирующем этапе, с целью определения наличия и характера динамики. Контроль может быть организован в виде решения практического задания (когнитивный и деятельностный компоненты), прохождения психологических тестов-опросников, анкетирование (личностный компонент). Полученные результаты контрольной диагностики выступают основой для планирования дальнейшей работы со студентами.

На корректирующем этапе происходит тренировка сформированных знаний успешной коммуникации посредством моделирования различных профессиональных коммуникативных ситуаций, которые предполагают проявление студентом творческого подхода и креативности мышления при решении конкретной коммуникативной задачи.

Закрепительно-итоговый этап выступает последним в системе формирования профессионально-коммуникативной компетентности будущих студентов. К нему допускаются те студенты, кто успешно овладел коммуникативной компетентностью на предпрофессиональном и профессиональном уровнях.

Таким образом, в содержание профессиональной коммуникативной компетентности будущих учителей входят знания, умения и навыки, необходимых для осуществления ими эффективной коммуникации в рамках педагогической деятельности; умения применять все разнообразие языковых средств в процессе межличностной интеракции с учетом ситуации общения (место, время, участники, их статус и т.д.); инициативность в организации ком-

муникации и желание получать обратную связь.

Профессиональный уровень коммуникативной компетентности будущих учителей приобретается, корректируется и формируется в рамках их подготовки в педагогическом вузе. Данный процесс осуществляется в системе и представлен несколькими взаимосвязанными этапами:

адаптационным (адаптивным), формирующим, контрольным, корректирующим и закрепительно-итоговым. Достижение высокого уровня коммуникативной компетентности будущих учителей возможно при условии успешного прохождения студентами всех указанных этапов формирования этого качества за время обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аттестация учителей биологии и химии: метод. рекомендации / авт.-сост. О. Н. Монтасери. М.: Айрис-Пресс, 2006. 128 с.
2. Биджиева В.И. О коммуникативной компетентности будущего учителя начальных классов // Наука и образование: Новое время. 2016. №6 (17). С. 229–234.
3. Данилова И.С. Развитие коммуникативной компетенции в процессе профессионально-педагогической подготовки будущего учителя (на неязыковых факультетах): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Тула, 2002. 225 с.
4. Изаренков Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54–60.
5. Овчинникова О.С. Профессиональная коммуникативная компетентность учителя иностранного языка // ОНВ. 2009. №2 (76). С. 170–172.
6. Хайновская Т.А. Коммуникативная компетентность учителя. Уровни и этапы её формирования // Сибирский педагогический журнал. 2007. №3. С. 99–106.
7. Филатова Е.В. Коммуникативная компетентность педагога: сущность и структура // Magister Dixit. 2012. №1. С. 21–27.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Attestacija uchitelej biologii i himii: metod. rekomendacii / avt.-sost. O N. Montazeri. M.: Ajris-Press, 2006. 128 s.
2. Bidzhieva V.I. O kommunikativnoj kompetentnosti budushhego uchitelja nachal'nyh klassov // Nauka i obrazovanie: Novoe vremja. 2016. №6 (17). S. 229–234.
3. Danilova I.S. Razvitie kommunikativnoj kompetencii v processe professional'no-pedagogicheskoi podgotovki budushhego uchitelja (na nejazykovykh fakul'tetah): dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. Tula, 2002. 225 s.
4. Izarenkov D.I. Bazyisnye sostavljajushhie kommunikativnoj kompetencii i ih formirovanie na prodvinutom etape obuchenija studentov-nefilologov // Russkij jazyk za ru-bezhom. 1990. № 4. S. 54–60.
5. Ovchinnikova O.S. Professional'naja kommunikativnaja kompetentnost' uchitelja ino-strannogo jazyka // ONV. 2009. №2 (76). S. 170–172.
6. Hajnovskaja T.A. Kommunikativnaja kompetentnost' uchitelja. Urovni i jetapy ejo formirovanija // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2007. №3. S. 99–106.
7. Filatova E.V. Kommunikativnaja kompetentnost' pedagoga: sushhnost' i struktura // Magister Dixit. 2012. №1. S. 21–27.

Поступила в редакцию 19.08.2021.
Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Корнеев Т.О. К вопросу о сущности и содержании профессионально-коммуникативной компетентности будущих учителей // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.66-70. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Korneev.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503729>

УДК 378.178: 371.7

Крылова Н.Н.

Крылова Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. E-mail: Krilovann76@mail.ru.

Исследование многофакторности причин эмоциональной напряжённости студента как условие выбора оптимального комплексного подхода психолого-педагогической коррекции в учебно-воспитательном процессе высшей школы

Аннотация. В статье дан психолого-педагогический обзор восприятия проблемы влияния переживаемой эмоциональной напряжённости на качество и результаты учебной деятельности студента, а также на специфику функционирования когнитивных процессов в ситуациях психоэмоционального напряжения и качество интеллектуальной деятельности обучающегося. Приведены результаты диагностики, выявлены и детально исследованы комплексы причин, провоцирующие развитие эмоциональной напряжённости студента в вузе. Предложены основные направления реализации комплексного подхода психолого-педагогической коррекции эмоциональной напряжённости студента в учебно-воспитательном процессе высшей школы.

Ключевые слова: эмоциональная напряжённость; учебная деятельность; интеллектуальная деятельность; психолого-педагогическая коррекция; учебно-воспитательный процесс.

Krylova N.N.

Krylova Natalya Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Penza State University, Russia, 440026, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: Krilovann76@mail.ru.

Study of the multi-factor causes of the student's emotional tension as a choice of the optimal approach of psychological and pedagogical correction

Abstract. The article gives a psychological and pedagogical overview of the perception of the problem of the influence of experienced emotional tension on the quality and results of the student's educational activity, as well as the specific functioning of cognitive processes in situations of psycho-emotional tension and the quality of intellectual activity of the student. The results of diagnostics are presented, complex causes provoking the development of emotional tension of the student at the university are identified and thoroughly investigated. The main directions of implementation of a complex approach of psychological-pedagogical correction of emotional tension of a student in the educational process of a higher school are proposed.

Key words: emotional tension; educational activities; intellectual activity; psychological and pedagogical correction; educational process.

Переживаемые студентом значительные психозэмоциональные нагрузки существенно сказываются на качестве его интеллектуальной деятельности, на эффективности функционирования когнитивных процессов и провоцируют развитие высокого уровня эмоциональной напряжённости в учебной деятельности. Выработка оптимальной стратегии психолого-педагогической коррекции эмоциональной напряжённости студента в современном образовательном пространстве высшей школы подразумевает постановку ряда исследовательских задач: 1) изучить состояние проблемы воздействия переживаемого эмоционального напряжения на качество интеллектуальной деятельности и на функционирование когнитивных процессов обучающегося в современной психолого-педагогической науке; 2) провести диагностику и выявить причины, провоцирующие высокий уровень эмоциональной напряжённости студента в учебной деятельности; 3) обосновать выбор направлений психолого-педагогической коррекции исследуемого феномена в условиях учебно-воспитательного процесса высшей школы на основе выявленных комплексов причин.

Современные научные факты позволяют сформировать представление об исследуемом феномене в отечественном психолого-педагогическом пространстве и сделать соответствующие выводы о двустороннем характере влияния (воздействия) переживаемых психических состояний на специфику протекания деятельности в целом и учебной деятельности обучающегося в частности.

Итак, выделим выявленные положения по проблеме исследования. С одной стороны, эмоциональное напряжение как состояние направлено на мобилизацию функций для наиболее успешного выполнения деятельности [1]. Так, подтверждается положительный эффект «эмоциональной активации» познавательных процессов в ситуации переживания студентом состояния эмоциональной напряжённости в учебной деятельности. Повышение интен-

сивности положительных состояний способствует росту продуктивности когнитивных процессов; а, увеличение продуктивности когнитивных процессов вызывает повышение интенсивности состояний [3]. С другой, если эмоциональное напряжение включает активизацию разных функций в связи с различными волевыми актами, то эмоциональная напряжённость приводит к временному снижению устойчивости психических процессов и работоспособности. В частности, отмечаются негативные тенденции различных видов проявлений эмоциональной напряжённости, отслеживаемые в виде эмоционально-сенсорных, эмоционально-моторных и эмоционально-ассоциативных нарушений, что существенно снижает качество функционирования когнитивных процессов, начиная от восприятия учебной информации и заканчивая успешностью решения учебных задач [5]. Также, эмоциональное переживание может иметь долговременный закрепляющий эффект и рассматривается как механизм, лежащий в основе возникновения и изменения личностных свойств [12]. Подчеркнём обнаруживаемую в исследованиях специфичность двусторонности влияния переживаемой эмоциональной напряжённости студента в учебной деятельности. Так, благоприятно сказывается на процессе самоактуализации, становлении механизмов психологической защиты и в целом личностном росте [15]. В то же время присутствует и обратный эффект порождаемый сопутствующими факторами такими, как неумение наладить контакт с товарищами по учёбе и преподавателями; неспособность прогнозировать результаты общения в будущей деятельности; страх перед экзаменом (зачётом) и выступлением перед аудиторией; недостаточная подготовка по предмету; плохие отметки, страх быть отстранённым от учёбы; неуверенность в своих силах; неумение справиться с излишним волнением и переутомлением; дефицит времени, темп и скорость экзаменационного периода [6].

Отдельный интерес представляет

восприятие обозначенной проблемы в зарубежной психолого-педагогической практике в ракурсе специфики профессиональной подготовки. Покажем на примере подготовки студентов медицинских специальностей. Так, обозначены различия в проявлении поведенческих механизмов у студентов-медиков под воздействием различных стресс-факторов. Как показано в исследовании, студенты с высокой психоэмоциональной устойчивостью и низким уровнем эмоционального выгорания были ориентированы на реализацию собственных целей, при этом используют различные стратегии саморегуляции в деятельности. Наоборот, студенты с низкой психоэмоциональной устойчивостью и сильным выгоранием в деятельности чаще выбирают стратегию внешней ориентации в деятельности и чаще прибегают к самообвинению [18]. Обнаруживается корреляция между показателями эмоционального интеллекта, восприимчивостью к стрессу и проявлением адаптивных и дезадаптивных реакций у студентов. Так, высокий уровень развитого эмоционального интеллекта характеризуется низкой восприимчивостью к стрессу и воздействию различных стресс-факторов, а также развитыми адаптивными реакциями совладания со стрессом [16]. В том числе выявлены комплексы факторов, провоцирующих переживание студентом стресса. Это влияние объёма рабочей нагрузки, конкуренция, социальная изоляция и существующие параллельно с учебной деятельностью студента финансовые трудности [17]; проживание в общежитии, высокие ожидания родителей, усиленная учебная программа, экзамены, нехватка времени для отдыха [19]. Также подчёркивается, что низкая социальная поддержка со стороны сверстников, особенно иностранных студентов, увеличивает вероятность проявления частого стресса и плохой академической успеваемости [20].

Итак, рассмотрим актуальное состояние исследуемой проблемы непосредственно в практике высшего образования. В проведённом нами исследовании приняли участие 228 студентов 1 и 2 курсов

Пензенского государственного университета.

Изначально в свободном сочинении студенты дали развёрнутые письменные ответы о тех трудностях, которые испытывают в учебной деятельности. Полученные данные были подвергнуты контент-анализу. В качестве примера приведём наиболее часто встречающиеся высказывания студентов: «много нужно выучить»; «нет времени на качественную подготовку и к занятиям, и во время сессии»; «не понимаю как решать учебные задачи, писать курсовую работу и т.д.»; «много даётся на самостоятельную работу»; «мало времени на сон и отдых»; «не всегда нахожу «язык» с преподавателями»; «переживаю сложности в общении с одногруппниками»; «вообще не с кем общаюсь»; «не конца понимаю назначение моей специальности» и т.д. Таким образом, наибольшие трудности студенты испытывают на начальных курсах обучения, т.е. на этапе адаптации к специфике учебной деятельности в вузе, к сложной системе педагогического общения, включающей межличностное взаимодействие как с педагогами, так и с одногруппниками в студенческих группах; не меньшие переживания у студентов возникают и по поводу дальнейшего профессионального самоопределения.

Так, в ходе исследования обобщённо нами были выделены комплексы причин, предопределяющих развитие эмоциональной напряжённости студента в учебной деятельности [8]:

I. Комплекс причин, связанный с качеством организации и реализации педагогического общения в системах «педагог - студент» и «студент - студент».

II. Комплекс причин, относящийся непосредственно к самому процессу учебной деятельности студента и определяющий ее качество и полученные результаты.

III. Комплекс причин, обусловленный индивидуально-психологическими особенностями обучающегося и их проявлениями в учебной деятельности.

IV. Комплекс причин, предопределяющий успешность профессионального

самоопределения будущего специалиста.

Далее участникам обследования предлагалось ответить на вопросы опросника эмоциональной напряжённости студента в учебной деятельности (модификация Габдреевой Г.Ш. опросника Тейлор Ж.). Картина распределения количества студентов по уровням выраженности эмоциональной напряжённости существенно меняется при переходе с одного курса на другой (Рис.1). Обратим внимание на ди-

намику количественного распределения студентов высокого и условно выделенного, «очень высокого» уровней на первом курсе и на снижение данного показателя на этих же уровнях на втором. Это скорее свидетельствует о развитии адаптационных процессов обучающихся к учебной деятельности и состоявшейся адаптации к напряжённым факторам и условиям учебно-воспитательного процесса высшей школы.

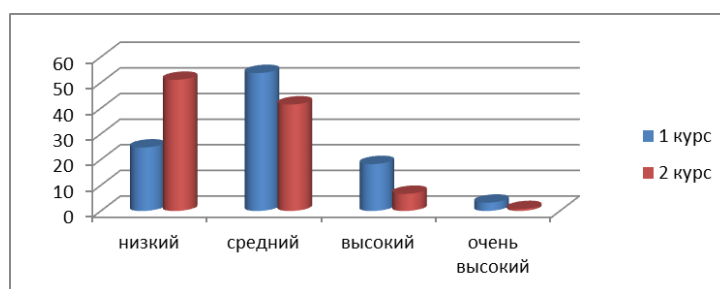

Рис. 1. Процентное распределение количества студентов по уровням выраженности эмоциональной напряжённости.

На основе обобщения высказываний студентов была разработана и предложена анкета (Крылова Н.Н., 2021) для самооценки ими своего психоэмоционального состояния в повседневной учебной деятельности и в период сессии по выделенным позициям в диапазоне от 1 до 10 баллов. Условно 1 баллом было обозначено состояние комфорта и удовлетворенности; значением 10 баллов – состояние дискомфорта и крайней неудовлетворённости. Для самооценки студентами своего психоэмоционального состояния были предложены следующие позиции: **позиция 1** «Отношения с педагогом и одногруппниками»; **позиция 2** «Индивидуально-психологические особенности обучающегося и их проявления в учебной деятельности»; **позиция 3** «Процесс учебной деятельности и полученные итоговые результаты в ней»; **позиция 4** «Дальнейшее профессиональное самоопределение как будущего специалиста по избранной специальности».

Далее, детально исследуем каждый из обозначенных комплексов причин и ре-

комендуем направление психолого-педагогической коррекции исследуемого феномена в образовательном процессе вуза.

Итак, сравнивая полученные в результате опроса студентов данные о складывающихся отношениях с педагогом и одногруппниками (Табл. 1), приходим к выводу, что их значимость существенно повышается в период сессии независимо от курса обучения. Наблюдается динамика в сторону увеличения показателя удовлетворённости отношениями в системе педагогического общения в повседневной учебной деятельности у 71,11% студентов второго курса.

Заметим, что роль педагога в восприятии студента как некоего носителя знаний в последнее время значительно снижается, скорее, формируется понимание его позиции как наставника, общение с которым позволяет самому студенту определить систему ценностей. В свою очередь, в понимании педагогов нередко указывается на ряд причин, из-за которых не складываются взаимоотношения со студентами. Как

показано в исследованиях, это плохая дисциплина на занятиях, плохое посещение студентами занятий, конфликты между преподавателями и студентами [4]. Последние существенно осложняют становление эффективных взаимоотношений в существующей триаде «педагог-студент» и «студент-студент», особенно, если конфликты имеют скрытый характер, как, например, в ситуации моббинга. Подчеркнём, что отдельно необходимо учитывать факт существования моббинга как сложного социально-психологического явления, который присутствует в том числе и в педагогической практике вуза. Причём, студенты не всегда готовы подтвердить факт его существования во время обучения в вузе в отличие от выпускников [2]. Совершенно очевидно, это создаёт существенные предпосылки для развития напряжённости в системе педагогического общения.

Его формы проявления многообразны (негативные высказывания, необоснованная критика, несправедливая оценка деятельности, социальная изоляция, насмешки, публичные оскорбления, неконструктивная критика, ограничение социальных контактов и т.д.). Заметим, что в качестве мобберов могут выступать как студенты, так и сами преподаватели. Хотя последние могут также оказаться в качестве жертвы моббинга. Наиболее часто преподаватели нередко «не замечают» существование подобного явления в студенческой среде. И часто игнорирование выбирается как эффективная форма защиты студентом от подобных форм агрессивного поведения. Поскольку прямая конфронтация с педагогом чревата последствиями, а с одноклассниками усилением ещё большего группового давления.

Таблица 1. Средние значения и процентное распределение количества студентов по уровням выраженности эмоциональной напряжённости по позиции 1.

Уровни	в повседневной учебной деятельности				в период сессии			
	1 курс		2 курс		1 курс		2 курс	
	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%
Низкий (1-3)	1,96	55,21	1,66	71,11	1,88	27,08	1,87	39,13
Средний (4-7)	5,15	41,67	4,75	26,67	5,65	44,79	5,74	41,30
Высокий (8-10)	9,00	3,13	10,00	2,22	8,78	28,12	8,89	19,57

Таким образом, в первом комплексе причин обобщённо выделим те, которые связаны с качеством организации и реализации педагогического общения в системах «педагог - студент» и «студент - студент». Это выбранный выбранный неэффективный стиль педагогического общения; неумение педагога наладить контакт с обучающимися и установить оптимальную обратную связь; сложные межличностные отношения, существующие в системе «студент - студент». Эти причины присутствуют едино, нередко порождают одна другую, затрагивают сложные межличностные взаимодействия не только в системе «педагог - студент», но и предпо-

деляют характер межличностных контактов в системе «студент-студент». Поэтому очевиден выбор направления психолого-педагогической коррекции на создание здорового социально-психологического климата в учебной группе, как усилиями отдельных педагогов, так и педагогических коллективов. Реализация этого направления педагогами в образовательной практике требует наличие у него комплекса умений, которые возможно сформировать посредством: обучения преподавателей вуза проведению командообразующих тренингов со студентами; прохождения педагогами тренингов развития коммуникативных навыков и умений са-

морегуляции психоэмоциональных состояний в различных ситуациях педагогического общения, а также предупреждения развития и коррекции синдрома эмоционального выгорания в педагогической деятельности.

Выделим наиболее часто встречающиеся *во втором комплексе причин*, которые присутствуют непосредственно в самой учебной деятельности и сопутствуют ей и провоцируют развитие эмоциональной напряжённости студента. Эти проблемы связаны с усвоением больших объёмов учебной информации; с отсутствием у обучающихся умений по решению учебных задач; с неумением распределять время на качественную подготовку к аудиторным занятиям и внеаудиторно; с неумением «учиться» самостоятельно; с от-

сутствием времени на восстановление сил и качественный отдых; с неудовлетворённостью итоговыми результатами, полученными во время сессии.

Анализируя данные, полученные в результате самооценки студентами своего психоэмоционального состояния в процессе учебной деятельности и переживаний по поводу учебных результатов (Табл. 2), наибольшую напряжённость испытывают студенты первого курса обучения в период сессии, о чём свидетельствует существенная динамика показателя высокого уровня неудовлетворённости в сторону увеличения значений (с 16,67% до 65,63%). Причём также обнаруживается рост значений на данном уровне и у студентов второго курса во время сессии (с 4,44 % до 28,89%).

Таблица 2. Средние значения и процентное распределение количества студентов по уровням выраженности эмоциональной напряжённости по позиции 2.

Уровни	в повседневной учебной деятельности				в период сессии			
	1 курс		2 курс		1 курс		2 курс	
	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%
Низкий (1-3)	2,19	16,67	2,10	64,44	1,75	4,17	2,15	28,89
Средний (4-7)	5,53	66,67	5,29	31,11	5,83	30,21	5,63	42,22
Высокий (8-10)	8,69	16,67	8,00	4,44	9,24	65,63	8,85	28,89

Соответственно, ориентир психолого-педагогической коррекции исследуемого феномена в образовательном процессе высшей школы предполагает формирование определённого набора способностей и интеллектуальных качеств, что предопределяет качество учебной деятельности и успешность решаемых учебно - профессиональных задач. Это представления об управлении (регуляции) интеллектуальной деятельности и её психогигиене, о научной организации умственного труда и саморегуляции психоэмоциональных состояний в учебной деятельности [10]. Так, активизация и развитие метакогнитивных ресурсов в учебной и самообразовательной деятельности возможно посредством освоения различных приёмов и техник эффективно-

го усвоения учебной информации [9]. Освоение подобных техник формирует умения, необходимые для качественного самообразования в дальнейшей профессиональной деятельности. Это умения: эффективно кодировать учебную информацию в сжатой визуальной форме с целью ее целостного восприятия («тема на одном листе»), т.е. систематизации информации в целом; выделять и работать с понятийным аппаратом темы, раздела, курса и устанавливать внутрипредметные связи в понятийном поле; эффективно осмыслить, запомнить и воспроизводить учебный материал; освоить приёмы самостоятельной работы с большими объёмами информации; раскрыть и активизировать творческий потенциал студента в процессе со-

здания уникального знаково - символического продукта; уметь дополнительно представить знаково-символический продукт посредством применения и освоения электронных программ визуализации и кодирования учебной информации.

Таким образом, для осуществления качественной самообразовательной деятельности в образовательном процессе вуза необходимо развить и сформировать базовые составляющие культуры интеллектуальной деятельности будущего специалиста. Это метакогнитивные ресурсы, включающие умения познавать и управлять процессом познания (метакогнитивная регуляция процесса познания); интеллектуально-графическую культуру как активизируемый в интеллектуальной деятельности творческий потенциал личности и комплекс умений визуализации и кодирования учебной информации; знания о принципах научной организации и психогигиены умственного труда, а также совокупность навыков эмоциональной саморегуляции в различных учебных ситуациях и регуляции психоэмоциональных состояний в интеллектуальной деятельности.

В третьем комплексе причин рассмотрим специфику проявлений индивидуально-психологических особенностей обучающихся в учебной деятельности и

предопределяющих развитие определенного уровня эмоциональной напряженности. Отметим ряд таких личностных характеристик студентов: неадекватная (заниженная; завышенная) самооценка; неуверенность в своих способностях; страх выступлений с докладом перед учебной аудиторией; неразвитость когнитивных процессов; страх перед зачетом (экзаменом); переживание повышенного психоэмоционального напряжения в ситуации экзамена (зачета); внутренняя учебная мотивация (мотивация на получение и усвоение знаний). Рост значения показателя неудовлетворенности проявлением обозначенных личностных характеристик в повседневной учебной деятельности обнаруживается у части студентов первого курса (9,38%). Во время сессии отмечается уже у четверти обучающегося контингента (Табл. 3). Распределение количества студентов второго курса по степени удовлетворенности собой только на низком (75,56%) и среднем (24,44%) уровнях в повседневной учебной деятельности. Во время сессии фиксируется изменение значения показателя высокого уровня с 0 до 6,52% и соответствующая динамика на низком и среднем уровнях, свидетельствующая о нарастании эмоциональной напряженности в этот период.

Таблица 3. Средние значения и процентное распределение количества студентов по уровням выраженности эмоциональной напряженности по позиции 3.

Уровни	в повседневной учебной деятельности				в период сессии			
	1 курс		2 курс		1 курс		2 курс	
	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%
Низкий (1-3)	1,94	51,04	1,68	75,56	1,96	27,08	1,78	50,00
Средний (4-7)	5,26	39,58	5,09	24,44	5,87	47,92	5,30	43,48
Высокий (8-10)	9,22	9,38	0,00	0,00	9,00	25,00	8,67	6,52

Совершенно очевидно, что психофизиологические состояния студентов существенно разнятся в повседневной учебной деятельности и в стрессогенных ситуациях сессии. Как показано в исследованиях, отслеживаемые психофизиологические показатели (замеры пульса и давления) оказа-

лись ниже у студентов, ориентированных на получение диплома, в отличие тех, кто внутренне мотивирован в учебной деятельности на получение знаний и овладение профессией. В том числе отмечено, что негативные эмоциональные переживания на экзамене (ситуативная тревожность,

подавленность, астенизация) предопределяются рядом личностных характеристик как застенчивость, неустойчивость к стрессу, закрытость, неумение выстраивать доверительные отношения с людьми, тревожность, неудовлетворенность своими знаниями [14].

Следовательно, ориентиры психолого-педагогической поддержки предполагают развитие саморегуляции психических состояний студента в ситуациях повседневной учебной деятельности и зачёта (экзамена) посредством тренинга. В этой ситуации целесообразны тренинги (Прохоров А.О.), направленные на развитие саморегуляции через изменение содержания контекста осмысления посредством рефрейминга как инструмента переосмысления и перестройки механизмов восприятия, мышления, поведения с целью избавления от неудачных психических шаблонов, особенно в стрессовых ситуациях; смысловой саморегуляции психических состояний студентов при подготовке к сдаче экзаменов (зачётов) посредством освоения приёмов активной релаксации, аутотренинга, релаксирующей тренировки [13].

В четвёртом комплексе причин обнаруживаем те, которые предопределяют дальнейшую успешность профессионального самоопределения студента как будущего специалиста. В этой ситуации наиболее часто у студентов возможно отметить искажённое восприятие себя и своего «будущего» в профессии; осознание «пра-

вильности» профессионального выбора; непонимание путей личностного и жизненного самоопределения в связи с выбором конкретной профессиональной области; отсутствие прогнозирования успешности профессионального становления. Наблюдается динамика показателей в сторону нарастания неудовлетворенности (Табл. 4) в связи с состоявшимся профессиональным выбором в условиях сессии как у студентов-первокурсников, еще адаптирующихся к учебно-профессиональной деятельности в вузе, так и у студентов второго года обучения, адаптация которых уже завершилась. У них наблюдается осознание правильности своего выбора и дальнейшего жизненного пути в профессии. Нами обнаруживается амбивалентность суждений юношей и девушек, свойственная юношескому возрасту [7], которая имеет тенденцию к проецированию на восприятие успешности своего будущего в связи с конкретным профессиональным выбором. Так, наряду с гармоничными представлениями о путях дальнейшего личностного и жизненного самоопределения в профессиональной деятельности в то же время присутствуют, о чем свидетельствуют высказывания: «непонимание себя и своего места в профессии в будущем»; «насколько правильно была выбрана специальность»; «не понимаю, где в дальнейшем работать по профессии»; «не имею представлений о профессиональном развитии и построении карьеры в связи с выбором профессии».

Таблица 4. Средние значения и процентное распределение количества студентов по уровням выраженности эмоциональной напряжённости по позиции 4.

Уровни	в повседневной учебной деятельности				в период сессии			
	1 курс		2 курс		1 курс		2 курс	
	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%	$\bar{x}$	%
Низкий (1-3)	1,98	41,67	1,96	57,78	1,93	31,25	1,86	47,82
Средний (4-7)	5,40	41,67	5,09	37,78	5,44	46,88	5,42	41,30
Высокий (8-10)	8,93	16,67	8,5	4,44	9,38	21,88	8,8	10,86

Поэтому ориентир психолого-педагогической коррекции эмоциональной напряжённости студента в связи с профессиональным самоопределением как будущего специалиста предполагает оказание всех видов качественной психолого-педагогической поддержки (профориентация, профотбор, профинформирование, формирование интереса к профессии). Реализация этого направления в образовательном процессе высшей школы предполагает преодоление у юношей и девушек амбивалентности позиций, смыслов и выработку единого целостного понимания к различным сторонам действительности, построения своего жизненного, личностного и профессионального пути; осознание позиции субъекта выбора, постоянное уточнение для себя смыслов профессиональной деятельности, соотнося их со смыслами своей жизни. Таким образом, в ходе осуществления обозначенных видов психолого-педагогической деятельности важно сформировать у студента устойчивые установки, склонности и внутреннюю готовность самостоятельно и осознанно планировать, корректировать и реализовывать

траектории самоопределения в условиях профессионального образования.

Итак, многофакторность и многомерность исследуемой проблемы переживания студентом эмоциональной напряжённости в учебно-воспитательном процессе вуза предопределена для обучающегося не только повседневной учебной деятельностью, испытаниями во время сессии, но и параллельно существующей «реальностью». Это продолжающаяся самостоятельная подготовка к учебным занятиям; самообразовательная деятельность обучающегося; установление неформально сложившихся в студенческих группах межличностных контактов; осмысление и осознание себя в траектории самоопределения и саморазвития. Поэтому педагогу необходимо учитывать то, как чувствует себя студент в различных ситуациях в системе педагогического общения, специфику его индивидуально-психологических особенностей и психологических «перестроек» на данном возрастном этапе, специфику; также то, как студент воспринимает себя и своё место в социуме в связи с выбором конкретной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безруких М.М., Фарбер Д.А. Психофизиология. Словарь. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. М.: ПЕР СЭ, 2006. 128 с.
2. Большедворская М.В., Соловьева Е.А. Моббинг в образовательной среде: мнение студентов и выпускников вуза // Современное образование: Актуальные проблемы, достижения, инновации: сб. ст. победителей VIII Междунар. науч.- практ. конф. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С.173-177
3. Габдреева Г.Ш., Юсупов М.Г. Взаимосвязь психических состояний и когнитивных процессов в системе саморегуляции жизнедеятельности субъекта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №4. С.253-258.
4. Гужва И.В. Психологические особенности становления партнёрских отношений преподаватель-студент в современном вузе // Аксиологические проблемы педагогики. 2014. №6. С.50-55.
5. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. СПб., 2005. 412 с.
6. Косякова О.О. Влияние эмоциональной устойчивости студентов педвузов на эффективность их учебной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. 2008. №1 С.130-140.
7. Крылова Н.Н. Амбивалентность как социально-психологическая реальность становления личности в юношеском возрасте // Философия образования в отечественной культурно-исторической традиции: история и современность: сб. статей VII Всеросс. научно-практ. конф. Пенза: РИО ПГАУ, 2021. С.129-133.
8. Крылова, Н.Н. Векторы психолого-педагогической коррекции эмоциональной напряжённости студентов в образовательном процессе вуза // Сурский вестник. 2021. № 2(14). С.75-81
9. Крылова Н.Н. Интеллектуально-графическая культура студента как способ реализации принципа наглядности в обучении // Проблемы управления качеством образования: сб. избранных статей Междунар. научно-метод. конф. - СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 27-31.

10. Крылова Н.Н. Развитие метакогнитивной регуляции студента: психолого-педагогическое обоснование // Педагогическое образование и наука. 2020. №5. С.136-138.
11. Крылова Н.Н. Слагаемые культуры интеллектуальной деятельности будущего специалиста // Личность профессионала: развитие, образование, здоровье: Сб. научных ст. Выпуск 5. Омск. Кельце. Пловдив. Омск: Издат. центр КАН, 2020.С. 87-94.
12. Психология состояний: Учеб. пособие / А.О. Прохоров, М.Е. Валиуллина, Г.Ш. Габдреева, М.М. Гарифуллина, В.Д. Менделевич. М.: Изд.-во «Когнитив-Центр», 2011. 624 с.
13. Прохоров А.О. Технологии психической саморегуляции. Х.: Изд.-во «Гуманитарный Центр», 2017. 360 с.
14. Сорокикова Э.Г. Психофизиологические состояния студентов в стрессогенной ситуации экзамена // Ярославский педагогический вестник. 2013. №4. Т.II. С.217-221.
15. Тимошкина А.А. Исследование влияния эмоциональной напряженности на самоактуализацию и механизмы психологической защиты у студентов // Теория и практика общественного развития. 2012. №5. С.122-126.
16. Aganeta Enns, Gloria D. Eldridge, Cynthia Montgomery, Vivian M. Gonzalez , Perceived stress, coping strategies, and emotional intelligence: A crosssectional study of university students in helping disciplines. Ynedt (2018).
17. Kötter T, Wagner J, Brüheim L, Voltmer E. Perceived Medical School stress of undergraduate medical students predicts academic performance: an observational study. BMC Med Educ. 2017 Dec 16; 17(1):256.
18. Shirley Siu Yin Ching, Kin Cheung, Desley Hegney, Clare S. Rees. Stressors and coping of nursing students in clinical placement: A qualitative study contextualizing their resilience and burnout, Nurse Education in Practice, Volume 42, 2020.
19. Sreeramareddy C.T., Shankar P.R., Binu V.S., Mukhopadhyay C., Ray B., Menezes R.G. Psychological morbidity, sources of stress and coping strategies among undergraduate medical students of Nepal. BMC Med Educ. 2007 Aug 2;7:26.
20. Yamada Y., Klugar M., Ivanova K., Oborna I. Psychological distress and academic self-perception among international medical students: the role of peer social support. BMC Med Educ. 2014 Nov 28; 14:256.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bezrukih M.M., Farber D.A. Psihofiziologija. Slovar'. Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' v shesti tomah. M.: PER SJe, 2006. 128 s.
2. Bol'shedvorskaja M.V., Solov'eva E.A. Mobbing v obrazovatel'noj srede: mnenie studentov i vypusnikov vuza // Sovremennoe obrazovanie: Aktual'nye problemy, dostizhenija, innovacii: sb.st. pobeditelej VIII Mezhdunar. nauch.- prakt. konf. Penza: Nauka i prosveshhenie, 2017. S.173-177
3. Gabdreeva G.Sh., Jusupov M.G. Vzaimosvjaz' psihicheskikh sostojanij i kognitivnyh processov v sisteme samoreguljacji zhiznedejatel'nosti sub#ekta // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2012. №4. S.253-258.
4. Guzhva I.V. Psihologicheskie osobennosti stanovlenija partnjorskih otnoshenij prepo-davatel'-student v sovremennom vuze // Aksiologicheskie problemy pedagogiki. 2014. №6. S.50-55.
5. Il'in E.P. Psihofiziologija sostojanij cheloveka. SPb., 2005. 412 s.
6. Kosjakova O.O. Vlijanie jemocional'noj ustojchivosti studentov pedvuzov na jeffektiv-nost' ih uchebnoj dejatel'nosti // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №1 S.130-140.
7. Krylova N.N. Ambivalentnost' kak social'no-psihologicheskaja real'nost' stanovlenija lichnosti v junosheskom vozraste // Filosofija obrazovanija v otechestvennoj kul'turno-istoricheskoi tradicii: istorija i sovremennost': sb. statej VII Vseross. nauchno-prakt. konf. Penza: RIO PGAU, 2021. S.129-133.
8. Krylova, N.N. Vektory psihologo-pedagogicheskoi korrekcii jemocional'noj naprja-zhjonnosti studentov v obrazovatel'nom processe vuza // Surskij vestnik. 2021. № 2(14). S.75-81
9. Krylova N.N. Intellektual'no-graficheskaja kul'tura studenta kak sposob realizacii principa nagljadnosti v obuchenii // Problemy upravlenija kachestvom obrazovanija: sb. izbrannyh statej Mezhdunar. nauchno-metod. konf. - SPb.: GNII «Nacrazvitie», 2020. S. 27-31.
10. Krylova N.N. Razvitie metakognitivnoj reguljacji studenta: psihologo-pedagogicheskoe obosnovanie // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2020. №5. S.136-138.

11. Krylova N.N. Slagaemye kul'tury intellektual'noj dejatel'nosti budushhego specia-lista // Lichnost' professionala: razvitie, obrazovanie, zdorov'e: Sb. nauchnyh st. Vypusk 5. Omsk. Kel'ce. Plovdiv. Omsk: Izdat. centr KAN, 2020.S. 87-94.
12. Psihologija sostojanij: Ucheb. posobie / A.O. Prohorov, M.E. Valiullina, G.Sh. Gabdreeva, M.M. Garifullina, V.D. Mendelevich. M.: Izd.-vo «Kognito-Centr», 2011. 624 s.
13. Prohorov A.O. Tehnologii psihicheskoj samoreguljicii. H.: Izd.-vo «Gumanitarnyj Centr», 2017. 360 s.
14. Sorokovikova Je.G. Psihofiziologicheskie sostojanija studentov v stressogennoj situacii jekzamena // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. №4. T.II. S.217-221.
15. Timoshkina A.A. Issledovanie vlijanija jemocional'noj naprjazhennosti na samoaktualizaciju i mehanizmy psihologicheskoj zashhity u studentov // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. №5. S.122-126.
16. Aganeta Enns, Gloria D. Eldridge, Cynthia Montgomery, Vivian M. Gonzalez , Perceived stress, coping strategies, and emotional intelligence: A crosssectional study of university students in helping disciplines. Ynedt (2018).
17. Kötter T, Wagner J, Brühem L, Voltmer E. Perceived Medical School stress of undergraduate medical students predicts academic performance: an observational study. BMC Med Educ. 2017 Dec 16; 17(1):256.
18. Shirley Siu Yin Ching, Kin Cheung, Desley Hegney, Clare S. Rees. Stressors and coping of nursing students in clinical placement: A qualitative study contextualizing their resilience and burnout, Nurse Education in Practice, Volume 42, 2020.
19. Sreeramareddy C.T., Shankar P.R., Binu V.S., Mukhopadhyay C., Ray B., Menezes R.G. Psychological morbidity, sources of stress and coping strategies among undergraduate medical students of Nepal. BMC Med Educ. 2007 Aug 2;7:26.
20. Yamada Y., Klugar M., Ivanova K., Oborna I. Psychological distress and academic self-perception among international medical students: the role of peer social support. BMC Med Educ. 2014 Nov 28; 14:256.

Поступила в редакцию 17.08.2021.

Принята к публикации 20.08.2021.

Для цитирования:

Крылова Н.Н. Исследование многофакторности причин эмоциональной напряжённости студента как условие выбора оптимального комплексного подхода психолого-педагогической коррекции в учебно-воспитательном процессе высшей школы // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.71-81. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Krylova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503741>

УДК 37.04

Мартынова Е. А.

Мартынова Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129. E-mail: opp@csu.ru.

Психолого-педагогическое сопровождение самовоспитания старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе

Аннотация. Рассмотрены теоретические аспекты деятельности педагога-психолога по сопровождению самовоспитания старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе. Дан анализ специфики процесса самовоспитания, связанной с формированием различных психологических проблем у старших подростков с инвалидностью. Указаны основные направления психолого-педагогического сопровождения старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе: предупреждение возникновения проблем развития старшего подростка с инвалидностью и помощь ему в решении насущных проблем развития, обучения, общения, самовоспитания, связанных с инвалидностью. Выделены психологические механизмы и основные направления сопровождения самовоспитания – общеинтеллектуальное, социальное, общекультурное и духовно-нравственное. Приводятся рекомендации по содержанию психолого-педагогического сопровождения старших подростков с инвалидностью на этих последовательных этапах сопровождения и основные методы совместной деятельности педагога – психолога с подростками.

Ключевые слова: самовоспитание, старшие подростки, инвалидность, педагог-психолог, психолого-педагогическое сопровождение.

Martynova Y. A.

Martynova Elena Aleksandrovna, doctor of pedagogy, Professor, Chelyabinsk State University, 454001, Russia, Chelyabinsk, Bratyev Kashirinykh str., 129. E-mail: opp@csu.ru.

Psychological and pedagogical support of older teenagers with disabilities self-upbringing in the educational process

Abstract. The theoretical aspects of psychological and pedagogical support for self-upbringing of older teenagers with disabilities in the educational process are considered. The analysis of the specifics process of older teenagers self-upbringing which are related to the various psychological problems is given. The main directions for psychological and pedagogical support of older teenagers with disabilities in the educational process are indicated: prevention of development problems which are typical for older teenager with disabilities and assistance to them in solving urgent problems of development, learning, communication, self-upbringing which are related to disability. The psychological mechanisms and the main directions of self-upbringing support are highlighted - general intellectual, social, general cultural, spiritual and moral. Recommendations on the content of psychological and pedagogical support of older teenagers with disabilities at these sequential stages of support and joint activities main methods used by teacher-psychologist with older teenagers are given.

Key words: self-upbringing, older teenagers, disability, educational process, psychological and pedagogical support.

Старший подростковый возраст рассматривают как особый период онтогенетического развития человека, своеобразие которого заключается в его промежуточном положении между детством и зрелостью. Он отличается для подростков значительными биологическими, психологическими, социальными изменениями. Старшие подростки включаются в новую систему отношений и общения со сверстниками и взрослыми, занимая среди них новое место, выполняя новые функции, приобретая чувство индивидуальности, взрослости, самостоятельности. У них возникает оперативная самооценка, определяющая отношение к себе в настоящее время и к перспективе будущего, а для старших подростков особенно важной становится и самооценка перспективы профессионального становления. Эта самооценка основывается на сопоставлении подростками своих личностных потребностей и особенностей, форм поведения и общения с определёнными нормами, которые выступают для них как «правильные» нормы личности. Это особый период, в течение которого подросток имеет возможность и стремится доказать окружающим его людям, что действительно может выполнять некоторые действия или обладает некоторой способностью.

Внимание и восприятие старших подростков отличается большим объёмом и устойчивостью, специфической избирательностью, целенаправленностью, критичностью. Развивается их самосознание, появляется устойчивость самооценки и образа «Я». Важным содержанием самосознания старших подростков является образ их физического «Я» – представление о своём телесном облике, сравнение и оценка себя с точки зрения эталонов «мужественности» и «женственности». Особенности физического развития, что несомненно относится к подросткам с инвалидностью, могут быть причиной снижения у них самооценки и самоуважения, приводить к страху плохой оценки окружающими. Недостатки внешности (реаль-

ные или мнимые) могут переживаться очень болезненно вплоть до полного неприятия себя, устойчивого чувства неполноценности.

Как отмечает Л.С. Выготский [3], старшим подросткам свойственно стремление к преодолению своих недостатков, к самовоспитанию, попытки управления собственным поведением. Многие из них самостоятельно принимают решение воспитать у себя определенные черты характера, или наоборот избавиться от них, однако воплотить свои стремления удается далеко не всем. Общеизвестным психолого-педагогическим положением является то, что без практического овладения такой важной личностной деятельностью как самовоспитание невозможно достижение эффективности ни в образовательном процессе, ни в будущей профессиональной деятельности. При этом следует отметить, что роль специалиста, умеющего эффективно выстроить психолого-педагогическое сопровождение старших подростков по развитию самовоспитания, весьма существенна (Я.Л. Коломинский, А.В. Мудрик, Ю.К. Бабанский, Р.С. А.А.Немов, А.И.Реан, и др.) В частности, сегодня психолог в сфере образования согласно профессиональному стандарту «Педагог-психолог» должен владеть трудовой функцией «Психологическое консультирование субъектов образовательного процесса», которая среди прочего подразумевает овладение умением проводить индивидуальные и групповые консультации обучающихся по вопросам самовоспитания.

Изучая проблему самовоспитания старших подростков с инвалидностью, следует иметь в виду, что на уровне личностной идентичности, определяемой как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, у подростков с инвалидностью возникают конфликты «принятия себя» и сложности с осознанием своей цельности и неповторимости. Временная перспектива зачастую изменена по сравнению

с остальными сверстниками, а эмоциональная окраска будущего отрицательная, так как подростки не уверены в своих шансах. В структуре модели будущего низкий уровень удовлетворённости собой порождает внутриличностный конфликт с последующим формированием различных психологических проблем, серьёзно осложняющих межличностные взаимоотношения и негативно влияющих на результаты образовательного процесса [4]. Самовоспитание же требует адекватной самооценки и волевых усилий, направленных на изменение определенных черт своей личности. Необходимо отметить, что самовоспитание не всесильно и не может изменить все черты, которые даны человеку от природы. Ощущение дисбаланса в жизни подростка инвалида неизбежно подводит его к ситуации, требующей адаптации и коррекции. Возможна самокоррекция проявлений своего индивидуального стиля отношений к настоящему и будущему, но далеко не всегда подросток, а тем более с инвалидностью, может самостоятельно адекватно определить цель своего саморазвития и направить свою волю в нужном направлении самовоспитания. Это будет гораздо более эффективно проявляться при оказании организованной личностной психолого-педагогической поддержки [1].

Обобщая вышесказанное, следует указать на важность организации в образовательном учреждении психолого-педагогического сопровождения самовоспитания старших подростков с инвалидностью. Эффективность такого сопровождения, способствующего стремлению подростков с инвалидностью к самосознанию, критическому осмыслению собственных достоинств и недостатков; развитию личностной рефлексии; осознанию уровней притязаний, связанных с жизненной перспективой и профессиональными намерениями, достигается при учете индивидуальных психофизиологических особенностей старших подростков с инвалидностью и их социального опыта на основе организованной деятельности по интел-

лектуальному, социальному, культурному и духовно-нравственному направлениям.

Психолого-педагогическое сопровождение старшего подростка с инвалидностью строится от его естественного развития, от возраста и личностных особенностей, но при этом учитывается душевный мир обучающегося. Речь идет о «личностной рефлексии», обслуживающей, прежде всего, сферу самосознания подростка, о рефлексии, как индивидуальной способности к самоизменению, установлению границ Я-самости. Личностная рефлексия, представляющая собой форму осознания подростками с инвалидностью как своего внутреннего мира, так и понимания внутреннего мира людей, способствует формированию готовности или неготовности к восприятию себя, чужеродности, инаковости, степени взаимопонимания. Для них авторитет взрослого является важным фактором в жизни. Это обусловлено отсутствием умений действовать самостоятельно, личностной и материальной зависимостью. Здесь возникает потребность в доверительном общении с взрослыми людьми, в их поддержке и понимании. Поэтому обучающимся подросткам с инвалидностью должна быть оказана максимальная помощь по адаптации к социальной среде и поддержка со стороны взрослых наставников, педагогов, психологов. Педагог-психолог побуждает подростка с инвалидностью искать и принимать самостоятельные решения, оказывает помощь в принятии на себя мер ответственности, способствует созданию среды, в которой обучающийся смог бы заниматься саморазвитием и осуществлять осознанный и адекватный индивидуальный выбор в различных ситуациях [2].

Цель психолого-педагогического сопровождения старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе – социальная адаптация и обеспечение развития обучающегося в соответствии с нормами его возраста.

Задачами психолого-педагогического сопровождения старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе

являются: предупреждение возникновения проблем развития старшего подростка с инвалидностью; помощь ему в решении насущных проблем развития, обучения, общения, самовоспитания, связанных с инвалидностью.

Принципы психолого-педагогического сопровождения старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе несут:

- рекомендательный характер педагога-психолога с учетом приоритета интересов старших подростков с инвалидностью, их стремления к независимости;

- коррекционный характер с учетом психофизиологических особенностей старших подростков с инвалидностью;

- социализирующий характер с учетом социального опыта старших подростков с инвалидностью.

Психолого-педагогическое сопровождение должно иметь системный поэтапный характер коррекционно - адаптирующих воздействий при активном вовлечении самих старших подростков с инвалидностью в разнообразные виды деятельности. Формирование мотивов самовоспитания старших подростков с инвалидностью необходимо рассматривать как непрерывно реализуемую психолого-педагогическую задачу, эффективность которой находится в определённой зависимости от того, насколько они осознают перспективы своего роста и испытывают при этом радость успеха [6].

По мнению В.С. Селиванова последовательность и основные приемы самовоспитания можно представить, как самопознание, определение идеала, самообязательство (программа достижения идеала), самоубеждение, самоорганизация и самоободрение, самоконтроль и самоанализ [5]. Справедливо считается, что самовоспитание во много раз быстрее формирует качества личности, чем подражание и приспособление.

Рассматривая «технологии», внутреннюю структуру самовоспитания, мы выделяем в ней три этапа, на каждый из

которых педагог-психолог должен обратить свое внимание и содействие.

Первый этап – определение цели. На этом этапе выделяются три следующие элемента:

- самопознание, т.е. изучение подростком самого себя, определение уровня развития интересующих его качеств; именно здесь воспитатели (родители, педагоги-психологи) могут и должны оказать подросткам крайне необходимую им помощь, которую из других источников воспитанникам получить во многих случаях просто невозможно;

- определение идеала (нравственного, трудового, эстетического, политического и др.); при этом чаще всего подростки в большей мере ориентируются в определении идеала на сверстников, кумиров интернет-сетей, эстрады. Тогда как привлекательные образцы социальной, профессиональной, традиционной культурной системы чаще им не известны и нуждаются в выведении на первый план;

- самообязательство, помощь в принятии конкретного плана действий, достижения конкретных качеств и степени их формирования.

Второй этап – работа по выполнению намеченного. Здесь можно выделить стимуляцию следующих способов воздействия подростка на себя:

- самоубеждение и самовнушение. Самовнушение осуществляется по схеме: «должен – хочу – могу – есть». Причем именно последняя ступень – «есть» – является наиболее существенной;

- самоободрение, самоприказ. Важно, чтобы воспитанник знал о возможности и высокой эффективности этих способов воздействия на себя, т.к. они являются ключевыми, главными рабочими инструментами самовоспитания.

Третий этап – подведение итогов работы, определение результатов приложенных усилий, эффективности работы над собой. Здесь важно содействие в организации подростком таких приемов воздействия, как самоконтроль и самоанализ. В лучшем случае их выполнение подразуме-

вает ведение дневника, в наиболее простом – вспоминание вечером всего, что сделано за день, осмысление своего поведения, его анализ в сравнении с принятыми обязательствами.

И наконец, педагог-психолог оказывает поддержку в планировании старшим подростком с инвалидностью своей перспективы, так как планирование является одной из ключевых целей самовоспитания. Самостоятельное планирование деятельности (самопроектирование) включает в себя усвоение знаний, умений, навыков, способов поведения, разрешение проблемных ситуаций учебного, воспитательного, коммуникативного характера.

Следует отметить, что для подавляющего большинства подростков участие в деятельности какой-либо общественной организации является самым сильным стимулом в самовоспитании. Подростки стремятся попробовать себя в той или иной области, убедиться в правильности своих действий. В этих ситуациях важно то, что возникает рефлексия – отражение своего поведения и своих отношений с окружающими. На этом этапе происходит оценка своего саморазвития, проектируются новые задачи и пути их достижения. Сравнение себя с другими, стремление к самоутверждению в группе сверстников побуждает к старших подростков с инвалидностью к работе над собой больше, чем уговоры воспитателей [7].

Системный характер психолого-педагогического сопровождения самовоспитания старших подростков с инвалидностью предполагает разработку и реализацию целостной программы коммуникативных взаимодействий с подростками, организацию совместной деятельности с ними по общеинтеллектуальному, социальному, общекультурному и духовно - нравственному направления. Методы и формы сопровождения могут быть самыми разнообразными. Методы – наглядные, словесные, коммуникативные, дидактические, рефлексивные игры, поисково-проблемные, проектные и т.д. Формы – групповые, ин-

дивидуальные, лекции-презентации, консультирование, групповые беседы и т.д.

1. Общеинтеллектуальное. Целью является развитие критического мышления, способностей к анализу информации о собственном опыте. Педагог-психолог в ходе бесед и групповых интерактивных занятий знакомит подростков с умениями распознавать психологическую характеристику своей личности, интерпретировать собственное психическое состояние и поведение; развивает навыки обобщения, самоанализа, рефлексии; помогает использовать приемы развития и тренировки психических процессов, а также психической саморегуляции в процессе деятельности и общения. Рекомендуются стимулировать самостоятельную деятельность в форме написания рефератов («Мое эмоциональное состояние за последний месяц», «Мой индивидуально-психологический портрет», «Что мне нравится и что не нравится в себе», «Мои друзья – какие они?» и т.д.) Демонстрацию ценности самовоспитания личностных качеств можно наглядно представить на опыте великих людей прошлого, выдающихся современников, в том числе с инвалидностью, их биографий, произведений, дошедших до нас документов и дневников, просмотр и обсуждение фильмов и художественной литературы. Яркий пример для этого мы находим, например, у Л.Н. Толстого, который пишет: «Я никогда не имел дневника, потому что не видел никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития» [5, с.122].

2. Социальное. Целью является, во-первых, формирование мотивационных установок, способностей контактировать с социумом. Это происходит за счет знакомства с основами психологии личности, с методами оценки и овладения навыками адекватного отношения к собственным психофизическим особенностям, с основными механизмами саморегуляции при общении и взаимодействии в коллективе. Во-вторых, это способность адекватно

планировать и составлять временную перспективу своего будущего, иметь ориентиры профессионального и личностного развития. Педагогу-психологу рекомендуется организовать проведение тренингов и имитационных игр, моделирующих коммуникацию обучающихся в различных социальных ситуациях и их взаимоотношения. В том числе и в их видении своего будущего. Для этого необходима организация личного опыта старших подростков с инвалидностью в осуществлении социально значимой деятельности (участие в общих молодежных социальных и культурных акциях, разработка собственных социальных проектов и т.д.).

3. Общекультурное. Цель – стимулирование художественно-образного способа самопознания, исследования собственных творческих способностей. В этом аспекте целесообразна организация творческого развития подростков и создание их собственного творческого продукта: например, художественное рисование, артистические и музыкальные мероприятия, снятие видеороликов и т.д.).

4. Духовно-нравственное. Цель – осознание и иерархия собственных ценностей. Осуществляется при изучении национальной истории, культуры, природы (экскурсии), при коллективном и индивидуальном рассмотрении ситуаций из личного опыта подростков.

Только совместная деятельность старших подростков с инвалидностью и взрослых позволит подростку взглянуть на себя со стороны, позволит самому определить жизненно важные ориентиры, что определит его мотивацию к самовоспитанию. Психолого-педагогическое сопровождение старшего подростка с инвалидностью, построенное от его естественного развития и индивидуальных особенностей с учетом его душевного мира, побуждает подростка искать и принимать самостоятельные решения, оказывает помощь в принятии на себя мер ответственности, способствует созданию среды, в которой подросток с инвалидностью смог бы заниматься самовоспитанием и осуществлять индивидуальный выбор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адушкина К. В., Лозгачева О. В. Психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. 163 с.
2. Воронова Е. Н. Самовоспитание как комплексная проблема // Образование в современном мире. 2019. – №4(8). С. 231-235
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. Москва: Педагог-Пресс, 1999. 536 с.
4. Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф. Тьюторское сопровождение инклюзивного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в организациях среднего профессионального и высшего образования//Гуманитарный научный вестник. 2020. № 5. С. 89-94.
5. Селиванов В. С. Основы общей педагогики: Теория и методика воспитания: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.:Изд. центр«Академия»,2017.336с
6. Совинский А. Я. Самовоспитание старшеклассников в современной школе // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. №4(11). С. 9-14.
7. Умняшова И. Б. Психологическое сопровождение основной образовательной программы // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2016. №4. С.113-122.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Adushkina K. V., Lozgacheva O. V. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie sub#ektov obrazovaniya. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2017. 163 c.
2. Voronova E. N. Samovospitanie kak kompleksnaya problema // Obrazovanie v sovremennom mire. 2019. – №4(8). S. 231-235
3. Vygotskij L. S. Pedagogicheskaja psihologija. Moskva: Pedagog-Press, 1999. 536 s.

4. Martynova E.A., Romanenkova D.F. T'jutorskoe soprovozhdenie inkljuzivnogo obuchenija lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja i invalidov v organizacijah srednego professional'nogo i vysshego obrazovanija//Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2020. № 5. S. 89-94.
5. Selivanov B. C. Osnovy obshhej pedagogiki: Teorija i metodika vospitanija: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij.M.:Izd. centr«Akademija»,2017.336s
6. Sovin'skij A. Ja. Samovospitanie starsheklassnikov v sovremennoj shkole // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №4(11). S. 9-14.
7. Umnjashova I. B. Psihologicheskoe soprovozhdenie osnovnoj obrazovatel'noj programmy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20.Pedagogicheskoe obrazovanie.2016.№4.S.113-122.

Поступила в редакцию 14.08.2021.

Принята к публикации 17.08.2021.

Для цитирования:

Мартынова Е. А. Психолого-педагогическое сопровождение самовоспитания старших подростков с инвалидностью в образовательном процессе // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.82-88. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Martynova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503745>

УДК: 81'25

Соколова О. И.

Соколова Ольга Ивановна, преподаватель кафедры французской филологии, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394036, г. Воронеж, Университетская пл., д.1, E-mail: olsokolova@yandex.ru.

Использование Национального корпуса русского языка при формировании переводческих компетенций

Аннотация. На основе Национального корпуса русского языка могут быть разработаны качественно новые приемы обучения для формирования компетенций по редактированию и саморедактированию текстов перевода на русский язык у студентов-переводчиков в рамках проблемного подхода в дидактике перевода. С этой целью изучен потенциал Национального корпуса русского языка. В процессе исследования использовались методы практического наблюдения и сплошной выборки, метод контекстуального анализа. В результате был сделан вывод, что Национальный корпус русского языка – эффективный инструмент, который можно использовать на всех этапах обучения переводу с иностранного языка на русский язык.

Ключевые слова: национальный корпус, обучение, редактирование, текст перевода, родной (русский) язык.

Sokolova O.I.

Olga Sokolova Ivanovna, Teacher Training, Department of French Philology, Voronezh State University, Russian Federation, 1 Universitetskaya Ploshchad, Voronezh, 394036 E-mail: olsokolova@yandex.ru.

Using the National Corpus of the Russian language in the development of translation competences

Abstract. On the basis of the National Corpus of the Russian language, qualitatively new teaching methods can be developed to form competences in editing and self-editing of Russian translation texts for student translators within the framework of the problem-based approach in translation didactics. To this end, we explore the potential of the National Corpus of the Russian language. In the course of the study, methods of practical observation and continuous sampling, as well as the method of contextual analysis were used. As a result, we conclude that the National Corpus of the Russian language is an effective tool that can be used at all stages of teaching translation from a foreign language to Russian.

Key words: national corpus, training, editing, translation text, mother tongue (Russian).

Актуальность исследования. В настоящее время корпусная лингвистика получает все большее развитие в обучении как родного, так и иностранных языков. Мировая практика доказывает особую эффективность применения методов обучения, разработанных на основе Национальных корпусов. Ряд лингви-

стов подчеркивают эффективность использования корпусов при обучении письменному переводу, как на родной, так и на иностранный язык с использованием параллельных корпусов. Но мы обратили внимание на тот факт, что использование национальных корпусов эффективно не только при обучении письменному пере-

воду, но также и устному на всех этапах формирования переводческих компетенций. Мы решили выяснить эффективность использования Национального корпуса русского языка при обучении переводу с иностранного на родной (русский) язык по направлению подготовки «Перевод и переводоведение». В этом контексте перед нами стояли задачи выявить пути эффективного использования Национального корпуса русского языка на занятиях со студентами, обучающимися на направлении «Перевод и переводоведение», типы упражнений, которые могут быть разработаны с использованием материала Национального корпуса русского языка в рамках дисциплин «Практический курс перевода второго иностранного языка», а также «Перевод в туристической сфере» для правильного формирования указанных выше компетенций, а также на каких этапах обучения переводу могут быть использованы упражнения на основе Национального корпуса русского языка.

Постановка проблемы. В своем труде И.С. Алексеева обращает внимание на то, что переводчику прежде всего очень важно владеть культурой родного языка. «Дело переводчика - разобраться в том, что представляет собой современная культура родного языка, что признано литературной нормой, какие возможны отклонения, какие существуют жанры письменной и устной речи – и работать над их активным отклонением.» Она убеждена в том, что «обучение современного переводчика следует начинать с активного преподавания родного языка и продолжать интенсивный тренинг до самого окончания обучения» [1, с. 12]. «Ведь объем знаний родного языка всегда фундаментальнее, они полнее и тоньше. Это так. Но все эти знания в большинстве своем - в подводной части айсберга, то есть в пассивном запасе. И активный запас знаний иностранного языка часто оказывается больше, чем активный запас знаний родного языка. Кроме того, знания в области родного языка, как уже отмечалось, тоньше и глубже, а значит - вариативнее, а широта выбора, особенно

если часть вариантов находится в пассивном запасе, затрудняет сам выбор и замедляет перевод. Получается, что такие вот знания представляют для переводчика балласт избыточности и затрудняют решение задачи перевода. Вывод: родной язык необходим переводчику в активной форме.» [1, с.15].

Н.К. Гарбовский считает, что «цель обучения переводу заключается в выработке у обучаемых навыков «межъязыковых переходов», т.е. «поиска соответствий в двух языках и осуществления ряда трансформационных операций». [6], т.е. для реализации данной цели необходимо одинаково владеть системами исходного языка и языка перевода. И для ее решения необходимы эффективные методики обучения переводчиков родному (русскому) языку в рамках дисциплин по переводу.

Методология исследования. Вслед за П.В. Сысоевым под лингвистическим корпусом мы понимаем массив текстов, собранных в единую систему по определенным признакам (языку, жанру, времени создания текста, автору и т.п.) и снабженных поисковой системой. Он включает как письменные тексты (тексты газет, журналов, литературных произведений), так и транскрипты радио- и телепередач. Весь массив текстов в корпусе систематизирован. Это значит, что в корпусе зафиксировано расположение каждого слова в предложении по отношению к другим словам, а также учитывается частота его использования в данном корпусе. При помощи специальной программы «Конкорданс» происходит анализ больших массивов текстов на предмет обнаружения закономерностей использования в языке слов или выражений, что позволяет пользователю провести анализ полученных данных, понять значение данного слова в контексте [10, с.100].

По мнению З. К. Гаджиевой, «корпусный метод принято считать эмпирическим», его главной целью является «анализ реальных словоупотреблений в естественной языковой среде...», так как корпус «...использует достаточно большую, репрезентативную подборку текстов. Поиск

по корпусу может выдать: 1) все употребления выбранного слова в непосредственном контексте, на основании чего студент сможет определиться с выбором точного эквивалента при переводе; 2) управление глагола, существительного и т.д. (слова, которые чаще всего стоят рядом с выбранным словом); 3) интертекстуальность: значение слова как сумма его употреблений; 4) развитие концептов во времени» [5, с.77].

Таким образом, преподаватель перевода может использовать корпусные ресурсы как эмпирическую базу, отражающую синтагматические свойства языковых единиц, их сочетательные предпочтения в условиях естественной коммуникации. Как справедливо отмечает Ю.А. Волоснова, «корпус выводит преподавателя на новый уровень благодаря тому, что языковые единицы здесь представлены в их «естественной среде», а именно, в контексте, который может быть расширен до необходимых пределов». [4, с.45]

Как отмечает Дж. Лич, «корпусные задания позволяют обучаемому примерить на себя роль экспериментатора, который проводит свое уникальное исследование, а не компилирует чужие идеи» [13, с.14]. Это значит, что во время выполнения упражнений студент не только вовлечен в процесс поиска, но и проводит свое собственное исследование для выполнения задания, что позволяет, анализируя самостоятельно примеры корпуса, прийти к пониманию формы и значения, выявить закономерности их употребления. П.В Сысоев считает, что формирование лексико-грамматических навыков на основе использования лингвистического корпуса возможно исключительно в рамках проблемного подхода. [10, с.106]

При обучении переводу интенсивный тренинг родному (русскому) языку должен происходить на всех этапах обучения. В ходе практических занятий отмечается, что при редактировании текстов на родной язык возникают определенные трудности, связанные именно с тем, как пишет И.С.

Алексеева, что знания родного языка у студентов находятся в пассивном запасе.

На начальном и основном этапах при обучении переводу в дидактике используется абзацо-фразовый перевод, односторонний или двусторонний, с опорой на закономерные соответствия и клише. Исходя из вышесказанного, с целью выявления данных соответствий и клише, преподавателю перевода при подготовке к занятию необходимо правильно подобрать предпереводческие упражнения. При подготовке к занятию, преподаватель перевода может отобрать необходимые ему материалы на родном (русском) в зависимости от темы, используя потенциал Национального корпуса Русского языка, необходимо лишь ввести в поле поиска необходимые лексико-грамматические, синтаксические значения. На основе отобранного материала в ходе занятия преподаватель должен проанализировать употребление словоформ в русском контексте с тем, чтобы создать условия для правильного формирования переводческих компетенций. Также преподаватель может попросить студентов подобрать материал самостоятельно в качестве домашнего задания, проанализировать его, т.е. поставить перед обучающимися проблему, вызвать у студентов интерес. Таким образом, студент из объекта обучения становится субъектом, так как при работе с Национальным корпусом русского языка преподаватель лишь направляет обучающегося, а основные выводы студент должен сделать самостоятельно на основе проведенного анализа.

В рамках изучения определенной темы при переводе на родной язык у студентов возникают трудности на уровне употребления лексико-грамматических форм. Например, при переводе текстов в рамках дисциплины «Практический курс перевода в туристической сфере» возникли трудности словоупотребления: туристский или туристический, задание для Национального корпуса Русского языка, проанализировав самостоятельно примеры Корпуса (газетный и основной) студенты выявили все словоупотребления данных понятий, про-

анализировали их употребление по годам. Важно, для преподавателя особенно, что вывод студенты сделали самостоятельно, соответственно в будущем, при переводе на родной язык они выберут правильную словоформу.

Также другой тип задания, который можно предложить будущим переводчикам на этапе поиска информации, касается поиска в Корпусе значений (толкований) слов. Так, например, в рамках дисциплины Практический курс перевода в туристической сфере, будущему переводчику необходимо знать не только перевод названий народностей, проживающих на территории России, но иметь представление о них. Поэтому можно им предложить следующий вид задания: Используя данные Национального Корпуса русского языка найдите, кто такие полехи (приведите данные Корпуса), дайте мужской и женский род слова; кто такие мешеры, где они проживают (на какой территории), среди каких других народностей.

Как известно, особое значение приобретает разработка эффективных приемов при обучении студентов, будущих переводчиков, основам редактирования, а также саморедактирования. Редактирование переведенного текста последний и самый важный этап перевода. Во время редакти-

рования, по мнению А.В. Мильчина, «с чтением каждой фразы происходит не только движение вниз, к ее единицам, но и движение вверх, к предшествующим и последующим фразам. Изучая и оценивая очередную фразу, редактору необходимо соотносить ее с предыдущей (предыдущими), чтобы уяснить в каких связях они находятся — объединены ли в сверхфразовое единство, являются ли частями единого структурного целого, или последняя фраза уже не входит в прежнее единство, а начинается собой новое» [7, с. 66].

В ходе занятий при редактировании переведенных текстов появляется ряд вопросов о правильности употребления выбранных студентами лексических единиц в определенном контексте. Так, при переводе с французского языка предложений возник вопрос о правильности выбранного эквивалента перевода глаголу *faire connaître* в предложении *Faites-nous connaître votre avis demain au plus tard*. Были предложены среди прочих следующие эквиваленты перевода: «Сообщите о вашем мнении» и «Дайте знать о вашем мнении». С помощью Корпуса русского языка мы провели анализ словоформы «мнение» на предмет сочетаемости с глаголами в различных контекстах (Рис.1).

— Каково ваше	мнение	по поводу сближения Украины с Таможенным
стал грубой нецензурной бранью высказывать свое	мнение	по поводу распространения агитационных материалов
Или узнать его	мнение	по поводу платной парковки?
понимаю, за последнее время вы поменяли	мнение	по поводу ювенальной юстиции.
— Тогда скажите свое	мнение	по поводу олимпиады в Театре имени
Свое	мнение	по поводу памятника должны выразить все
Спрашивай у людей	мнение	по поводу актуальных вещей.
Известий» попросила главу кабинета высказать свое	мнение	по поводу появившегося в интернете фильма
Считаю нужным снова озвучить свое	мнение	по поводу Египта — да простят меня
какой стороны ни посмотри — бескомпромиссное авторское	мнение	по поводу красоты, жизни, смерти.
видит будущий премьер социальную политику, его	мнение	по поводу введения в действие 83
чем отечественным специалистам, а также высказал	мнение	по поводу собственного футбольного долголетия и
в интервью Sportbox.ru высказал свое	мнение	по поводу победы «Спартак» в матче
Евгений Ловчев высказал свое	мнение	по поводу игры московского «Спартак» в
Евгений Ловчев высказал свое	мнение	по поводу непопадания в основной состав
учащиеся столичных вузов смогут высказать свое	мнение	по поводу переноса начала занятий.
российский тренер Александр Тарханов высказал свое	мнение	по поводу лимита на легионеров.
преддверия матча с «Зенитом» высказал свое	мнение	по поводу игры нападающего красно-белых
Ваше	мнение	по поводу лимита?
Бензоветц высказал свое	мнение	по поводу того, смог ли бы
- Итан, ваше	мнение	по поводу добровольно-принудительного заявления
Свое	мнение	по поводу предстоящего матча «Рубина» высказал
петербургской СДЮШОР «Зенит» Евгений Шейнин высказал	мнение	по поводу погодных условий, в которых
тренер России Александр Тарханов высказал свое	мнение	по поводу трансферной политики «Арсенала».
свободный человек, и когда спросили его	мнение	по поводу Владимира Путина, он его
Газзаев на конференции РФС высказал свое	мнение	по поводу лимита на легионеров в
Однако Барак Обама высказал совершенно иное	мнение	по поводу обстановки в Грузии: на
Однако Барак Обама высказал совершенно иное	мнение	по поводу обстановки в Грузии: на
к избирателям и сообщить им свое	мнение	по поводу кандидата, — рассказывает источник: планы
все равно вы наверняка имеете свое	мнение	по поводу того, кто как готов
Однако	мнение	по поводу ухода лидеров болельщиков не
Он попросил опубликовать его	мнение	по поводу расследования.
Президент РФПЛ Сергей Прядкин высказал свое	мнение	по поводу того, надо ли ужесточать
Он попросил опубликовать его	мнение	по поводу нашего расследования аспирантки Лидии
Церковь очень часто высказывает свое	мнение	по поводу тех или иных произведений
этом портале каждый может оставить свое	мнение	по поводу планов властей.
Безусловно, право Гарнетта высказывать свое	мнение	по поводу баз и прочее.
15.25 Адвокат Хасана Ибрагимов высказал свое	мнение	по поводу вердикта.
Я думаю, что	мнение	по поводу прекращения Украинской движения в

Рис. 1. Скриншот интернет-страницы Национального корпуса русского языка. Лексема «мнение».

одно употребление с глаголом «сообщать» мнение, которое требует прямого дополнения, а также приходим к выводу, что употреблений с глаголом «знать» не выявлено, есть одно употребление с глаголом «узнать мнение». Следующий этап работы над словосочетанием, мы должны проанализировать примеры с глаголом «знать» на расстоянии 1-2 словоформа «мнение» (Рис.2).

[illegible]

«Знать».

ния переводческих компетенций, а именно компетенции по редактированию и саморедактированию текста перевода на родном (русском) языке на всех его этапах.

Выводы. Теоретический анализ литературы по теме корпусной лингвистики показывает, что проблема применения корпусов при преподавании иностранных языков на всех ступенях обучения рассматривается достаточно широко. В то же время целый ряд конкретных методических задач, связанных с использованием данных Национального корпуса русского языка при обучении студентов-переводчиков остается мало разработанным. В результате изучения данной темы и проведенных практических занятий мы

пришли к выводу, что интенсивный тренинг обучения родному (русскому) языку студентов переводчиков должен осуществляться на всех этапах обучения и может быть разработан методический комплекс упражнений, разработанных на основе Национального корпуса русского языка, которые будут служить для эффективного формирования у студентов навыков употребления лексико - грамматических, синтаксических форм, структурно-семантических узлов, а также для формирования прогностических умений на уровне текста на родном (русском) языке,

для развития самостоятельного аналитического мышления у студентов, заинтересованности в результате, втянутости в процесс обучения. Однако, рассмотренные выше приемы применения Корпуса при обучении не исчерпывают всех его возможностей. Мы уверены, что Национальный корпус русского языка может повлиять на само содержание образовательных программ при обучении переводу, так как у студентов и у преподавателей существует возможность создавать собственные подкорпуса на основе заданной тематики, жанра, хронологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Изд-во «СОЮЗ», 2001. 145 с.
2. Беляева Л. Н. Корпусная лингвистика и перевод: потенциал и ограничения // Труды международной научной конференции «Корпусная лингвистика – 2011». СПб, 2011. С. 86-91.
3. Владимов Н. В. Корпусный подход к решению переводческих проблем (на материале переводов с русского языка на английский): дисс. ... к. филол. н. М., 2005. 182 с.
4. Волоснова Ю.А. Корпусная лингвистика: проблемы и перспективы / Ю.А. Волоснова // Лесной вестник. 2006. №7. С.43-49.
5. Гаджиева З. К. Особенности использования корпусной лингвистики в обучении иностранному языку // Молодежь и наука: реальность и перспективы развития: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Махачкала: ИП Дагерманов И. Д., 2015. С. 76-82.
6. Гарбовский Н.К. Лекция 15. Цикл «О переводе и переводчиках». Дидактика переводческой деятельности. URL: <https://medium.com/>.
7. Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М.: «Логос», 2005. – 523 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
9. Новикова Э.Ю., Хайрова С.Р.. Дидактическая модель обучения устному переводу Вестник ВолГУ. Серия 6. Вып. 10. 2007. С. 131-136.
10. Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. №1. С. 99-111
11. Шевчук В. Н. Информационные технологии в переводе // Электронные ресурсы переводчика. М.: ЗебраЕ, 2013. 384 с.
12. Groom N. Pattern and Meaning across Genres and Disciplines: An Exploratory Study / N. Groom // Journal of English for Academic Purposes. 2005. Vol. 4. 3 Jul. P. 257-277.
13. Leech G. Teaching and language corpora : A convergence / G. Leech // Wichmann A., Fligelstone S., McEnery A. M., Knowles G. (Eds.). Teaching and Language Corpora. London:Longman,1997.P.1-23.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alekseeva I.S. Professional'nyj trening perevodchika. Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej. Sankt-Peterburg: Izd-vo «SOJuZ», 2001. 145 s.
2. Beljaeva L. N. Korpusnaja lingvistika i perevod: potencial i ogranichenija // Trudy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Korpusnaja lingvistika – 2011». SPb, 2011. S. 86-91.
3. Vladimov N. V. Korpusnyj podhod k resheniju perevodcheskih problem (na materiale perevodov s russkogo jazyka na anglijskij): diss. ... k. filol. n. M., 2005. 182 s.

4. Volosnova Ju.A. Korpusnaja lingvistika: problemy i perspektivy / Ju.A. Volosnova // Lesnoj vestnik. 2006. №7. S.43-49.
5. Gadzhieva Z. K. Osobennosti ispol'zovanija korpusnoj lingvistiki v obuchenii ino-strannomu jazyku // Molodezh' i nauka: real'nost' i perspektivy razvitija: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ma-hachkala: IP Dagermanov I. D., 2015. S. 76-82.
6. Garbovskij N.K. Lekcija 15. Cikel «O perevode i perevodchikah». Didaktika perevodcheskoj dejatel'nosti. URL: <https://medium.com/>.
7. Mil'chin A.Je. Metodika redaktirovanija teksta. M.: «Logos», 2005. – 523 s.
8. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/>
9. Novikova Je.Ju., Hajrova S.R.. Didakticheskaja model' obuchenija ustnomu perevodu Vestnik VolGU. Serija 6. Vyp. 10. 2007. S. 131-136.
10. Sysoev P.V. Lingvisticheskij korpus v metodike obuchenija inostrannym jazykam // Jazyk i kul'tura. 2010. №1. S. 99-111
11. Shevchuk V. N. Informacionnye tehnologii v perevode // Jelektronnye resursy perevodchika. M.: ZebraE, 2013. 384 s.
12. Groom N. Pattern and Meaning across Genres and Disciplines: An Exploratory Study / N. Groom // Journal of English for Academic Purposes. 2005. Vol. 4. 3 Jul. P. 257-277.
14. Leech G. Teaching and language corpora : A convergence / G. Leech // Wichmann A., Fligel-stone S., McEnery A. M., Knowles G. (Eds.). Teaching and Language Corpora. London:Longman,1997.P.1-23.

Поступила в редакцию 19.08.2021.

Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Соколова О.И. Использование Национального корпуса русского языка при формировании переводческих компетенций // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.89-95. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Sokolova.pdf>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503755>

УДК 32.019.51

Арапов И.А.

Арапов Илья Алексеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная д. 7-9. Email: iara2013@ya.ru.

Подготовка «оранжевой революции»: публичная дипломатия США на Украине в 1996-2004 гг

Аннотация. В 1996 г. Украина стала новой приоритетной страной для американской публичной дипломатии на постсоветском пространстве. Устанавливая контроль над Украиной, США, по сути, препятствовали возрождению российского империализма, таким образом, укрепляя свое собственное господство во всем мире. Как показало время, Соединенным Штатам в итоге удалось увести данную страну из-под влияния России, и публичная дипломатия сыграла в этом отнюдь не самую последнюю роль. В частности, этого удалось достичь посредством обучения молодых лидеров, финансирования политического строительства, создания независимых СМИ и НПО, а также продвижения интернет-технологий.

Ключевые слова: США, Россия, Украина, «Оранжевая революция», публичная дипломатия, политическое строительство, империализм, НПО, независимые СМИ, цифровая дипломатия.

Arapov I.A.

Ilya Alekseevich Arapov, Master's student. Saint Petersburg State University, Russia, 199034, Saint Petersburg, 7-9 Universitetskaya Embankment. Email: iara2013@ya.ru.

Preparing the Orange Revolution: US Public Diplomacy in Ukraine 1996-2004

Abstract. In 1996, Ukraine became a new priority country for American public diplomacy in the post-Soviet space. By establishing control over Ukraine, the United States, in fact, prevented the revival of Russian imperialism, thus strengthening its own dominance throughout the world. As time shows, the United States eventually managed to tear this country away from the influence of Russia, and public diplomacy played an important role in this. In particular, this was achieved through the training of young leaders, the financing of political construction, the creation of independent media and NGOs, as well as the promotion of Internet technologies.

Key words: USA, Russia, Ukraine, "Orange Revolution", public diplomacy, political construction, imperialism, NGOs, independent media, digital diplomacy.

После распада Советского Союза американская публичная дипломатия находилась в упадочном состоянии. В американском обществе активно обсуждалась необходимость в программах публичной дипломатии после того, как исчез главный идеологический противник США - СССР, а либерализм стал господствующей практикой во всем мире.

Несмотря на то, что финансирование программ публичной дипломатии США на Ближнем Востоке и в Латинской Америке резко сократилось в период с 1993 по 2000 гг., по инициативе Президента США Дж. Буша старшего в 1992 г. был принят закон «Акт в поддержку демократии» (Freedom Support Act), который был нацелен на демократизацию постсоветских стран [7]. Сумма финансирования составила более 2 млрд. долл. США [5].

Изначально, Россия, наряду с Украиной, Арменией и Киргизией, входила в число приоритетных стран. Однако в 1995-1996 гг. произошла смена приоритетов. Перед внешней политикой США встала новая цель, которая, по своей сути, являлась старой – ликвидировать влияние России на постсоветском пространстве. Появление данной цели в середине 90-х гг. объясняется тем, что правительство США продолжало рассматривать РФ как империю и крайне опасалось возобновления и усиления ее влияния на страны бывшего Советского Союза. Возрождение американского империализма США видели в том, что Россия вела войну в Чечне, а также в том, что она все еще пыталась оказывать воздействие на бывшие страны СССР [8]. Это стало причиной сокращения финансирования программ публичной дипломатии США в России и перемещения этих средств в страны постсоветского пространства для того, чтобы обеспечить их полную политическую и экономическую независимость от влияния России.

Исходя из новой внешнеполитической цели, Украина стала новой приоритетной страной для американской публичной дипломатии. На 1996 г. финансиру-

емые программы публичной дипломатии на всем постсоветском пространстве составляло 641 млн. долл. США. Из этой суммы только 225 млн приходилось на Украину [6]. Значимость Украины для американской внешней политики, в первую очередь, объясняется ее геополитическим значением. Это подтверждает геополитическая концепция, озвученная Х.Д. Маккиндером. В соответствии с ней, пространство Балто-Черноморья находится в самом центре «Хартленда», контроль над которым обеспечивает контроль над всем миром [2, с. 135]. Кроме того, его последователь, З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» утверждает следующее: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [1]. Устанавливая контроль над Украиной, США, по сути, препятствовали возрождению российского империализма, таким образом, укрепляя свое собственное господство во всем мире. Как показывает время, Соединенным Штатам в итоге удалось «оторвать» данную страну от влияния России, и публичная дипломатия сыграла в этом отнюдь не самую последнюю роль.

Данный факт ставит на повестку дня вопрос о том, в чем же заключалась эффективность публичной дипломатии США на Украине. Именно этой проблеме посвящена данная работа.

С 1996 г. Агентство по международному развитию США (АМР), которое с начала 90-х гг. занималось политической и экономической трансформацией постсоветского пространства, осуществляло все направления публичной дипломатии США на Украине. АМР действовало опосредованно, предоставляя ассигнованные средства организациям-партнерам, которые активно действовали на Украине. Партнеры АМР, в свою очередь, распределяли гранты украинским НПО.

Отчет Госдепартамента указывает на то, что перед публичной дипломатией была поставлена цель изменить политический режим на Украине [12]. Это предполагалось осуществить посредством создания новых партий, которые в последствие могли бы создать полноценную демократическую коалицию, посредством обучения наблюдателей для выборов, создания независимых СМИ и, конечно, через тесное взаимодействие с украинской молодежью. Это стало направлениями публичной дипломатии США на Украине.

Значительную роль в реализации данных направлений сыграли американские образовательные программы. Эффективность использования образовательных программ для достижения политических целей была осознана правительством США еще в середине XX в. Весьма полезным в данном смысле оказалась работа доктора исторических наук Цветковой Н.А. «Cultural Imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны» в которой автор пишет, что образовательные программы представляют собой эффективный механизм формирования лояльных групп зарубежного общества. Благодаря образовательным программам удавалось привлекать те слои зарубежного общества, которые могли бы принести политические дивиденды для интересов США. Не менее важно, что образовательные программы оказывали непосредственное влияние на изменение политической культуры и на установление консенсуса с американским обществом [4, с. 171]. Американские программы обучения преследовали те же самые цели на Украине. На всем постсоветском пространстве на Украине наблюдался самый заметный рост участников в политических программах обучения публичной дипломатии США. Например, около 20 000 украинцев было вовлечено в политическое обучение к 2004 г. Целевой аудиторией всегда являлись молодые лидеры с политическими устремлениями. Они прививали американские ценности и создавали основу для демократической трансформации страны.

В ходе своей работы, АМР определило, что демократическая процедура выборов и функционирование партий на Украине не отвечает демократическим стандартам. В связи с этим, Агентство в середине 1990-ых гг. разработало масштабную программу «Political Process and Party-Building Program», которая предполагала обучение политических лидеров Украины тому, как создавать демократические партийные и политические коалиции. На эти цели выделялось 83 млн. долл. США ежегодно [13]. К 2004 г. по данной программе было обучено более 20 000 украинских активистов, но большая часть из них была вовлечена только в начале 2000-ых гг. Так, только в 2002 г. обучение прошли 2 100 активистов.

Национальный республиканский институт и Международный демократический институт, в основном, взаимодействовали с молодыми политиками в регионах Украины, обучая их политическим технологиям и механизмам проведения уличных манифестаций. Другим направлением их деятельности являлось вовлечение женщин в политический процесс страны. В 2002 г. 100 активных партийцев и около 200 политических активисток прошли обучение по выборным технологиям [10].

Параллельно шел процесс обучения наблюдателей для выборов. По программе Агентства по международному развитию США «The Elections and Political Process Project (EP3)» было обучено 25 000 членов политических партий, которые стали членами избирательных комиссий и работниками избирательных участков. Данная программа также предполагала выделение грантов социальным группам, которые занимались обучением наблюдателей для выборов. В дополнение, не менее интересным является то, что проводились тренинги для адвокатов, журналистов и судей, которые должны были вовремя освещать нарушения на выборах.

АМР тесно взаимодействовало с Центральной избирательной комиссией Украины и предоставляло ей внушительную техническую помощь. Это, фактиче-

ски, предоставляло Агентству возможность влиять на деятельность ЦИК Украины.

Кроме того, был создан и профинансирован Комитет избирателей Украины, который контролировал деятельность Центральной избирательной комиссии, а также самого правительства. По оценкам американских экспертов, Комитет сыграл ключевую роль в наблюдении за парламентскими выборами в 2002 г., а также в освящении нарушений на этих выборах [10].

Создание демократических партий и коалиций стало одним из самых успешных направлений публичной дипломатии США на Украине. Удалось не только обучить будущих лидеров партий, ориентированных на США, интегрировать женщин в политическое развитие страны, но и создать необходимые условия для контроля над избирательным процессом.

Одновременно с созданием партий, шел процесс формирования неправительственных организаций, ориентированных на вовлечение молодежи. В 2000 г. была инициирована программа «Next Generation Initiative», благодаря которой в этом же году удалось дополнительно вовлечь более 400 молодых украинцев в политическое обучение в рамках образовательных обменов и программы «Future Leaders Exchange» [13].

Наиболее эффективно в сфере поддержки молодежных НПО действовала организация-партнер Агентства по международному развитию США Counterpart Alliance for Partnership. Главной целью Альянса являлось создание политических молодежных НПО и их координация посредством создания коалиции. К 2002 г. организация выделила на эти цели более чем 26 млн. долл. США [10]. Результаты исследования Цветковой Н.А. и Ярыгина Г.О. показывают, что выделяемые Конгрессом США гранты привели к образованию около 200 молодежных неправительственных организаций, специализировавшихся на партийной борьбе. Они входили в сеть Альянса и стали мобилизационным ресурсом правительства США и украин-

ских демократических партий для проведения уличных акций или манифестаций.

Не менее активно в сфере поддержки молодежных НПО действовал фонд «Freedom House», который инициировал проект под название «Партнерство за реформирование Украины» (Partnership for Reform in Ukraine). Проект был направлен на стимулирование развития молодежных НПО посредством изменения законодательства. В частности, организация провела множество конференций с украинскими законодателями, на которых неоднократно подчеркивалась необходимость принятия более дружественных к НПО законов. Подобный закон впоследствии был принят [13].

Реализация данного направления публичной дипломатии США на Украине в период с 1996-го по 2004 г. также представляется достаточно успешной. Удалось создать около 200 молодежных НПО и сформировать из них коалицию. Впоследствии украинские молодежные НПО, по оценке США, сыграли ключевую роль в мобилизации населения на протесты в 2004 г. [9].

Для проведения успешных демократических выборов были необходимы независимые СМИ. Однако, реализация данного направления была отнюдь не самой простой для Агентства по международному развитию США. Это объясняется тем, что украинские власти были не восприимчивы к этому проекту и продолжали оказывать давление на независимые медиа-компании. В связи с этим Агентство инициировало специальную программу «Media Legal Defense and Education Program», которая предусматривала обучение журналистов, адвокатов и судей нормам свободы слова. Не менее интересно, что по этой программе ресурсные центры Агентства предоставляли неформальные советы и консультации независимым журналистам, осуществляли обзор статей перед непосредственной публикацией, а также могли полностью или частично оплатить защиту журналиста в суде [13].

Одной из важнейших ресурсных организацией Агентства в этой области был Центр независимых СМИ. Центр распределял гранты независимым интернет-изданиям, телеканалам и радиоточкам и обучал их репортеров в прозападном духе [11].

Другим важным ресурсным центром в этой сфере был Фонд развития СМИ, который выделял гранты независимым газетам, радио- и телеканалам, самостийным журналистам, а также НПО, которые занимались мониторингом соблюдения свободы прессы и соблюдения прав журналистов. Только с 2001-го по 2002 г. Фонд выделил 45 грантов на общую сумму в 650 000 долл. США.

Финансовая, техническая и юридическая поддержка США позволила независимым СМИ продолжать свою деятельность. Постепенно независимые телеканалы вышли на центральное телевидение, а некоторые проекты США стали пользоваться особой популярностью. Одним из них был вебсайт «Телекритика», который предоставлял независимую информацию, осуществлял анализ контента украинских телевизионных программ и освещал изменения в законодательной сфере, касающиеся вещания [10]. В 2003 г. за счет средств США также была создана радиопрограмма «Дневник реформ», которую слушало более 5 млн украинцев ежедневно [13].

Несмотря на давление со стороны правительства Украины, публичной дипломатии США удалось создать независимые СМИ, которые, пользуясь широкой популярностью среди украинского населения, могли освещать информацию в нужном ключе или мобилизовать населения на возможные манифестации.

Исследуя данную проблему, становится очевидно, что публичная дипломатия США также стремилась вовлечь наиболее активные части украинского общества в Интернет. Данное направление начало активно развиваться в 2000-е гг. В частности, в 2002 г. Посольство США в Киеве инициировало специальную программу «Library Electronic Access

Program», по которой правительство США предоставляло гранты украинским библиотекам для создания интернет-центров. К 2004 г. на эти цели было выделено около 3 млн. долл. США и создан 71 интернет-центр в библиотеках по всей Украине. По оценкам американских экспертов общее количество посетителей за месяц достигало 100 000 человек. По большей части это была молодежь и студенты, которая осваивала недавно появившиеся социальные сети [9]. Подобные программы позволяли правительству США установить контакт с украинской молодежью, направить ей свое послание и, таким образом, внушить американские ценности. Интернет также позволял правительству США более эффективно мобилизовать украинскую молодежь на протестные акции.

Следует сказать, что подобная политика говорит о том, что правительство США уже в начале 2000-ых гг. начало осознавать всю значимость концепции о стратегической коммуникации, которая заключается в распространении политического влияния государства через поддержание контакта и передачу информации целевой аудитории в том или ином государстве.

Подводя итоги данной работы, следует отметить, что эффективность публичной дипломатии США заключалась в тех методах, которые использовали Агентство по международному развитию и его ресурсные центры для того, чтобы достичь демократического перевоплощения Украины.

Агентство по международному развитию и его ресурсные центры вовлекали политическую элиту и молодых лидеров Украины в политическое обучение, организовывали различные семинары и конференции с представителями украинской власти для того, чтобы изменить законодательство страны. Впоследствии были изменены законы о выборах и НПО, что создало основу для демократической трансформации Украины.

Кроме того, не менее эффективным представляется взаимодействие США с украинской молодежью, которая оказалась

наиболее восприимчива к американским ценностям. Для нее создавались многочисленные неправительственные организации. Именно она была задействована в политическом обучении, перед которым ставилась цель научить моделям поведения во время уличных протестов и акций. США успешно расширяли взаимодействие с украинской молодежью через Интернет, что, в итоге, делало ее ближе к США, чем к своему собственному правительству. Все это в совокупности сделало молодых людей наиболее эффективным мобилизационным ресурсом США на территории Украины.

Более того, создавались независимые газеты, телеканалы, радиоточки и новостные интернет-сайты. Независимым медиакомпаниям была предоставлена масштабная финансовая, техническая и юридическая помощь, которая позволила, несмотря на давление со стороны украинского правительства, продолжать свою деятельность и стать популярными среди украинского населения. Впоследствии независимые СМИ были мобилизованы правительством

США на создание информационного фона во время «оранжевой революции».

Наконец, США выделяли огромные средства для обучения лидеров партий, наблюдателей, журналистов, адвокатов и судей, на которых США опирались во время выборов и протестных движений в 2004 г.

Наиболее важным аспектом в контексте данной проблемы является то, что США, реализуя публичную дипломатию на Украине, в основном опирались на образование, которое стало эффективным инструментом воздействия на политическую культуру украинцев. Благодаря образовательным программам, которые вовлекали наиболее активные части украинского общества удалось нарушить ту идентичность с Россией, которая существовала в годы Советского Союза и находилась в ослабленном состоянии после его распада. Это позволяет утверждать, что публичная дипломатия США на Украине привела к некому культурному сдвигу на постсоветском пространстве, что повысило спрос на американские ценности и усилило политическое влияние США в данном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. 1998. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt> (дата обращения: 02.05.2021).
2. Маккиндер Х.Д. Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. №2. С. 134-144.
3. Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс Пи. Парадигмы и процессы. М. 2018. № 3-4 (32-33). URL: http://madipi.ru/images/discourse-pi/32-33/articles/08_79-87.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
4. Цветкова Н.А. Cultural Imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». СПб. 2007. 197 с.
5. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act of 1992. H.R. 2621-102. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/2621/text> (дата обращения: 02.05. 2021).
6. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act of 1996. PL 104-107. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ107/PLAW-104publ107.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).
7. Freedom Support Act of 1992. PL 102-511. URL: <https://fas.org/nuke/control/ctr/docs/s2532.html> (дата обращения: 02.05. 2021).
8. Prospects for a New Russian Imperialism. Congressional Record. Extension of Remarks. 1993. URL: <https://webarchive.loc.gov/congressional-record/20160308152548/http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/C?r103:./temp/~r103G2w5V9> (дата обращения: 02.05.2021).

9. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Annual Report. FY 2004. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 2005. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/55799.htm> (дата обращения: 02.05.2021).
10. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Annual Report. FY 2002. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 2003. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/23629.htm> (дата обращения: 02.05.2021).
11. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Annual Report. FY 2003. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 2004. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/37672.htm> (дата обращения: 02.05.2021).
12. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with the New Independent States of the Former Soviet Union. Annual Report. FY 1996. Department of State. The Office of the Coordinator of U.S. Assistance to the NIS. 1997. URL: https://www.fpa.org/usr_doc/37315.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
13. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with the New Independent States of the Former Soviet Union. Annual Report. FY 2000. Department of State. The Office of the Coordinator of U.S. Assistance to the NIS. 2001. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/2377.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. M. 1998. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt> (дата обращения: 02.05.2021).
2. Makinder H.D. Demokraticheskie idealy i real'nost' // Polis. Politicheskie issle-dovaniya. 2011. №2. С. 134-144.
3. Naumov A.O. Tradicionnye i novye media kak aktory «cvetnyh revolyucij» // Diskurs Pi. Paradigmy i processy. M. 2018. № 3-4 (32-33). URL: http://madipi.ru/images/discourse-pi/32-33/articles/08_79-87.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
4. Cvetkova N.A. Cultural Imperialism: mezhdunarodnaja obrazovatel'naja politika SShA v gody «hologodnoj vojny». SPb. 2007. 197 s.
5. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act of 1992. H.R. 2621-102. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/2621/text> (дата обращения: 02.05.2021).
6. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act of 1996. PL 104-107. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ107/PLAW-104publ107.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).
7. Freedom Support Act of 1992. PL 102-511. URL: <https://fas.org/nuke/control/ctr/docs/s2532.html> (дата обращения: 02.05.2021).
8. Prospects for a New Russian Imperialism. Congressional Record. Extension of Remarks. 1993. URL: <https://webarchive.loc.gov/congressional-record/20160308152548/http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/C?r103:./temp/~r103G2w5V9> (дата обращения: 02.05.2021).
9. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Annual Report. FY 2004. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 2005. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/55799.htm> (дата обращения: 02.05.2021).
10. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Annual Report. FY 2002. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 2003. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/23629.htm> (дата обращения: 02.05.2021).
11. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Annual Report. FY 2003. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 2004. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/37672.htm> (дата обращения: 02.05.2021).
12. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with the New Independent States of the Former Soviet Union. Annual Report. FY 1996. Department of State. The Office of the Coordinator of U.S. Assistance to the NIS. 1997. URL: https://www.fpa.org/usr_doc/37315.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
13. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with the New Independent States of the Former Soviet Union. Annual Report. FY 2000. Department of State. The Office of the Coordinator of

U.S. Assistance to the NIS. 2001. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/2377.pdf> (data obrashhenija: 02.05.2021).

Поступила в редакцию 19.08.2021.
Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Арапов И.А. Подготовка «оранжевой революции»: публичная дипломатия США на Украине в 1996-2004 гг // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.96-103. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Arapov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503757>

УДК 329

Ощепкова В.М.

Ощепкова Валентина Максимовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная д. 7-9. Email: oshchepkovavm@gmail.com.

Перспективы положения популистских партий в политическом спектре стран Европейского Союза

Аннотация. Феномен политического популизма во втором десятилетии XXI в., с одной стороны, представляет собой уникальное в историческом плане явление новейшего времени, а с другой является своеобразным продуктом эволюции общества и его институтов. Новейшая история уже не раз демонстрировала, к каким далеко идущим, а подчас и катастрофическим, последствиям может привести ситуация, при которой политический популизм становится основой государственной политики. Цель данной статьи – дать оценку перспективам положения популистских партий в политическом спектре стран ЕС. Делается вывод о том, что произошедшее в последнее десятилетие в ряде стран Европы утверждение популистов в качестве равноправных участников политического противоборства знаменует глубокую трансформацию политической системы европейского общества. И хотя на сегодняшний день не представляется возможным определить степень этого влияния, события, происходящие в ЕС показывают, что популизм скорее всего станет новой нормой для европейской политики, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: популизм, правый популизм, ЕС, Европейский союз, политическая борьба, политическая система, евроскептицизм.

Oshchepkova V.M.

Oshchepkova Valentina Maksimovna, Saint Petersburg State University, Russia, 199034, Saint Petersburg, 7-9 Universitetskaya Embankment. Email: oshchepkovavm@gmail.com.

Prospects for the position of populist parties in the political spectrum of the countries of the European Union

Abstract. The phenomenon of political populism in the second decade of the XXI century, on the one hand, is a historically unique phenomenon of modern times, and on the other hand, it is a kind of product of the evolution of society and its institutions. Recent history has repeatedly demonstrated how far-reaching, and sometimes disastrous, the situation in which political populism becomes the basis of state policy can lead to. The purpose of this article is to assess the prospects of the position of populist parties in the political spectrum of the EU countries. It is concluded that the establishment of populists as equal participants in the political confrontation in a number of European countries over the past decade marks a profound transformation of the political system of European society. And although it is not possible to determine the extent of this influence today, the events taking place in the EU show that populism is likely to become the new norm for European politics, at least in the short term.

Key words: populism, right-wing populism, EU, European Union, political struggle, political system, euro-scepticism.

Популизм имеет сложные и взаимозависимые корни, лежащие в экономических проблемах, культурном инакомыслии и растущей политической неопределенности.

На фоне происходящих изменений в европейском обществе, доминирующей реакцией социологов стала настойчивость в отношении стойкости либеральных норм и стабильности демократических институтов. После знаменитого наблюдения А. Пржеворского о том, что ни одна богатая, устоявшаяся демократия не рухнула [3, р.119], многие исследователи часто определяли рост правого популизма как эфемерную угрозу, утверждая, что они бессильны подорвать демократические институты, или выражая уверенность в том, что они постепенно вольются в существующий демократический процесс.

Пока слишком рано приходить к твердым выводам о том, какой эффект будет иметь рост популистских движений в Европе. Однако в тех странах, где популисты уже несколько лет находятся у власти, картина не столь обнадеживающая, как могли прогнозировать такие оптимисты, как А. Пржеворский.

Популисты могут радикально изменить европейскую государственную политику. Многие правопопулистские партии выступают за ослабление или упразднение международных институтов, таких как Европейский Союз. Они продвигают идею введения протекционистской торговой политики, а также стремятся ввести строгий контроль над иммиграцией. В некоторых странах популистским правительствам уже удалось осуществить такие реформы. В других, электоральные успехи популистов подтолкнули традиционные партии к более националистическим решениям.

Хотя подобные идеи потенциально разрушительны, само по себе их выдвижение не является нарушением норм либеральной демократии. Это, однако, не относится ко всей политике, поддерживаемой популистами. В частности, многие правопопулистские партии выступают за нелиберальные политические решения – при

поддержке большинства населения они нарушают основные права меньшинств.

И хотя популисты обычно сохраняют внешнюю приверженность демократии и временами приходят к власти при широкой поддержке населения, они могут представлять реальную угрозу демократическим институтам.

Венгрия представляет собой один из наиболее ярких примеров того, до какой степени популистские правительства могут радикализироваться, находясь в правительстве. Венгрия – страна с ВВП на душу населения более 14 000 долл. и устойчивой демократией, в течение нескольких лет скатилась к квазиавторитарности. Учитывая то, что многие государственные институты, такие как суды и избирательные комиссии, находятся в руках правопопулистского правительства, а независимые СМИ подвергаются постоянным нападениям, далеко не очевидно, что в стране проходят свободные и справедливые выборы.

Похожие тенденции отмечаются и в Польше. И хотя там популистское правительство находится у власти гораздо меньше времени, оно уже идет по этим стопам. С недавней судебной реформой, серьезно подрывающей разделение властей, польская демократия выглядит все более хрупкой.

Все это говорит о том, что, в целом, для популизма в Европе существует три возможных сценария развития:

1. рост влияния правых популистов станет лишь эпизодическим явлением в европейской истории;
2. популизм станет новым политическим дискурсом, составляющим основу европейской политики, изменяя государственную политику стран на долгое время вперед, но не создавая реальной угрозы стабильности системы;
3. популизм способствует отвержению основных демократических институтов и идей в европейском обществе.

Рассмотрим подробнее каждый из четырех возможных вариантов.

Популизм как эпизодическое явление

Есть некоторые свидетельства того, что популистские партии, особенно в Западной Европе, достигли своего временно-го потолка. Недавние опросы во Франции показывают, что президент Э. Макрон пользуется значительной поддержкой, несмотря на широкомасштабные и противоречивые реформы рынка труда, в то время как правые радикальные партии страдают от сокращения числа сторонников и усиления внутренней напряженности после недавних поражений на выборах [1]. Аналогичная ситуация наблюдается в Германии, недавние опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что общественная поддержка «Альтернативы для Германии» со времени последних выборов либо осталась на прежнем уровне, либо слегка уменьшилась [5]. Между тем, в Латвии недавние опросы показывают, что поддержка правого «Национального альянса» со времени последних выборов сократилась примерно вдвое [2].

Возможно, рост популистских партий окажется недолгим. Рассмотренные выше примеры показывают, что, даже войдя в национальные парламенты своих стран, партии зачастую не могут институционализироваться.

Вероятно также, что рост популистских партий окажется благотворным сигналом для партий истеблишмента, которые повысив свою эффективность, в ближайшее время смогут вернуть доверие электората.

Или, возможно, причины, лежащие в основе популистского подъема в ближайшее время начнут сходиться на нет, что деактуализирует большую часть программных предложений рассматриваемых партий.

Тем не менее, прежде чем делать какие-либо выводы, стоит рассмотреть доказательства, указывающие и в другом направлении. Во многих странах итоги опросов общественного мнения говорят о том, что популисты продолжают набирать силу и в следующем туре выборов. В Италии опросы сообщают, что «Лига» продолжает пользоваться наивысшей под-

держкой среди населения даже после выборов в марте 2018 г. [4]. Похожая ситуация наблюдается и в Восточной Европе, где популистские правительства Венгрии и Польши, несмотря на проведение противоречивых законодательных и судебных реформ, продолжают пользоваться максимальной популярностью.

Популизм как новая норма

Другой сценарий в недавнем прошлом разворачивался в Австрии, где популистская «Австрийская партия свободы» вошла в правительство после выборов 2017 г. И, хотя внешняя политика Австрии стала более националистической, а иммиграционная политика более строгой, политические институты страны и поведение Австрии на международной арене, в основном, остались неизменными.

Если сегодняшние популисты будут придерживаться подобного подхода, основные нормы и институты либеральной демократии останутся без изменений.

Однако очевидно также, что подобные правительства, вероятно, все же продолжат двигаться в сторону ограничения миграционных потоков.

Этот результат представляется особенно вероятным в Западной Европе, где большинство популистов пока еще не достигли большинства на выборах, и остаются зависимыми как минимум от одного основного партнера по коалиции.

Популизм как угроза демократии

Если предыдущие рассмотренные сценарии являются наиболее вероятными для Западной и Северной Европы, то соответственно, тенденции в странах Восточной Европы предполагают, что там возможно осуществление наиболее пессимистического сценария. В Венгрии и Польше популисты использовали позиции власти, чтобы ослабить демократические нормы, подорвать независимые институты, а также чтобы запугать или ослабить своих политических оппонентов. Работая в значительной степени в соответствии с буквой закона и опираясь на широкую поддержку населения, они разрушили многие институты, которые необходимы для защиты

демократических институтов в долгосрочной перспективе.

Поскольку правые популисты в Западной и Северной Европе еще не смогли осуществить аналогичные меры, трудно понять, будут ли они делать это, если появится такая возможность. Однако в последнее время в своей риторике они начали подражать своим восточноевропейским коллегам, пытающимся набрать политические очки за счет нападения на решения текущего правительства, прессу и судебную систему. Обвинение СМИ в распространении фальшивых новостей к настоящему времени стала стандартной частью популистского репертуара в Западной и Восточной Европе.

Так, если разрушительные последствия популизма будут проявиться только в странах с относительно короткой исто-

рией демократического управления, то есть основания полагать, что разрыв между Восточной и Западной Европой будет продолжать расти. Однако, если популистские партии продолжают набирать силу в западноевропейских странах так же быстро, как и в последние десять лет, такие страны, как Швеция или Германия, могут оказаться более уязвимыми перед их деструктивными идеями.

Таким образом, рассмотрев возможные сценарии эволюции популистских партий, в контексте изменений, происходящих в Европейском союзе, невозможно прийти к однозначно выводу относительно их будущего рамках объединения. Тем не менее, можно предположить, что наиболее вероятным сценарием является «Популизм как новая норма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baromètre politique de confiance Décembre 2019 // Harris Interactive. 2019. URL: https://harris-interactive.fr/wp-content/uploads/sites/6/2019/12/Barometre_de_confiance_politique-Harris_Interactive-LCI_decembre_2019.pdf (дата обращения: 21.02.20).
2. Partiju reitingi: lielākais popularitātes kāpums mēneša laikā 'Saskaņai', kritums – NA // AS DELFI. 2019. URL: <https://www.delfi.lv/news/national/politics/partiju-reitingi-lielakais-popularitates-kapums-menesa-laika-saskanai-kritums-na.d?id=51759951> (дата обращения: 01.03.20).
3. Przeworski, A. Why Do Political Parties Obey Results of Elections? / A. Przeworski // Democracy and the Rule of Law / ed. by J. Maravall, A. Przeworski – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 279 p
4. Sondaggio Tecne (24 gennaio 2020) // Scenaripolitici.com. 2020. URL: <https://scenaripolitici.com/2020/01/sondaggio-tecne-24-gennaio-2020.html>
5. Wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre ... // Forsa. 2020. – URL: <http://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm> (дата обращения: 01.03.20).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baromètre politique de confiance Décembre 2019 // Harris Interactive. 2019. URL: https://harris-interactive.fr/wp-content/uploads/sites/6/2019/12/Barometre_de_confiance_politique-Harris_Interactive-LCI_decembre_2019.pdf (data obrashhenija: 21.02.20).
2. Partiju reitingi: lielākais popularitātes kāpums mēneša laikā 'Saskaņai', kritums – NA // AS DELFI. 2019. URL: <https://www.delfi.lv/news/national/politics/partiju-reitingi-lielakais-popularitates-kapums-menesa-laika-saskanai-kritums-na.d?id=51759951> (data obrashhenija: 01.03.20).
3. Przeworski, A. Why Do Political Parties Obey Results of Elections? / A. Przeworski // Democracy and the Rule of Law / ed. by J. Maravall, A. Przeworski – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 279 p
4. Sondaggio Tecne (24 gennaio 2020) // Scenaripolitici.com. 2020. URL: <https://scenaripolitici.com/2020/01/sondaggio-tecne-24-gennaio-2020.html>

-
5. Wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre ... // Forsa. 2020. – URL: <http://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm> (data obrashhenija: 01.03.20).

Поступила в редакцию 29.07.2021.

Принята к публикации 01.08.2021.

Для цитирования:

Ощепкова В.М. Перспективы положения популистских партий в политическом спектре стран Европейского Союза // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.104-108. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Oshchepkova.pdf>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503761>

УДК 316.3

Ермакова Е.А.

Ермакова Екатерина Александровна, преподаватель, Брянский государственный технический университет, Россия, 241035, г. Брянск, бульвар 50 лет Октября, 7. E-mail: ermakova.20@mail.ru.

Теоретические подходы к изучению феномена «социальное самочувствие»

Аннотация. В статье проанализированы основные аспекты изучения социального самочувствия индивида. Выделены и проанализированы психологический, социологический, социально-психологический подходы к изучению феномена социального самочувствия. Психологический подход к определению социального самочувствия, предполагает его рассмотрение в двух направлениях – в качестве индивидуально - личностного и массового или группового сознания индивида. Социологический подход - как удовлетворенность или неудовлетворенность индивида различными сторонами жизни. В социально-психологическом подходе – социальное самочувствие рассматривается как составная единица социального настроения. Таким образом, социальное самочувствие носит комплексный характер и охватывает разные стороны человеческого бытия и условия его жизнедеятельности индивида, его социальные притязания, настроение, оценку уровня удовлетворенности и неудовлетворенности жизни в целом чем обусловлен междисциплинарный подход к определению данного понятия.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальное настроение, социальное положение, социальный статус, социальная роль, социальная адаптация, индивид.

Ermakova E. A.

Ermakova Ekaterina Alexandrovna, lecturer, Bryansk State Technical University, 241035, Russia, Bryansk, Boulevard 50 let Oktyabrya, 7. E-mail: ermakova.20@mail.ru.

Theoretical approaches to the study of the phenomenon of «Social well-being»

Abstract. The article analyzes the main aspects of studying the social well-being of an individual. Psychological, sociological, socio-psychological approaches to the study of the phenomenon of social well-being are identified and analyzed. The psychological approach to the definition of social well-being involves its consideration in two directions - as an individual-personal and mass or group consciousness of an individual. The sociological approach is defined as an individual's satisfaction or dissatisfaction with various aspects of

life. In the socio-psychological approach, social well-being is considered as an integral unit of social mood. Thus, social well-being is complex and covers different aspects of human existence and the conditions of its life activity of an individual, his social claims, mood, assessment of the level of satisfaction and dissatisfaction with life in general, which determines the interdisciplinary approach to the definition of this concept.

Key words: social well-being, social mood, social status, social status, subjective well-being, social adaptation, individual.

Трансформационные изменения, происходящие в российском обществе на протяжении последних десятилетий, оказали воздействие на все сферы общественной жизни. Поэтому для российского общества, перед которым стоит задача модернизации всех сторон жизни, особую актуальность приобретает вопрос о социальном самочувствии населения.

В современной научной литературе нет однозначной трактовки понятия социальное самочувствие. Это связано с многоаспектностью и сложностью структуры данного феномена, который находится на стыке различных научных областей. Поэтому исследователи выделяют три подхода к изучению социального самочувствия – психологического, социологического и социально – психологического.

В психологической литературе термин «социальное самочувствие» появился в середине XX века. В своих исследованиях ученые соотносили понятие «социальное самочувствие» с понятием «субъективное благополучие». Ученые в качестве измерительных конструкторов субъективного благополучия выделили компоненты личностного «счастья», а также благополучия повседневной жизнедеятельности индивида. Исследуя «счастье» Вилсон В. пришел к выводу, что «счастливый человек выступает как молодой, здоровый, хорошо образованный, хорошо оплачиваемый, экстраверт, оптимистичный, без лишних забот, религиозный, женатый, с высокой самооценкой, с хорошей работой, имеющий скромные стремления, любого пола и обладающий широким спектром интеллекта» [11, с. 294-306].

Психологический подход к анализу социального самочувствия, предполагает его рассмотрение в двух направлениях:

1) в качестве индивидуально - личностного состояния - социальное самочувствие описывается через специфику конкретного восприятия человеком своей жизни и своих ожиданий, которые зависят не только от внешних условий, но и от степени адаптации человека к ним.

Так по мнению Парыгина Б.Д. и Якобсона П.М., определяющим социального самочувствия человека является его эмоциональное состояние, формирующееся под такими факторами, как объективные условия жизни человека и его позиции в системе социальных связей и отношений с окружающими людьми. Также Парыгин Б.Д. акцентирует внимание на том обстоятельстве, что психологический подход упускает социальную обусловленность факторов, которые формируют социальное самочувствие. В силу того, что опыт повседневности самым очевидным образом влияет на настроение людей, социальные детерминанты последнего также не должны игнорироваться исследователями. По словам Парыгина Б. Д., «всякое настроение, будь то настроение группы или индивида, социально, если употреблять это понятие в самом широком смысле, имея в виду, что всякое настроение отражает не только сугубо личные переживания человека, но и его отношения с окружающей социальной средой» [5, с. 52].

Таким образом социальное самочувствие в качестве индивидуально - личностного состояния – это экзистенциальный способ существования, восприятия, адаптация к изменениям социальной среды, в которой человек трудится, общается, познает.

2) в качестве массового или группового сознания - социальное самочувствие интерпретируется через проявление функционирование таких социальных механиз-

мов как социальная идентификация, рефлексия, и стереотипизация и др. и выражается через психологическую оценку действительности (удовлетворенностью или неудовлетворенностью индивида окружающей действительностью).

Так согласно взглядам Абульхановой-Славской К.А., Рубиной Л.Я., социальное самочувствие – это отражение состояния социума в сознании индивида и то как это отражение позволяет ему реализовать свои жизненные цели и программы [1]. Орлов Г.М. и Тучков Е.В. определяют социальное самочувствие как динамичный комплекс установок личности, направленный на осмысленные изменения и преобразования собственной жизни, который формируется на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением [4, с. 89-84].

Таким образом, в рамках психологического подхода социальное самочувствие рассматривается как социально-психологическое состояние, возникающего у индивида или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности и являющегося их целостным отражением.

Социологический справочник под редакцией Воловича В.И. дает следующее определение социальному самочувствию — «это эмоциональный аспект оценки представителями социальной группы своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов. В социальном самочувствии выражается общая тональность общественных настроений группы, оно формируется в процессе социального сравнения, сопоставления социального вознаграждения, возможностей для удовлетворения своих потребностей, реализации интересов с аналогичными возможностями (условиями) других людей» [7].

Таким образом, социологи в отличие от социальных психологов используют, в первую очередь, такие понятия как «удовлетворенность/ неудовлетворенность че-

ловека своим социальным положением», «воздействие социального статуса человека на социальное самочувствие», «исполняемые индивидом социальные роли».

Кроме этого, категория социальное самочувствие рассматривается с позиции различных социологических концепций. В методологии структурно-функционального анализа Парсонса Т. социальное самочувствие индивидов связано с их местом и ролью в социально- стратифицированной структуре общества, и важно показать какие ролевые функции, и параметры определяют ключевые характеристики самочувствия данной группы [9].

С позиции феноменологической социологии Шютца А. акцент смещается на субъективные параметры социального самочувствия. Как писал сам Шюц А. «социальные феномены мы хотим понять, а понять их мы не можем никак иначе, кроме как в рамках определенной схемы человеческих мотивов, целей, средств, человеческих планов ... ученый должен задать вопрос, что происходит в разуме индивидуального действующего лица ...» [10]. К субъективным аспектам категории «социальное самочувствие» можно отнести то, как индивидами оценивается личное, физическое и психическое здоровье, удовлетворенность жизнью в целом, насколько они самореализовались в жизни, то как они оценивают характер взаимоотношений с окружающими.

В концепции структуралистского конструкционизма Бурдье П. социальное самочувствие представляется социологом как габитус, т.е. всеиндивидуальная структура, выступающая в качестве определяющего фактора по отношению к взаимосвязям индивидуальных практик с социальными структурами [2, с. 52].

По мнению Кобозевой Н.Н. социальное самочувствие имеет объективное и субъективное основание. Объективное социальное самочувствие выражается в оценке индивидом системы существующих социальных взаимоотношений и измеряется через достаточность или недостаточность объективных условий для реали-

зации собственных притязаний. Субъективное социальное самочувствие отражает восприятие индивидом благополучия собственной жизни и измеряется через удовлетворенность или неудовлетворенность своими жизненными достижениями, условиями существования [3, с. 117-122].

Таким образом, в социологическом подходе социальное самочувствие можно рассматривать в нескольких направлениях:

1) социальное самочувствие как удовлетворенность или неудовлетворенность индивида различными сторонами жизни.

2) социальное самочувствие как реализация жизненной стратегии и отношения индивида к окружающей действительности, которое выражается во взаимосвязи между уровнем притязаний и степенью удовлетворения смысложизненных потребностей индивида.

Социально-психологический подход к изучению социального самочувствия наиболее последовательно представлен в работах Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.. Ученые рассматривают социальное самочувствие как составную единицу социального настроения, которое: «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучной

социальной устроенности и неустроенности» [8, с. 21-35]. На социальное настроение индивида оказывают влияние различные факторы социальной практики, которые выражаются в разного рода чувствах, ощущениях и представлениях. Таким образом, социальное самочувствие является основой социального настроения, обусловленного оценкой и самооценкой социального статуса и социального положения, на которую оказывают влияние те явления и условия, от которых зависит развитие событий, значимых для индивида и приобретающих в силу этого эмоциональный эффект.

Рассмотрев теоретические подходы к исследованию феномена социального самочувствия можно сделать следующие выводы: социальное самочувствие охватывает разные стороны человеческого бытия и условия жизнедеятельности индивида, тем самым оно обусловлено как внутренними (субъективными), так и внешними (объективными) факторами, что определяет изучение социального самочувствия как комплексного психологического, социологического и социально-психологического явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001 г. С. 52.
3. Кобозева Н. Н. Социальное самочувствие как социологическая категория // Вестн. Ставропол. гос. ун-та [Ставрополь]. 2007. № 50. - С. 117-122.
4. Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области (по результатам социологических опросов) // Социологические исследования. 1998 № 8. С. 89-94.
5. Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. С. 52.
6. Рубина Л.Ф. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С.71.
7. Социологический справочник / [Волович В. И. и др.]. Киев: Политиздат Украины, 1990. 380 с.
8. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социс. 1998. № 1. С. 21-35.
9. Parsons T. The Social System. N. Y. : The Free Press, 1951, P. 575.
10. Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Vol. 2. Evanston : Northwestern University Press, 1983. P. 307.
11. Wilson W.R. Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin, Issue 6, 1967, Pp. 294-306.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Psihologija i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti): Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 1999. 224 s.
2. Burd'e P. Prakticheskij smysl. SPb.: Aleteja, 2001 g. S. 52.
3. Kobozeva N. N. Social'noe samochuvstvie kak sociologicheskaja kategorija // Vestn. Stavro-pol. gos. un-ta [Stavropol']. 2007. № 50. - S. 117-122.
4. Orlova L. A. O social'nom samochuvstvii uchitelej Moskovskoj oblasti (po rezul'tatam sociologicheskikh oprosov) // Sociologicheskie issledovanija. 1998 № 8. S. 89–94.
5. Parygin B. D. Obshhestvennoe nastroyenie. M.: Mysl', 1966. S. 52.
6. Rubina L.F. Professional'noe i social'noe samochuvstvie uchitelej // Sociologicheskie issledovanija. 1996. № 6. S.71.
7. Sociologicheskij spravochnik / [Volovich V. I. i dr.]. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1990. 380 s.
8. Toshhenko Zh. T. Social'noe nastroyenie — fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki // Socis. 1998. № 1. S. 21-35.
9. Parsons T. The Social System. N. Y. : The Free Press, 1951, R. 575.
10. Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Vol. 2. Evanston : Northwestern University Press, 1983. R. 307.
11. Wilson W.R. Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin, Issue 6, 1967, Pp. 294-306.

Поступила в редакцию 17.08.2021.

Принята к публикации 20.08.2021.

Для цитирования:

Ермакова Е.А. Теоретические подходы к изучению феномена «социальное самочувствие» // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.109-113. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Ermakova.pdf>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503767>

УДК 811.111

Аветисян М.И.

Аветисян Милана Игоревна, аспирант, Пятигорский государственный университет, Россия, 357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9. E-mail: milana.ami@mail.ru.

Когнитивно-семантические свойства номинативных единиц категории EVENT (на примере английских отглагольных существительных с суффиксом –er)

Аннотация. В статье представлен анализ когнитивно-семантических свойств английских отглагольных существительных с суффиксом -er. Опираясь на разработанное в ходе аналитического обзора толкование понятия «событие», автор приходит к выводу, что семантика данных лексем мотивируется набором концептуальных параметров, среди которых доминирующим может являться либо параметр причины, либо параметр следствия, а в основе вербализации события лежат механизмы когнитивной метафоры и когнитивной метонимии. Было также установлено, что событийные дериваты с концептуальной доминантой причины имеют метафорическую семантику, а те, у которых выделен параметр следствия – метонимическую.

Ключевые слова: отглагольные существительные с суффиксом er, событие, категория, концептуальные параметры, причина, следствие, когнитивная метафора, когнитивная метонимия.

Avetisyan M.I.

Avetisyan Milana Igorevna, post-graduate student, Pyatigorsk State University, Russia, 357532, Pyatigorsk, Pyatigorsk, Stavropol Krai, 9 Kalinin Avenue. E-mail: milana.ami@mail.ru.

Cognitive-semantic properties of the nominative units from the category EVENT (the case of English deverbal nouns ending in -er)

Abstract. The article represents the cognitive-semantic analysis of English deverbal nouns ending in -er. Referring to the definition of the notion “event” worked out in the course of analytical review the author comes to conclusion that semantic properties of the lexical items under analysis are motivated by the set of conceptual parameters among which one can identify two salient mental constituents. These can be either parameter [cause] or parameter [effect]. It has also been found out that event deverbals with -er whose conceptual parameter in focus is [cause] have metaphoric semantics, those whose conceptual parameter in focus is [effect] are predominantly metonymic.

Key words: deverbal nouns ending in -er, event, category, conceptual parameters, cause, effect, cognitive metaphor, cognitive metonymy.

Понятие «событие» широко используется в современных гуманитарных исследованиях. Как отмечает О.Н. Дубровская «это понятие либо становится объектом исследования, либо используется как термин метаязыка описания других явлений» [4, с. 129]. Так, в лингвофилософии событие рассматривается в связи с понятием «факт». По Н. Д. Арутюновой, событие принадлежит к числу онтологических объектов, таких как ситуация, процесс, происшествие, случай [2], в то время как факт принадлежит к числу объектов эпистемического плана, наряду с пропозицией, суждением, утверждением, мнением, предположением. Такие объекты выражают отношение к мнению и знанию. События составляют «среду погружения человека в мир», а факты – «то, что есть результат погружения мира в сознание человека». «Жизнь человека складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» [2, с. 103].

Обладая множеством аспектов, событие определяется в когнитивной отрасли лингвистической науки как антропоцентричная ментальная структура, мотивирующая семантику большинства языковых единиц и структур на концептуальном уровне [1].

В корпусе рассматриваемых отглагольных существительных также выделяется группа единиц, обладающих семантикой событийности. Событийность присуща данным лексемам прежде всего потому, что они являются производными от глагольной основы, концептуальная организация которой в обязательном порядке предписывает наличие предикативной информации, дающей представление о типе отношений между субъектами и объектами окружающего мира, ассоциированными с аргументами производящего глагола. Таким образом, именно глагол, а также производные от него, или содержащие его единицы и структуры языка подвергаются лингвистическому анализу в аспекте собы-

тийности. Свойства сверхфразовых/диалогических единств, предложений или слов, а также особенности их функционирования в языке и речи изучаются посредством определения релевантных для каждого факта языка событийных компонентов и связей между ними.

В свою очередь, события могут иметь простую и сложную структуру, т.е. состоять из двух или более простых событий. Разграничивая простые и сложные события, В. Е. Гольдин так определяет их особенности: «Функционально-структурная и темпоральная целостность ситуаций, отличающая одни события от других, создает внутреннюю форму событий, которая у сложных событий складывается из взаимосвязанных частных событий, а у простых – из первичных событийных элементов, прежде всего – действий и сопутствующих им компонентов деятельности» [3, с. 25–26].

Структура события, заключенного в семантике отглагольных номинаций с агентивным суффиксом -er, состоит из двух простых событий – события-причины и события-следствия – и представлена пропозицией, в которой в обязательном порядке содержится информация о причине ([cause]) или последствиях ([effect]) воздействия либо на непосредственного участника события, либо на определенные объекты при наличии некоего наблюдателя. Причем, когнитивно выделенным в семантике событийных слов оказывается лишь один из компонентов.

Репрезентантами категории EVENT являются отглагольные имена существительные (84 единицы, что соответствует 3,2% от общего числа примеров), которые объективируют пропозицию [EFFECT CAUSED BY SOME EVENT/ACTIVITY] и является третьей по репрезентативности категорией. Как уже отмечалось выше, данные лексемы являются номинациями различных событий, ситуаций. Самый высокий уровень абстракции концептуальной

структуры слов этой категории представлен параметром [abstract object], который далее специфицируется параметром [event].

Параметры, присутствующие в семантической структуре рассматриваемых лексем и обуславливающие их дифференциацию, это концепты [temporality]: [activity/state beginning]; [activity/state in process]; [activity/state termination]; [participant type]: [animate object: human being (doer/observer/patient)] / [inanimate physical object (patient)] / [event (causer)] / [natural forces (causer)]. В концептуальной структуре данных номинаций также отмечается наличие таких универсальных для категории одушевленного деятеля параметров как [physical activity: destructive/creative], [mental activity], [communicative activity] и [emotional state]. Эти параметры организованы вокруг двух вариативно доминантных концептов [cause] и [effect]. Они эксплицитно и имплицитно объективируются в семантике и контекстах функционирования рассматриваемых слов, конкретизируя аспекты влияния, наличие наблюдателя, физические/эмоциональные изменения у деятеля или объекта воздействия.

Указанные параметры селективно активируются в концептуальной структуре слова в зависимости от его исходных семантических свойств и контекста его употребления.

Также необходимо подчеркнуть, что концептуальная структура и семантика, большинства рассматриваемых в настоящем разделе номинаций, напрямую обусловлена действиями, направленными на человека, либо действиями, которые он совершает сам, либо его состоянием или реакцией. Как справедливо замечает О.Н. Дубровская, «если разделить события на те, в которых принимает участие человек, и те, которые совершаются независимо от его воли (например, буря, гроза и др.), то окажется, что человек принимает активное участие в огромном числе событий, а его пассивная роль в других событиях также может быть рассмотрена как роль участ-

ника определенного события» [4, с. 132]. Таким образом, событие, в том числе и объективируемое отглагольными существительными с суффиксом *-er*, – это некая деятельностная или психосоматическая среда существования человека. Причем, психосоматическая среда создается самим человеком, а деятельностная среда может индуцироваться другими участниками события ([doer]), приниматься ([patience]) или восприниматься ([observer]) ими.

Как указывалось выше, наиболее выделенными параметрами в семантике лексических единиц с событийной семантикой являются концепты [cause] (*intensifier, capper, disrupter, disturber, kicker, damper, tearer, misuser, etc.*) и [effect] (*trembler, yawner, laughter, howler, breather, facer, blinder, etc.*). Количественное соотношение лексем, объективирующих данные параметры, выражается следующим образом: существительные с доминирующим параметром [cause] составляют 37% от общего количества номинаций категории, а существительные с доминирующим параметром [effect] составляют около 63%.

Слова, обозначающие события, в которых выделенным является составляющая [cause], имеют в своей семантике информацию о факторе влияния, некоем действии, которое либо направлено на участника, либо он является его наблюдателем.

Например, лексема *damper* / некоторое событие/ситуация, действующая угнетающе, подавляюще на кого-либо или что-либо; событие-причина срыва или прекращения чего-либо (a dulling or deadening influence [12]; a depressing restraint [16]) объективирует внешний фактор влияния, приостанавливающий или прекращающий некую деятельность людей (дождливую погоду (1) или пандемию (2)), через метафору физического подавления:

1. But cold and rainy weather – and Battiste's warning – appear to have put a *damper* on any processions [14].

2. And, of course, COVID put a *damper* on the usual celebrations: There

will be no official inaugural balls, and tonight's concert, featuring Bruce Springsteen and Katy Perry among others, will be virtual [10].

Следует отметить, что физическое воздействие [physical activity], является не единственным во втором контексте функционирования лексемы *dampener*, поскольку ситуация с ковид – это не только деструктивное воздействие вируса на здоровье людей, но и коммуникативная деятельность – запреты на массовые мероприятия.

В отличие от предыдущего примера лексема *intensifier* / ситуация, запускающая или способствующая усилению (а иногда и усугублению) других процессов (one that intensifies [12]), содержит в своей концептуальной структуре параметра [cause (one that intensifies = (years leading to the Civil War; the war itself))] и [temporality: [activity/state beginning] (radicalism)]:

3. The years leading to the Civil War, and the war itself, were political *intensifiers*; radicalism was rewarded and could be made to pay [9].

Рассматривая этот случай, также следует отметить семантическую смежность событийной лексемы *intensifier* с категорией INSTRUMENT, поскольку данная номинация может обладать значением «слово-интенсификатор», исходя из которого ее необходимо относить к инструментальным существительным. Так, *intensifier* может не только обозначать коммуникативные технологии эмотивного усиления и экспрессивности, но и использоваться в значении устройства, увеличивающего четкость изображения снайперской винтовки:

4. The weapon also has a full length Picatinny rail to mount optics, image *intensifiers*, and other aiming tools [13].

Механизм когнитивной метонимии, выраженный в переносе когнитивного акцента с деятеля на генерируемое им событие просматривается и в семантике номинации *keeper* / агрессивная игра защитника в американском футболе (захват

мяча) (an offensive football play in which the quarterback runs with the ball [12]):

5. Collins reached the Clinton 2 on a *keeper*, and Everett ran it in on the next play [15].

В данном случае отглагольное наименование события обладает метонимичной семантикой, так как в ней происходит выдвижение компонента деятельности защитника на основании принципа функциональной смежности – взаимосвязи действий защитника и создаваемой им в игре ситуации.

В свою очередь, событийное существительное *kicker* / неожиданность (an unexpected and surprising remark, revelation, or set of circumstances [12]) с концептуальной доминантой [cause] является примером метафорического переосмысления, так как представляет собой перенос физического силового воздействия на объект в область воздействия эмоционального:

6. The real *kicker* came when the chairman announced that he was quitting [6].

Так, неожиданное заявление председателя повергло в шок, стало полной неожиданностью для присутствующих.

Номинативная единица *tearer* / шторм, ураган (storm, hurricane [16]) представляет собой персонификацию природных сил, оказывающих разрушительное воздействие на все вокруг. Как и для остальных репрезентантов рассматриваемой подгруппы, ключевым параметром, мотивирующим его семантику, является [cause], а основной участник концептуализируется как [natural forces (storm)], что, тем не менее, не исключает из ситуации еще один тип участника – наблюдателя [participant type]: [animate object: human being (observer)]. Наблюдатель как бы остается «за кадром», но является именно той стороной, которая воспринимает шторм как персонифицированную разрушительную силу:

Next day – yesterday – it was a *tearer*; we had storm shutters up [6].

Характеризуя рассмотренную группу отглагольных существительных с суффиксом *-er*, обладающих событийной семантикой и выделенным концептуальным компонентом причины, следует отметить, что большинство из них обладают негативной коннотацией и метафорической семантикой. Около 50% номинаций с выделенным параметром [cause] обладают метафорическим значением. В семантической структуре данных слов метафоризируется именно компонент, сигнифицирующий действие-каузатор события.

В отличие от каузативных событийных существительных лексемы с выделенным компонентом следствия ([effect]) в большинстве своем (72% от общего количества слов в подгруппе) являются метонимичными, а в ряде случаев и метафтонимичными (сформировавшимися на семантическом уровне в результате метонимического и метафорического переносов).

Наиболее репрезентативными номинациями среди событийных лексем с когнитивным профилем причины являются слова, образованные от глаголов, описывающих различные эмоциональные реакции, ассоциированные с различными событиями.

Соответственно, все они квалифицируются как метонимичные, произведены на основе звукозамещающих эмотивных глаголов и являются эмоциональным продуктом таких ситуаций как забавный, комичный промах или ошибка (7) – *howler* (a humorous and ridiculous blunder [12]; stupid and obvious mistake, especially in something that someone says or writes [5]); оговорка, публичная глупая ошибка (8) – *blooper* (an embarrassing public blunder [12]); скучное, вызывающее зевоту мероприятие (9) – *yawner* (something that causes boredom [12]; Something unexciting or boring that induces yawning, as a book, sporting event, or performance [16]); проблемы и задачи настолько простые, что вызывают смех (10) – *laugher* / (something (such as a

game) that is easily won or handled; hilarious mood [12]):

7. In 2005, belittling his reputation for meticulous research, London's Evening Standard noted a "*howler*" of a mistake in "Saturday": It mentioned a Mercedes S500 with a fourth gear, but the car's strictly an automatic [7].

8. This was a bridge too far for some and led to a meme poking fun at the obvious *blooper* [11].

9. Even die-hard opera fans are finding this production to be a real *yawner* [6].

10. In previous seasons, that game would've turned into a non-competitive *laugher* [8].

Во всех примерах с участием звукозамещающих событийных существительных участниками обозначаемого ими события являются люди – деятели ([animate object: human being (patient)]), индуцирующие и/или каузирующие определенное эмоциональное состояние ([emotional state]), и люди, претерпевающие данное воздействие и определенным образом на него реагирующие. Именно их эмоция – смех, удивленный возглас, недовольный стон и т.п. как следствие данного воздействия – помещена в фокус внимания, а сами продуценты отходят на задний план.

Помимо эмотивных событийных существительных в группе с выделенным концептом следствия ([effect]) наличествуют номинации, в которых салиентным оказывается не эмоциональное, а физическое состояние участников события, концептуализируемых как [animate object: human being (patient)]. Причем, в механизме формирования значений подобных слов задействованы и концептуальная метафора и концептуальная метонимия. Так, лексема *blinder* / *великолепное выступление*; *блестящая игра* (something (such as an athletic play) dazzlingly excellent or remarkable [12]), соотнесенной как с участниками-деятелями, демонстрирующими блестящее, а если описывать эффект дословно, то ослепительное выступление, так и с участниками-зрителями, ослепленными

блестящей игрой. То есть, в семантике данной лексемы наблюдается и метафора, так как «ослепительность» – это образная, метафорическая репрезентация высокого уровня игры/выступления /представления и восприятия его зрителями через физическое состояние, и метонимия, так как происходит смещение фокуса внимания с человека на его переживания, связанные с определенной ситуацией:

11. Andrew Chidgey (58) held the Stapleton innings together and Ghulam Shabbir briefly threatened with a lively 23 but Timsbury held some important catches, including a *blinder* from Greg Passingham... [6].

Образованное посредством концептуальной ориентационной метафоры событийное существительное *downer* / несчастный случай; повод для огорчения (something depressing, disagreeable, or unsatisfactory [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/downer>]), как и уже рассмотренные выше примеры, содержит в своей концептуальной структуре параметр [emotional state] отчасти наделено чертами метонимичности, поскольку в его семантике заметен сдвиг с участника, который грустит, печалится или огорчается по определенному поводу (someone who feels down), на его эмоции:

12. “His cat just died.” “Oh, that's a real *downer*.” [6]

Образованная от антропоморфного глагола *to face* событийная номинация *facer* / непредвиденные трудности или проверки (a sudden often stunning check or obstacle [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/facer>]) на концептуальном

уровне репрезентирует последствия ([effect]), вызванные возникновением каких-либо препятствий или необходимостью пройти какую-либо проверку, посредством следующих параметров.

Данная лексема формирует свою семантику посредством механизмов метонимического и метафорического переносов, так как указывает на образное (не физическое) «столкновение» пациента «лицом к лицу» с какой-либо проблемой (метафорическое переосмысление) и репрезентирует сложную ситуацию в данном случае уже через самого человека, вынужденного с ней справляться:

13. 'I've had a nasty facer myself, but –' That was all I could hear, but it was enough to set me thinking [6].

Таким образом, вербализация различных ситуаций посредством отглагольных существительных с суффиксом -er мотивируется набором концептуальных параметров (в качестве ключевых выступают составляющие ([cause] и [effect]) и управляется механизмами когнитивной метафоры и метонимии. Метонимичные номинации формируются по принципу функциональной смежности и количественно преобладают в подгруппе единиц с концептуальной доминантой [effect] (*ywaner/sleeper* – скучное мероприятие, *howler* – досадный ляп, глупая, позорная ошибка), а метафоричные номинации формируются по принципу функционального сходства (*tearer* – шторм, ураган, *kicker* – неожиданность) и количественно преобладают в подгруппе с концептуальной доминантой [cause].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксельруд Д.А. О когнитивно-семантической структуре события // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66). С. 56-59.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 23-34.
4. Дубровская О.Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике // Вестник АГТУ. 2005. № 5 (28). С. 129-137.

5. Cambridge Dictionary. Режим доступа URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 12.03.2021)
6. Corpus of Contemporary American English. Режим доступа URL: <http://www.corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 5.03.2021)
7. Dobrzynski J.H. He's Not 'MacAbre' Any Longer // The Wall Street Journal. Режим доступа URL: <https://www.wsj.com/articles/SB119551287029698442> (дата обращения 15.01.2021)
8. Fedor Ch. J.B. Bickerstaff speaks with Cleveland Cavaliers about trust and composure in face of adversity // Cleveland.com. Режим доступа URL: <https://www.cleveland.com/cavs/2020/12/jb-bickerstaff-speaks-with-cleveland-cavaliers-about-trust-and-composure-in-face-of-adversity.html> (дата обращения 10.02.2021)
9. Ferguson A. Abraham Lincoln's Radical Moderation // The Atlantic. Режим доступа URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2020/03/abraham-lincolns-radical-moderation/605551/> (дата обращения 20.02.2021)
10. Gontcharova N. Biden Has Been President For A Couple Hours. Here Are All The Changes He's Already Made. Режим доступа URL: <https://www.refinery29.com/en-us/2021/01/10270131/joe-biden-inauguration-speech-first-executive-orders> (дата обращения 20.01.2021)
11. McCluskey M. The Best Harry Potter Memes Ever // Time. Режим доступа URL: <https://time.com/5769779/best-harry-potter-memes/> (дата обращения 20.02.2021)
12. Meriam-Webster Dictionary. Режим доступа URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 25.02.2021)
13. Mizokami K. The U.S. Military Really Wants This New Sniper Rifle // Popular Mechanics. Режим доступа URL: <https://www.popularmechanics.com/military/weapons/a31138109/military-sniper-rifle-barrett-mrad/> (дата обращения 15.03.2021)
14. Specker L. Mobile mayor: City won't tolerate unsanctioned Mardi Gras marches // Mobile Real-Time News. Режим доступа URL: <https://www.al.com/news/mobile/2021/02/mobile-mayor-city-wont-tolerate-unsanctioned-mardi-gras-marches.html> (дата обращения 13.02.2021)
15. Willson W. Michigan high school football: Montague rolls by Clinton to win Division 6 state crown // Detroit Free Press. Режим доступа URL: <https://www.freep.com/story/sports/high-school/2021/01/22/michigan-high-school-football-montague-rolls-clinton-division-6/6680848002/> (дата обращения 16.02.2021)
16. Wordnik Dictionary. Режим доступа URL: <https://www.wordnik.com> (дата обращения 11.02.2021)

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aksel'rud D.A. O kognitivno-semanticheskoy strukture sobytija // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12-1 (66). S. 56-59.
2. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
3. Gol'din V.E. Imena rechevyh sobytij, postupkov i zhanry russkoj rechi // Zhanry rechi. Saratov: Kolledzh, 1997. S. 23-34.
4. Dubrovskaja O.N. Ob interpretacii ponjatij «sobytie» i «rechevoe sobytie» v lingvi-stike // Vestnik AGTU. 2005. № 5 (28). S. 129-137.
5. Cambridge Dictionary. Rezhim dostupa URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashhenija 12.03.2021)
6. Corpus of Contemporary American English. Rezhim dostupa URL: <http://www.corpus.byu.edu/coca/> (data obrashhenija 5.03.2021)
7. Dobrzynski J.H. He's Not 'MacAbre' Any Longer // The Wall Street Journal. Rezhim dostupa URL: <https://www.wsj.com/articles/SB119551287029698442> (data obrashhenija 15.01.2021)
8. Fedor Ch. J.B. Bickerstaff speaks with Cleveland Cavaliers about trust and composure in face of adversity // Cleveland.com. Rezhim dostupa URL: <https://www.cleveland.com/cavs/2020/12/jb-bickerstaff-speaks-with-cleveland-cavaliers-about-trust-and-composure-in-face-of-adversity.html> (data obrashhenija 10.02.2021)
9. Ferguson A. Abraham Lincoln's Radical Moderation // The Atlantic. Rezhim dostupa URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2020/03/abraham-lincolns-radical-moderation/605551/> (data obrashhenija 20.02.2021)

10. Gontcharova N. Biden Has Been President For A Couple Hours. Here Are All The Changes He's Already Made. *Rezhim dostupa* URL: <https://www.refinery29.com/en-us/2021/01/10270131/joe-biden-inauguration-speech-first-executive-orders> (data obrashhenija 20.01.2021)
11. McCluskey M. The Best Harry Potter Memes Ever // *Time*. *Rezhim dostupa* URL: <https://time.com/5769779/best-harry-potter-memes/> (data obrashhenija 20.02.2021)
12. Meriam-Webster Dictionary. *Rezhim dostupa* URL: <https://www.merriam-webster.com/> (data obrashhenija 25.02.2021)
13. Mizokami K. The U.S. Military Really Wants This New Sniper Rifle // *Popular Mechanics*. *Rezhim dostupa* URL: <https://www.popularmechanics.com/military/weapons/a31138109/military-sniper-rifle-barrett-mrad/> (data obrashhenija 15.03.2021)
14. Specker L. Mobile mayor: City won't tolerate unsanctioned Mardi Gras marches // *Mobile Real-Time News*. *Rezhim dostupa* URL: <https://www.al.com/news/mobile/2021/02/mobile-mayor-city-wont-tolerate-unsanctioned-mardi-gras-marches.html> (data obrashhenija 13.02.2021)
15. Willson W. Michigan high school football: Montague rolls by Clinton to win Division 6 state crown // *Detroit Free Press*. *Rezhim dostupa* URL: <https://www.freep.com/story/sports/high-school/2021/01/22/michigan-high-school-football-montague-rolls-clinton-division-6/6680848002/> (data obrashhenija 16.02.2021)
16. Wordnik Dictionary. *Rezhim dostupa* URL: <https://www.wordnik.com> (data obrashhenija 11.02.2021)

Поступила в редакцию 18.08.2021.

Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Аветисян М.И. Когнитивно-семантические свойства номинативных единиц категории EVENT (на примере английских отглагольных существительных с суффиксом –er) // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.114-121. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Avetisyan.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503771>

УДК 371.3

Аксенова М.В., Мерзлякова А.В.

Аксенова Марина Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: marina.v.aksenova@gmail.com.

Мерзлякова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: merzliakova@list.ru.

Интонация как средство речевой экспрессии в УМК по английскому языку

Аннотация. В статье рассматривается интонация как важное средство для реализации экспрессии говорящего. Перечислены основные характеристики речевой интонации: ее компоненты, задачи. С помощью компьютерной программы Praat анализируются примеры из УМК по английскому языку. Приведены и проанализированы примеры различных типов предложений: повествовательных, вопросительных. Доказывается ключевая роль интонации в реализации речевой интенции говорящего и передачи эмоций, а также возможность выражения грамматической функции с помощью интонации. На примерах показано, что восходящий тон выполняет функцию индикации вопросительного предложения.

Ключевые слова: интонация, речь, английский язык, речевая экспрессия, Praat, грамматика, типы предложения.

Aksenova M.V., Merzliakova A.V.

Aksenova Marina Viktorovna, candidate of philological sciences, senior teacher, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova str. 1. E-mail: marina.v.aksenova@gmail.com.

Merzliakova Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova str. 1. E-mail: merzliakova@list.ru.

Intonation as means of speech expression in English language textbooks

Abstract. The article considers intonation as an important means for the realization of the speaker's expression. The main characteristics of speech intonation are listed: its components, tasks. With the help of the Praat computer program, examples from the UMK in English are analyzed. Examples of various types of sentences are given and analyzed: narrative, interrogative. The key role of intonation in the implementation of the speaker's speech intention and the transmission of emotions, as well as the possibility of expressing a grammatical function using intonation, is proved. The examples show that the ascending tone performs the function of indicating an interrogative sentence.

Key words: intonation, speech, English language, speech expression, Praat, grammar, types of sentences.

Интонация является одним из компонентов устной речи, характеризующей ее фонетическую сторону, а также важнейшим средством речевой экспрессии. Именно ее, вместе с произношением, мы замечаем в речи собеседника, и именно она создает первое впечатление о человеке, оформляя его устные высказывания.

При этом интонационные модели разных языков и даже разных диалектов одного языка могут существенно различаться: вежливая интонация одного языка может оказаться грубой в другом и произвести негативное впечатление на собеседника, а неправильно поставленное ударение может привести к непониманию – поэтому изучение интонационной системы иностранного (а иногда и родного) языка является необходимым фактором успешной коммуникации.

Как правило, выделяют следующие компоненты интонации: мелодика речи, интенсивность, ритм, паузы, темп, тембр и др. Наиболее значимыми компонентами интонации являются фразовое ударение и мелодика т.к. именно они позволяют понять общее значение высказывания.

Для английского языка наиболее важным критерием является коммуникативный центр фразы и ее завершение. Коммуникативным центром высказывания называется самая главная информация (новая для слушателя), содержащаяся в предложении или смысловой группе. Он может выражаться как одним, так и несколькими словами. Причем в последнем случае коммуникативным центром обычно является последнее слово в предложении или смысловой группе. Данное слово является акцентным ядром коммуникативного центра высказывания.

Задачи, которые решаются в речи с помощью интонации, весьма разнообразны. Интонация может брать на себя функцию грамматических средств и выражать какую-то конкретную мысль, создавая законченное предложение из группы слов, не связанных между собой грамматически. Данная функция особенно важна в разгово-

ворной речи, где диалог может состоять из не полных предложений или даже одного слова. Кроме того, интонация позволяет различать коммуникативные типы предложения: повествовательное (утвердительное или отрицательное), вопросительное или побудительное (требование, приказание, просьба, пожелание).

В то время, как на письме тип предложения определяется при помощи знаков препинания, в живой речи эту функцию выполняет интонация, при этом она позволяет передать мысль говорящего несмотря на отсутствие необходимых синтаксических средств, компенсируя их недостаток. Например, использование восходящего тона вместо нисходящего предполагает не простую констатацию факта, а выражение сомнения, удивления или других чувств.

Зачастую основной функцией интонации считают выразительную (экспрессивную). Так, В.А. Артемов считает, что главной и наиболее важной функцией является выражение чувств воли, обеспечивающих коммуникацию. Так как синтаксис не выполняет функцию передачи эмоционального состояния, то она отводится лексике и, главным образом, интонации.

Аудиовизуальные средства аутентичных УМК позволяют проанализировать роль интонации и ее компонентов в речи носителей языка, а также людей, для которых английский язык не является родным. Аудио- и видеозаписи озвучены профессиональными дикторами, а ситуация общения максимально приближена к реальной, благодаря шумовым эффектам, позволяющим симитировать ту или иную обстановку.

Английский язык является лингва франка (*lingua franca*) - языком международного общения, используемым для коммуникации между людьми, вне зависимости от их родного языка. Человек, изучающий английский язык как иностранный должен уметь понимать разные акценты для успешной коммуникации. Для этого в аудиовизуальных средствах современных аутентичных УМК представлены различные диалекты и акценты. В аудиоматериалах

лах УМК New English File: Pre-Intermediate Audio CD's (Clive Oxenden, Christina Latham-Koenig, Paul Seligson) присутствует несколько акцентов: Британское нормативное произношение (Received Pronunciation), стандартное американское произношение (General American), а также несколько вариантов региональных диалектов и иностранных акцентов. Интонационные модели представленных акцентов могут существенно различаться, иногда производя неправильное впечатление на собеседника, не знакомого с особенностями данного акцента.

Повествовательные и вопросительные предложения в английском языке чаще, чем остальные типы коммуникативных предложений склонны иметь различные ядерные тона и интонационные модели и поэтому представляют особый интерес. Как правило, повествовательное предложение отличается нисходящим тоном, если человек уверен в своих словах. На представленном ниже графике (рис.1), созданным с помощью программы "Praat", изображена тонограмма предложения "She had a great sense of humour", которое является примером повествовательного предложения.

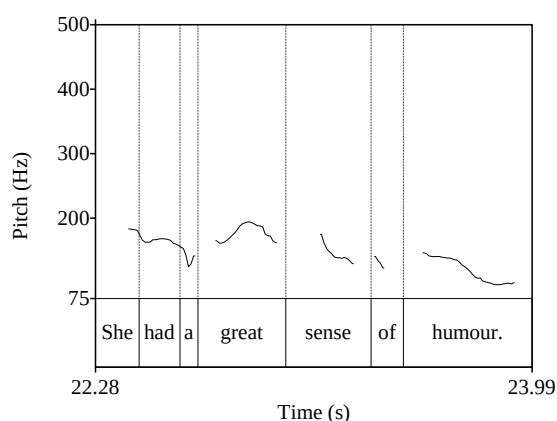

Рисунок 1.

Высота тона голоса (pitch) диктора варьируется от 75 Гц до 200 Гц, что соответствует спокойному, ровному тону голоса взрослого человека. Фраза была произнесена за 1.71 с., что говорит о среднем темпе речи, соответственно - и о спокойном отношении диктора к своей реплике. Также на слова "great" (им. прил.), "sense" (им. сущ.), "humour" (им. сущ) падает фразовое ударение, так как они являются значимыми частями речи и несут главную информацию, следовательно, произношение данных слов занимает дольше времени, меняется интенсивность голоса и высота тона голоса. Кроме того, спикер использует нисходящий тон, что характеризует повествовательное предложение, а также уверенность говорящего в своих словах.

Особое внимание следует уделить интонации, которую носители английского языка используют при перечислении. В таком случае каждый однородный член предложения (за исключением последнего) составляет отдельную синтагму и произносится с восходящим тоном, что говорит о том, что предложение еще не закончено. Например, на вопрос покупательницы о том, в каких цветах представлен данный товар, консультант отвечает: "in beige, green, and brown" (рис.2), сопровождая первые два элемента перечисления подъемом голоса.

Общий вопрос характеризуется восходящим тоном, так как он предполагает утвердительный или отрицательный ответ. Однако наиболее распространенным, в особенности в Received Pronunciation, то-

ном в общих вопросах является нисходяще-восходящий тон (Fall-Rise), что показывает заинтересованность собеседника. Например, в вопросе "Do you watch TV?"

(рис. 3) ядром предложения является слово "TV", который несет в себе ядерный тон - Fall-Rise.

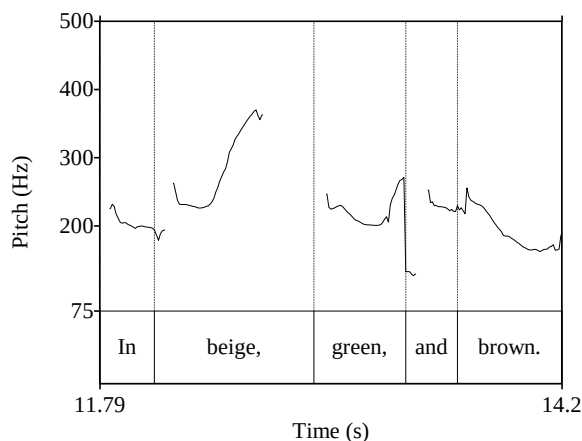

Рисунок 2.

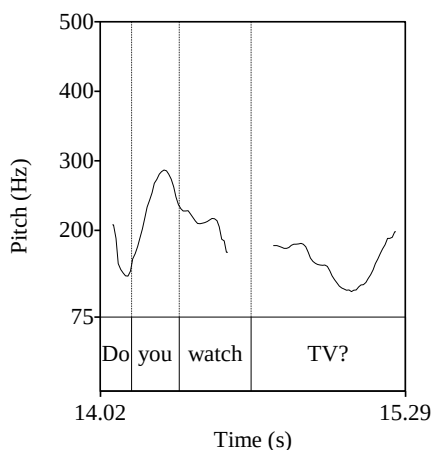

Рисунок 3.

Стоит отметить, что в общих вопросах реализуется грамматическая функция интонации. Это означает, что говорящему не обязательно строить вопрос при помощи синтаксических средств: в разговорной речи достаточно восходящего тона для того чтобы задать вопрос собеседнику. Так, в предложении "Better than London?" (рис. 4) при соблюдении правильной интонации вспомогательный глагол "is" можно опустить.

Специальный вопрос, как правило, сопровождается нисходящим тоном голоса. Например, вопрос "What kind of music

do you listen to?" (рис. 5) наиболее вероятно будет иметь Low Fall или High Fall в качестве ядерного тона.

Альтернативный вопрос состоит из двух частей, каждая из которых составляет отдельную интонационную группу. Первая часть такого вопроса произносится с интонацией подъема, другая – с интонацией понижения. Так, в вопросе "Is it Wednesday or Thursday?" (рис. 6) первая часть, предшествующая союзу "or" произносится с Fall-Rise (как в общем вопросе), а в вторая – с нисходящим тоном.

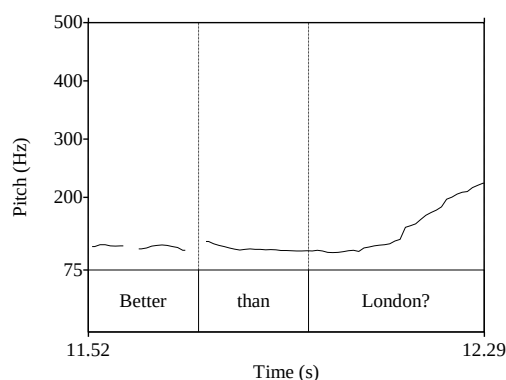

Рисунок 4.

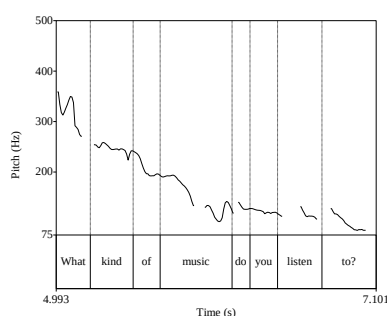

Рисунок 5.

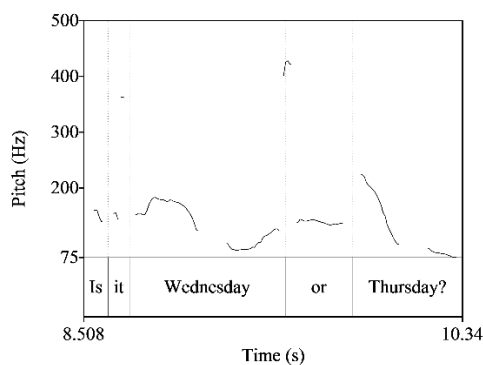

Рисунок 6.

Первая часть разделительного вопроса, как правило, произносится с нисходящим тоном, а вторая может сопровождаться как нисходящим, так и восходящим тоном. В первом случае, говорящий не просит подтверждения своих слов, а скорее проявляет знак вежливости или выражает желание привлечь собеседника к разговору. Например, в предложении "We haven't met before, have we?" (рис. 7) по интонации понижения можно понять, что говорящий

не сомневается в том, что собеседник ему не знаком, но прибегает к разделительному вопросу для того, чтобы вежливо привлечь внимание собеседника.

В случае, если вторая часть вопроса сопровождается интонацией подъема, это говорит о желании говорящего получить подтверждение или опровержение своих слов. Так, в предложении "So now I am the waiter, aren't I?" (рис. 8) интонация второй части вопроса в данном контексте показы-

вает, что спикер удивлен тому, что его используют в качестве официанта и выражает свое недоумение.

Фразовое ударение может играть ключевую роль в понимании речи носителей языка. Например, слова "can" и "can't" могут звучать достаточно похоже в речи американцев, так как с большой вероятностью они скажут слово "can't" с гортанной смычкой (glottal stop), не произнося звук [t] в конце слова, особенно если за ним следует слово, которое начинается с согласного звука. В этом случае, распознать слово

можно по фразовому ударению, которое всегда падает на "can't" и не падает на "can" (если на него не падает логическое ударение). В таком случае ударение также влияет на гласный звук, произносимый в этих словах в потоке речи. В случае с "can" она редуцируется до нейтрального звука «шва» (schwa) [ə], в то время как в "can't" звук [æ] сохраняет свою полную форму. Таким образом, распознать фразу "You can't miss it" (рис. 9) можно во многом благодаря фразовому ударению.

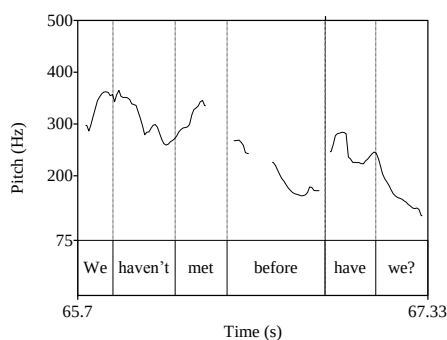

Рисунок 7.

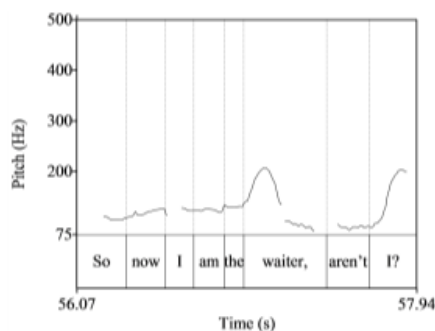

Рисунок 8.

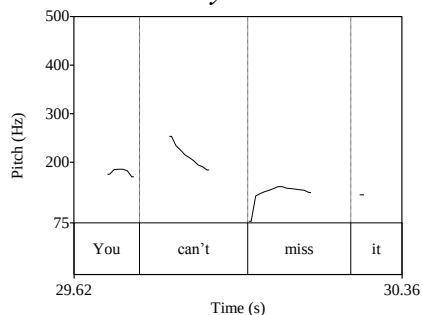

Рисунок 9.

В отличие от фразового ударения, которое используется при выделении всех значимых слов в предложении, логическое ударение предполагает выделение наиболее важного слова во фразе сильнее остальных. Фразовое и логическое ударения могут совпадать или не совпадать, а логическое ударение может также приходиться на слова, на которые не падает фразовое ударение. При этом именно логическое ударение обращает внимание слушателя, на то что имеет в виду говорящий. Например, в предложении "I mean, about our future" спикер может поставить логическое ударение на притяжательное местоимение "our", подчеркивая, что он говорит именно о совместном будущем с собеседником (рис. 10).

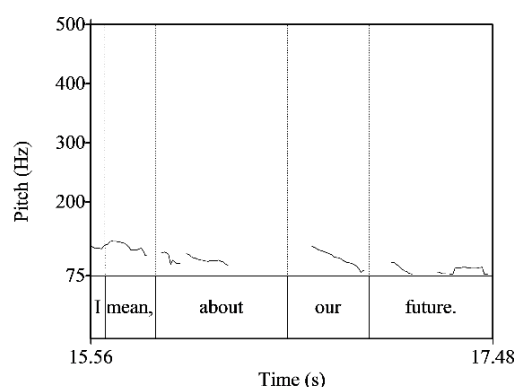

Рисунок 10.

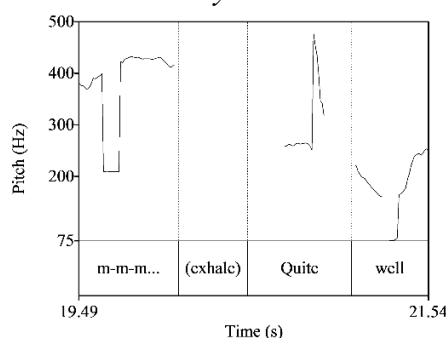

Рисунок 11.

Доказательством этому служит и тот факт, что говорящий колебался перед ответом на вопрос о том, как они ладят с братом, а также нисходящее-восходящий

Соответственно, данное местоимение произносится дольше, а высота тона голоса повышается.

Кроме того, незнание некоторых аспектов функционирования логического ударения в речи носителей может привести к недопониманию. Например, если в словосочетаниях "quite well" и "quite good" поставить логическое ударение на последнее слово, то его можно перевести как «достаточно хорошо». Однако если логическое падает стоит на "quite", то, в зависимости от контекста, это может иметь негативную коннотацию. Например, если собеседник говорит о своих взаимоотношениях с братом и ставит ударение на "quite", то это может означать, что в их отношениях не всегда присутствует взаимопонимание. (рис. 11).

ядерный тон (Fall-Rise), которая говорит о недосказанности, а также о том, что спикер, вероятно, еще не завершил реплику.

В ходе практического исследования было проанализировано значение фразового и логического ударения как основополагающих компонентов интонации, не только создающих ритм предложения, но и являющихся смысловыми различительными и экспрессивными средствами, которые позволяют говорящему наиболее точно выразить свою мысль и свое эмоциональное отношение к высказыванию и собеседнику. Более того, было выявлено, что данные виды ударений тесно связаны с произношением слов, так как могут влиять на редукцию звуков.

В ходе анализа аудиовизуальных материалов были также отмечены особенности интонации, в частности тона голоса и фразового ударения, в речи носителей диалектов Англии и «не-носителей» английского языка и выявлено, что интонационные модели разных типов коммуникативных предложений английского языка разнятся от диалекта к диалекту, из чего следует, что интонация требует детального теоретического и практического изучения для осуществления успешной коммуникации не только с носителями общепринятого произношения, но и региональных и иностранных акцентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретические основы обучения фонетике английского языка / сост. М.В. Архипова. Нижний Новгород, 2019. 19 с.
2. Практикум по экспрессивным средствам английского языка / сост. Е.Е. Белова, М.В. Зимина. Нижний Новгород, 2020. 176 с.
3. Жаркова Т.И. Интонация как звуковой рисунок в общении представителей иноязычных лингвосоциумов // Инновационное развитие профессионального образования. 2016. №1. С.27-32.
4. Практическая фонетика английского языка: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Филология» / сост. М.А. Соколова и др. М.: ВЛАДОС, 2008. 382 с.
5. Теоретическая фонетика английского языка: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / М.А. Соколова, К.П. Гинтовт, И.С. Тихонова, Р.М. Тихонова. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 286 с.
6. Oxenden C. New English File: Pre-Intermediate Student's book / Clive Oxenden, Christina / Clive Oxenden, Christina Latham-Koenig, Paul Seligson. Oxford: Oxford University Press, 2005. 159 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Teoreticheskie osnovy obuchenija fonetike anglijskogo jazyka / sost. M.V. Arhipova. Nizhnij Novgorod, 2019. 19 s.
2. Praktikum po jekspressivnym sredstvam anglijskogo jazyka / sost. E.E. Belova, M.V. Zimina. Nizhnij Novgorod, 2020. 176 s.
3. Zharkova T.I. Intonacija kak zvukovoj risunok v obshhenii predstavitelej inojazychnyh lingvosociumov // Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija. 2016. №1. С.27-32.
4. Prakticheskaja fonetika anglijskogo jazyka: ucheb. dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po napravleniju i special'nosti «Filologija» / sost. M.A. Sokolova i dr. M.: VLADOS, 2008. 382 s.
5. Teoreticheskaja fonetika anglijskogo jazyka: ucheb. dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / M.A. Sokolova, K.P. Gintovt, I.S. Tihonova, R.M. Tihonova. M.: Gumanitar. izd. centr VLADOS, 2004. 286 s.
6. Oxenden C. New English File: Pre-Intermediate Student's book / Clive Oxenden, Christina / Clive Oxenden, Christina Latham-Koenig, Paul Seligson. Oxford: Oxford University Press, 2005. 159 p.

Поступила в редакцию 09.08.2021.
Принята к публикации 11.08.2021.

Для цитирования:

Аксенова М.В., Мерзлякова А.В. Интонация как средство речевой экспрессии в УМК по английскому языку // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.122-129. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Aksenova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503778>

УДК 811.112.2'36

Архипова И.В.

Архипова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д.28. E-mail: irarch@yandex.ru.

Таксисный потенциал русских девербативов

Аннотация. В статье рассматриваются девербативы русского языка в аспекте актуализации их таксисного потенциала в высказываниях с предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики. Девербативы русского языка актуализируют примарно-таксисные значения одновременности, следования и предшествования при сочетании с таксисными предлогами темпоральной семантики *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне, при*. При сочетании с таксисными предлогами обстоятельственной (модальной, каузальной, concessивной, инструментальной, кондициональной, консеквтивной и др.) *под, при, вопреки, несмотря на, невзирая на, в силу, благодаря, ради, для, из-за, от, вследствие* русские девербативы выступают в качестве актуализаторов различных секундарно-таксисных значений одновременности, осложненных обстоятельственными элементами логической обусловленности.

Ключевые слова: девербативы, таксисный потенциал, таксисный актуализатор, таксисная категориальная ситуация, таксисная категориальная ситуация одновременности, таксисная категориальная ситуация разноновременности.

Arkhipova I.V.

Arkhipova Irina Viktorovna, Cand. Sc. (Philology), Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyuiskaya street 28. E-mail: irarch@yandex.ru.

Taxis potential of Russian deverbatives

Abstract. The article examines the deverbatives of the Russian language in the aspect of actualizing their taxis potential in statements with prepositions of temporal and adverbial semantics. The deverbatives of the Russian language actualize the primary taxis values of simultaneity, following and precedence when combined with taxis prepositions of temporal semantics *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне, при*. When combined with taxis prepositions of adverbial (modal, causal, concessive, instrumental, conditional, consecutive, etc.) *под, при, вопреки, несмотря на, невзирая на, в силу, благодаря, ради, для, из-за, от, вследствие* Russian deverbatives act as actualizers of various secondary taxis values of simultaneity, complicated by adverbial elements of logical conditioning.

Key words: deverbatives, taxis potential, taxis acutalizer, taxis categorical situation, taxis categorical situation of simultaneity, taxis categorical situation of non-simultaneity.

В русском языке девербативы являлись предметом рассмотрения ряда отечественных лингвистов, как: Н.Г. Долженко, Е.И. Коряковцева, Е.Э. Пчелинцева, Н.Н. Зольникова, И.В.Архипова и др. [1; 2; 3; 4; 5].

Наш исследовательский интерес представляют предложные девербативы русского языка в контексте актуализации их таксисного потенциала в высказываниях с предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики.

К таксисным девербативам русского языка мы относим имена следующих словообразовательных моделей: (1) *-ние/-ение, -тие/-ие* (напоминание, молчание, чтение, отбытие, прибытие, отплытие, перемещение, измерение, обдумывание, продумывание, рассмотрение, рассматривание, наблюдение, приобретение, регулирование, прогнозирование, сверление, бурение, кипение, копчение, появление, выполнение, награждение, охлаждение, приземление, пребывание, процветание, жуужжание, визжание, шелестение, лепетание, бормотание, рыдание, дремание, дрожание, щебетание, подмигивание, пожимание, кивание, глотание, возбуждение, разбрызгивание, распыливание, одобрение, предсказание, прозрение, насыщение, пробуждение, ослепление, созревание, хранение, отслоение, плавание, восхищение, огорчение, мечтание, искушение, желание, удивление, ожидание, разочарование, ощущение, увлечение, угрызение); (2) *-к(а)/-овк(а)/-ёжк(а)* (резка, варка, посадка, поливка, бомбежка, доставка, установка, разрядка, вспышка, голодовка); (3) *-ация* (реализация, оптимизация, модернизация, акклиматизация); (4) *-ч(а)* (добыча, раздача, выдача, отдача); (5) *-б(а)* (борьба, стрельба, ходьба, косьба, пальба); (6) *-ок* (кивок, толчок, бросок, пинок); (7) *-ø* (приезд, отъезд, приход, отход, обход, объезд, осмотр, просмотр, пересмотр, досмотр, развод, отлет, полет, прилет, взлет, взрыв, запрет, опрос, допрос, крик, стон, поиск). Например:

Кроме того, такая оболочка ... не пропускает жир *при варке* и *копчении*, активно «дышит» и не отстаёт от фарша *во время созревания* и *хранения* (НКРЯ).

После награждения лучших спортсменов, участникам спортивного мероприятия представили чучело зимы ... (НКРЯ).

После прибытия первого автомобиля наступила длинная пауза (НКРЯ).

При напоминании о злополучных гирих Балаганов больно толкнул Паниковского локтем (НКРЯ).

До отплытия время тянется скучно и сонно (НКРЯ).

До отбытия на фронт проживал в Ленинграде (НКРЯ).

Во время установки мы дневали и ночевали у Кремлевской стены (НКРЯ).

Во время поиска пловец смотрит на внешнюю от центра круга сторону ... (НКРЯ).

Во время полёта на борту присутствуют 6 членов экипажа и 6 инженеров ... (НКРЯ).

Первый из этих аэропланов разбился *при взлёте* (НКРЯ).

Накануне отъезда она пришла проводить его (НКРЯ).

В вышеприведенных высказываниях свой таксисный потенциал реализуют девербативы на *-ние, -тие, -ка* (см. имена *награждение, напоминание, копчение, хранение, созревание, отплытие, отбытие, варка, установка*) и безаффиксные девербативы *поиск, взлет, полет, отъезд*. При сочетании с таксисными предложениями темпоральной семантики *во время, при, до, после, накануне* они участвуют в актуализации примарно-таксисных значений одновременности, предшествования и следования.

Русские девербативы с суффиксом *-ок*, номинируя отдельные акты конкретных физических действий, характеризуются семейфактивным значением одноактности. При сочетании с таксисными предложениями темпоральной семантики они выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. Ср. следующие высказывания с девербативами *бросок, толчок* и предложениями *при, после*):

В таких случаях *при броске* обычно кричат «в склад!» (НКРЯ).

При толчке верхние три этажа слетели ... (НКРЯ).

Излучение исчезало почти сразу же *после толчка* (НКРЯ).

Девербативы в сочетании с таксисными предложениями темпоральной семантики *во время, в течение, при, с, после, перед, до, по, накануне* актуализируют примарно-таксисные значения одновременности, предшествования (строгого/нестрогого) и

следования (строгого/нестрогого). Например:

Во время посещения подземного ночного клуба в городе начинается землетрясение (НКРЯ).

При взлете из аэропорта Рио-де-Жанейро самолет, в котором он летел, рухнул в залив Гуанобара (НКРЯ).

С прибытием австрийцев я вообще уклонился от какого бы то ни было распорядительства (НКРЯ).

По прибытию на место побоища (на поле по прежнему чернели остовы танков), разведчик вынужденно признал; в голове ненормального свил себе гнездо пусть фантастический, но все же план (НКРЯ).

До прибытия разведчиков хунхузы замучили одного огородника на смерть (НКРЯ).

Накануне приезда комиссии в лагере «Белла» произошел инцидент ... (НКРЯ).

Перед посещением театра нас обильно поливали этой зловонной дезинфицирующей жидкостью (НКРЯ).

После приезда журналиста Михаила Кольцова из Испании очень усилилась его дружба с моей женой (НКРЯ).

В вышеприведенных высказываниях русские девербативы *посещение, прибытие, взлет, приезд* при сочетании с таксисными предложениями темпоральной семантики *во время, с, по, при, до, перед, накануне, после* выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисной категориальной семантики одновременности, предшествования и следования.

При актуализации примарно-таксисных значений следования и предшествования (строгого/нестрогого) в высказываниях с таксисными предложениями темпоральной семантики, могут употребляться аспектуальные, темпоральные и таксисные квантификаторы (адвербиалы и атрибуты *сразу, тотчас, вскоре, скоро, незадолго, за несколько дней, за два часа, за месяц, за несколько месяцев, за два года, за час, за несколько часов, за два часа, через полчаса, через неделю, часа через полтора, за несколько минут* и др.). Они выполняют функции лексико-семантических экспли-

каторов и временных делимитаторов разновременности, эксплицируя таксисную семантику строгого или нестрогого следования и предшествования. Данные квантификаторы указывают на темпоральное «сорасположение» соотносимых между собой действий (процессов, событий) девербативов и глаголов, делимитируя их как «строго разновременные» или «не строго разновременные». Например:

Вскоре после прибытия под Нарву было получено известие, что сюда же форсированным маршем идет шведская армия под предводительством самого короля (НКРЯ).

Буквально за два дня до отплытия пришло письмо от матери ... (НКРЯ).

Незадолго до отплытия парохода «Umbria» полиция конфисковала среди находившегося в гавани багажа ящик с 100 фунтами пороха ... (НКРЯ).

Сразу после отъезда Никанорова в Магадан культурно-воспитательный отдел управления утвердил Гришу в качестве руководителя культбригады (НКРЯ).

За несколько месяцев перед приездом Бельтова мать получила от него письмо из Монпелье (НКРЯ).

За несколько дней до отбытия в деревне начинались гульба и проводы (НКРЯ).

А за несколько дней до отплытия из Батавии умер и Тупия (НКРЯ).

Наконец через полчаса после прибытия на берег отряд достиг плоской вершины холма (НКРЯ).

Письмо это было уже прочитано хозяевами *за несколько минут перед прибытием Варнавы* (НКРЯ).

Часа через полтора после прибытия партии два арестанта-кашеvara внесли в общую камеру на шесте ушат со щами (НКРЯ).

Девербативы в сочетании с таксисными предложениями обстоятельственной (модальной, каузальной, concessивной, инструментальной, кондициональной, консекutiveй, финальной) семантики *под, при, вопреки, несмотря на, невзирая на, в силу, благодаря, ради, для, из-за, от, вслед-*

ствие актуализируют секундарно - таксисные значения одновременности, осложненные обстоятельственными элементами логической обусловленности (модально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, финально-таксисные, concessивно-таксисные, консекутивно-таксисные).

При сочетании девербативов различной семантики (акциональной, процессуальной, событийной, итеративной/неитеративной) (см. имена *взвизгивания, молчание, бормотание*) в высказываниях с таксисным предлогом модальной семантики *под* актуализируются модально-таксисные категориальные ситуации одновременности, в том числе, сопряженные итеративно-модально-таксисные категориальные ситуации, детерминированные итеративной семантикой девербативов. Например:

Под сдержанные взвизгивания гармошки Гришка вполголоса чеканил (НКРЯ).

Проснулся *под бормотание* дождя (НКРЯ).

И закончил рассказ *под молчание аудитории* (НКРЯ).

При сочетании аффиксальных и безаффиксных девербативов различной лексической семантики *применение, использование, запрещение, обещание* и др. в высказываниях с таксисными предлогами консекутивной и concessивной семантики *вследствие, несмотря на, вопреки* актуализируются консекутивно-таксисные и concessивно-таксисные значения одновременности. Например:

Эрнст видел *вследствие применения сыворотки* большую смертность, чем при прежнем лечении (НКРЯ).

Несмотря на использование латинской транслитерации, указатели основаны на албанском алфавитном порядке (НКРЯ).

... *вопреки обещанию* он не перезвонил (НКРЯ).

В Верхоянске *вследствие запрещения ввоза* в северные округа Якутской области спирта население стало употреблять одеколон (НКРЯ).

В высказываниях с аффиксальными и безаффиксными девербативами *непонимание, охлаждение, использование, применение, просмотр, прослушивание, рассмотрение, определение* и таксисными предлогами каузальной и финальной семантики *из-за, благодаря, в силу, для* актуализируются каузально-таксисные и финально-таксисные значения одновременности. Например:

Уехала, немного поправила здоровье и постепенно стала включаться в работу, быт, жизнь, общения, но мне это было сложно *в силу непонимания бестолковых забот* (НКРЯ).

Из-за охлаждения внутри обитаемого отсека образуется конденсированная вода (НКРЯ).

Благодаря использованию драйверов времени различных типов метод позволяет разрабатывать модели затрат для весьма сложных операций (НКРЯ).

Другие познаются благодаря применению современных научных способов исследования (НКРЯ).

Он приглашал Соню в гостиную *для просмотра фильма и прослушивания музыки* (НКРЯ).

Самые популярные по результатам голосования Заявки из каждого региона передаются жюри *для рассмотрения и определения кандидатов в победители...* (НКРЯ).

Итак, девербативы русского языка в случае их сочетания с таксисными предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики выступают в качестве актуализаторов таксисных значений одновременности, предшествования и следования (примарно-таксисных и секундарно-таксисных).

Девербативы русского языка актуализируют примарно-таксисные значения одновременности, следования и предшествования при сочетании с таксисными предлогами темпоральной семантики *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне, при*.

При сочетании с таксисными предлогами обстоятельственной (модальной, кау-

зальной, concessивной, инструментальной, кондициональной, консекутивной и др.) *под, при, вопреки, несмотря на, невзирая на, в силу, благодаря, ради, для, из-за, от, вследствие* русские девербативы выступа-

ют в качестве актуализаторов различных секундарно-таксисных значений одновременно, осложненных обстоятельственными элементами логической обусловленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Долженко Н.Г. Русское предложение с девербативным оборотом: синтаксический статус и семантические модели: автореф. дис. ... док-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 42с.
3. Зольникова Н. Н. Отглагольные имена в немецком и русском языках// Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 242-252.
4. Коряковцева Е.И. Имена действия в русском языке: История, словообразовательная семантика. М., 1998. 218 с.
5. Пчелинцева Е.Э. Отглагольные имена существительные в русском языке и аспектуальные разряды// Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации: [коллективная монография] / ред.: А.В. Бондарко, ред.: В.В. Казаковская, Ин-т лингвист. исследований РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 193-226.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.06.2021).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arhipova I.V. Kategorija taksisa v raznostrukturnyh jazykah. Monografija. Novosibirsk, 2020. 173 s.
2. Dolzhenko N.G. Russkoe predlozhenie s deverbativnym oborotom: sintaksicheskij status i semanticheskie modeli: avtoref. dis. ... dok-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 42s.
3. Zol'nikova N. N. Otglagol'nye imena v nemeckom i russkom jazykah// Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 7. S. 242-252.
4. Korjakovceva E.I. Imena dejstvija v russkom jazyke: Istorija, slovoobrazovatel'naja seman-tika. M., 1998. 218 s.
5. Pchelinceva E.Je. Otglagol'nye imena sushhestvitel'nye v russkom jazyke i aspektual'nye razrjady// Problemy funkcional'noj grammatiki: princip estestvennoj klassifikacii: [kollektivnaja monografija] / red.: A.V. Bondarko, red.: V.V. Kazakovskaja, In-t lingvist. issledovanij RAN. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. S. 193-226.
1. 6. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 15.06.2021).

Поступила в редакцию 30.07.2021.
Принята к публикации 01.08.2021.

Для цитирования:

Архипова И.В. Таксисный потенциал русских девербативов // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.130-134. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Arhipova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503782>

УДК 811.112.2`36

Архипова И.В.

Архипова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д.28. E-mail: irarch@yandex.ru.

Таксисный потенциал девербативов английского языка

Аннотация. В статье рассматриваются девербативы английского языка, реализующие свой таксисный потенциал в полипропозитивных высказываниях с темпоральными и обстоятельственными предлогами. Девербативы английского языка актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, следования и предшествования в случае их сочетания с темпоральными предлогами *upon, on, at, by, with, after, before, during, since, following, till/until*. При сочетании с предлогами обстоятельственной семантики (модальной, инструментальной, каузальной, concessивной, инструментальной, кондициональной, консеквтивной, финальной) *on, upon, at, with, by, in, because of, despite, in spite of, in consequence, for* английские девербативы выступают в качестве актуализаторов различных секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Ключевые слова: английские девербативы, таксисный потенциал, таксисный актуализатор, таксисная категориальная ситуация, примарно-таксисная категориальная ситуация, секундарно-таксисная категориальная ситуация.

Arkhipova I.V.

Arkhipova Irina Viktorovna, Cand. Sc. (Philology), Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyuiskaya street 28. E-mail: irarch@yandex.ru.

Taxis potential of deverbatives of the English language

Abstract. The article examines the deverbatives of the English language that realize their taxis potential in polypropositive statements with temporal and adverbial prepositions. Deverbatives of the English language actualize primary taxis categorical situations of simultaneity, following and precedence when combined with temporal prepositions *upon, on, at, by, after, before, during, since, following, till/until*. When combined with prepositions of adverbial semantics (modal, instrumental, causal, concessive, instrumental, conditional, consecutive, final) *on, upon, at, with, by, in, because of, despite, in spite of, in consequence, for*, English deverbatives act as actualizers of various secondary taxis categorical situations of simultaneity.

Key words: English deverbatives, taxis potential, taxis actualizer, taxis categorical situation, primary taxis categorical situation, secondary taxis categorical situation.

В английском языке девербативы находятся в фокусе рассмотрения некоторых отечественных лингвистов (Н.В. Аржанцева, Н.Г. Васина, И.Ю. Иевлева, И.В. Архипова) [1; 2; 3; 4]. Особого исследовательского внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос детального описания таксисного потенциала англий-

ских девербативов, способных выступать при условии их сочетания с темпоральными и обстоятельственными предлогами в качестве так называемых актуализаторов таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования.

Наш исследовательский интерес представляют английские девербативы, реализующие свой таксисный потенциал в полипропозитивных высказываниях с темпоральными и обстоятельственными предлогами.

К таксисным девербативам английского языка мы относим имена следующих словообразовательных моделей: (1) имена, образованные по типу конверсии (*run, walk, say, smile, wonder, try, surprise, temper*); (2) имена на *-ing* (*coming, landing, believing, washing, hearing, leaving, bombing, writing, painting, sailing, arriving, learning, opening, running, reading, buying, helping, drinking, saying, feeling, switching, picking, falling, receiving, travelling, trembling, flickering, jumping, shaking, chattering, rattling, moving, dancing, twittering, chirruping, winking, turning, grumbling, grunting, prohibiting, waking, awakening, objecting, knowing, understanding, feeling, seeing, viewing, surveying, supervising, inspecting, thinking, doubting, speculating, promoting, flowering*); (3) суффиксальные имена, образованные с помощью суффиксов *-ment* (*development, movement, tremblement, advancement, agreement, excitement, ravishment, harassment, resentment, astonishment, wonderment, excitement, incitement*), *-ion* (*repetition, intervention, expectation, permission, oppression, repression, presentation, prohibition, intervention, intrusion, progression, examination, observation, objection, exception, revision, interpretation, protestation, approbation, conscription, replication, calculation, contemplation, hesitation, deprecation, distraction, admiration, provocation, distraction, exhilaration, excitation, fascination, reflection, meditation, recollection, cogitation, rumination, speculation, perturbation, concentration, confusion*), *-ance (-ence)* (*disturbance, resistance, forbiddance, advance, accidence, attendance, hesistance*), *-age* (*usage, passage*), *-al* (*arrival, approval*), *-ure* (*departure*).

При условии сочетания английских девербативов вышеперечисленных деривационных моделей с предлогами темпоральной семантики *upon, on, at, by, with,*

after, before, during, since, following, till/until в обследованных высказываниях актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования, например: *With the prohibition of alcohol and cigarettes set to be lifted on Monday midnight, Zikalala called on people to be responsible (LC); During the inspection, Xi said that the Falcons are the preeminent national anti-terror force (LC); During prohibition, the law held no power and the mafia ruled the town (LC); Upon arrival, they apprehended all three suspects with the stolen goods (LC); After her hesitation, he prepared to kill her, only for Kakashi to narrowly intervene (LC); After much fan speculation about what had happened, Rachel's mom Stephanie took to Facebook to explain (LC); Thousands of Spaniards woke early and laced up their sports shoes Saturday after a prohibition on outdoor exercise during the coronavirus pandemic ended after seven weeks (LC); After the trophy presentation, Jordan held up six fingers triumphantly on the court (LC); David had advice for Sorkin following his departure (LC); Before the revision, only working-age persons were allowed to participate in voluntary social insurance (LC).*

При актуализации примарно-таксисных категориальных ситуаций следования и предшествования в высказываниях английского языка могут употребляться различные темпоральные, аспектуальные и таксисные квантификаторы. К ним относятся адвербиалы и атрибуты типа *years, two years later, weeks, two weeks, hours, two hours, about an hour, half an hour, three days, a few days, several days, two month, three month, last month, last year, later, soon, long, shortly* и др. Выступая в функции лексико-семантических экспликаторов и временных делимитаторов разновременности, они маркируют примарно-таксисную семантику строгого (сильного, контактного) следования и предшествования, например: *Years after Bass' departure, the Capitol was shaken by a public push by women in Sacramento to change the culture from within, particularly around sexual har-*

assessment (LC); The Well was temporarily closed *after the departure of a previous tenant* but successfully reopened *last year* (там же); *Shortly after its departure*, the ship overturned (LC); *Three days after her departure from Israel*, Carol's body was found (LC); *A few days after Sally's departure*, he told me he was moving to Cheney (LC); *Several days before my departure for Regensburg*, Murray Small Legs had suggested to me that the German interest in all things Native American is connected to a form of cultural, perhaps cultivated, schizophrenia (LC); The historic property known for being the fourth winery established in Napa Valley *shortly after prohibition* has been nearly destroyed by the Glass Fire (LC).

При условии сочетания с обстоятельными предложениями модальной, инструментальной, кондициональной, каузальной, concessивной, консекutiveй, финальной семантики *on, upon, at, with, by, in, because of, despite, in spite of, in consequence of, for* девербативы английского языка выступают в качестве актуализаторов различных секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (в частности, модально-таксисных, инструментально-таксисных, кондиционально-таксисных, каузально-таксисных, concessивно-таксисных, консекutiveй-таксисных, финально-таксисных), например: They did them *in the expectation* they'd get away with gouging unsuspecting women (LC); After her public comment, the audience clapped *in agreement* (LC); Many feeders with high-quality Angus genetics in their inventory procure cattle *with the expectation* that carcass quality premiums will be near their annual highs during this period (LC); *With a concentration on depression and anxiety*, episodes of extreme elation were not something JoJo had heard of (LC); *Despite Abe's departure*, Suga comes in having served as the minister in charge of the abduction issue while concurrently acting as the chief Cabinet secretary (LC); Ms Sullivan regularly develops sores and bruises underneath her breasts *because of the pressure* caused by their weight (LC); Wills even visit-

ed a private doctor *for intervention* but was offered anxiety pills and an inhaler (LC); A full 90 percent of major league players were eligible *for conscription* (LC).

Анализ эмпирического материала показал, что в полипропозитивных высказываниях с английскими девербативами с темпоральными предложениями *upon, on, at, by, with, after, before, during, since, following, till/until* актуализируются следующие примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования:

(1) *примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности*: *Upon arrival*, thick black smoke was observed exiting a one-story home, the fire department said in a news release (LC); *On arrival*, medical personnel took her in for x-rays and tests (LC); *With Warren's departure*, the presidential race has returned to a status quo where the votes of marginalized Americans are taken for granted (LC); *With the arrival of Margaret Thatcher* came the end of free school meals (LC); Here is a useful glossary of terms used or invented *during prohibition* that we still use (LC); Students who had come into the atrium *during the disturbance* now stood in groups looking warily around them (LC);

(2) *примарно-таксисные категориальные ситуации следования*: Arguably its biggest issue, however, came after Joss Whedon was hired to take over and significantly change the project *after Snyder's departure* (LC); *After some hesitation* and nervously glancing around the courtroom at the reporters seated alongside the dock, the woman voiced her decision, «Ok» (LC); *After much contemplation* we have decided close this location (LC); Below Deck without the infamous chief stew has been on fans'minds *since her departure* (LC); *Following his departure from the military*, Mr. Goudreau founded Silvercorp, which, according to its website, has planned international security for President Trump and the secretary of defense (LC); Organisers of The Open golf championship have clarified their position *following speculation* the event has been postponed (LC);

(3) *примарно-таксисные категориальные ситуации предшествования*: *Before his departure*, the Roots were churning out critically acclaimed albums and inching further into the hip-hop mainstream (LC); Leasing also comes with an added advantage in that the rentals paid by the lessee are allowable expenses to the business and are deducted *before calculation of tax*, making leasing a more tax efficient financing solution (LC); *Before their departure*, there are a couple of impostors placed into their midst (LC); Physical distancing of at least six feet is required between disassociated groups from the time of arrival *until departure* (LC).

В полипропозитивных высказываниях с английскими девербативами с обстоятельственными предложениями *with, by, at, on, upon, in, because of, despite, in spite of, in consequence, for* актуализируются следующие секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности:

(1) *модально-таксисные категориальные ситуации*: Some businesses, especially grocery stores, in sales yesterday as shoppers rushed to stock up *in expectation of the first Sunday closure* (LC); Shareholders made their investment *with the expectation* that copper prices would remain high (LC); You are accepted and welcomed *with hesitation* (LC); The prime minister spoke *with admiration* about Singh's concern for Bihar (LC); However, the opening has been delayed, *with speculation* that signs that violated copyright are being redone (LC); From reading the book, one walks away *with exhilaration*, questioning ourselves about, and of a story we have long thought we knew, but knew only a little (LC); The schemes are normally introduced *in agreement* with school governors and residents (LC);

(2) *инструментально-таксисные категориальные ситуации*: The wetlands have been damaged for decades *by the intrusion of farms and development* (LC); The rumor mill became active *with speculations* of the imminent departure of Mr. Ramjattan (LC);

(3) *кондиционально-таксисные категориальные ситуации* (в том числе, с кондициональными актуализаторами *only,*

closer и др.): *On closer inspection*, we found large amounts of metal shavings in the reservoir (LC); *Upon closer inspection*, however, it appears that opposites most certainly do attract (LC); *Upon closer observation*, we watched as they picked their way through the thin crusted snow and soggy brown leaves of fall (LC);

(4) *каузально-таксисные категориальные ситуации*: The cardinal is furious *at the intrusion* but more so on being spied (LC); My school teacher friends are freaked out *because of the hybrid teaching* (LC); The series ended after nine seasons *because of Jerry's fascination with the number nine* (LC);

(5) *концессивно-таксисные категориальные ситуации*: *Despite a hesitance on the board's behalf* to get too deep into criticisms of the policy, Ngenda pointed out that the proposed changes conflicted with existing policy and argued that policy should not require explanation (LC); *Despite her early departure from the race* last year, allies have long retained an unshakable belief in her talents as a prospective future standard-bearer for the party (LC); *Despite frequent repetition of that claim*, painting has proved hard to kill off or ignore (LC);

(6) *консекутивно-таксисные категориальные ситуации*: These loopholes were identified *in consequence of an examination of current international trends* and what pertains in other jurisdiction (LC);

(7) *финально-таксисные категориальные ситуации*: The proposed assessment roll is on file *for public inspection* at the city clerk's office (LC); A road ambulance took the car's male driver and female passenger to Colac Hospital *for observation* (LC).

Итак, девербативы английского языка различных словообразовательных моделей (на *-ing, -ion, -ment, -ance (-ence), -age, -al, -ure* и др.) реализуют свой таксисный потенциал в полипропозитивных высказываниях с темпоральными и обстоятельственными предложениями. При условии сочетания с темпоральными и обстоятельственными предложениями английские девербативы выступают в роли таксисных актуализаторов.

Девербативы английского языка выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, следования и предшествования в случае их сочетания с темпоральными предлогами *upon, on, at, by, with, after, before, during, since, following, till/until*. При сочетании с предлогами обстоятельственной семантики (модальной, инструментальной, каузальной, concessивной, инструментальной, кондициональ-

ной, консеккутивной, финальной) *on, upon, at, with, by, in, because of, despite, in spite of, in consequence, for* английские девербативы актуализируют различные секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (модально-таксисные, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, concessивно-таксисные, консеккутивно-таксисные, финально-таксисные).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Аржанцева Н. В. Семантика отглагольных существительных как основа их классификации (на материале английского, немецкого и русского языков) // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 81. С. 944-954.
3. Васина Н.Г. Отглагольные имена в категоризации таксисной семантики предложения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 17 с.
4. Иевлева И. Ю. Некоторые аспекты синтагматики английских имен действия // Значение и его варьирование в тексте: Сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича; Редкол. И. В. Сентенберг (отв. ред.) и др. Волгоград: ВГПИ, 1987. С. 138-145.
5. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 20.06.2021).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arhipova I.V. Kategorija taksisa v raznostrukturnyh jazykah. Monografija. Novosibirsk, 2020. 173 s.
2. Arzhanceva N. V. Semantika otglagol'nyh sushhestvitel'nyh kak osnova ih klassifikacii (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov) // Nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. № 81. S. 944-954.
3. Vasina N.G. Otglagol'nye imena v kategorizacii taksisnoj semantiki predlozhenija v anglijskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2011. 17 s.
4. Ievleva I. Ju. Nekotorye aspekty sintagmatiki anglijskih imen dejstvija // Znachenie i ego var'irovanie v tekste: Sb. nauch. tr. / Volgogr. gos. ped. in-t im. A. S. Serafimovicha; Redkol. I. V. Sentenberg (otv. red.) i dr. Volgograd: VGPI, 1987. C. 138-145.
5. LC – Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (data obrashhenija: 20.06.2021).

Поступила в редакцию 03.08.2021.

Принята к публикации 06.08.2021.

Для цитирования:

Архипова И.В. Таксисный потенциал девербативов английского языка // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.135-139. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/ArhipovaI.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503784>

УДК 811.112.2

Балакина Л.В.

Балакина Лилия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: lvbalakina@mail.ru.

Концепт *Wahrheit* в немецкой лингвокультуре (опыт анализа словарных дефиниций и паремий)

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу изучения концепта «*Wahrheit*» в немецкой лингвокультуре. По результатам анализа словарных дефиниций и паремий с компонентом «*Wahrheit*» в статье предпринята попытка выделить основные признаки концепта. Паремиологический фонд составляет важную часть языка и духовной культуры его носителей, отражает специфику языкового мышления народа, в нем наиболее ярко проявляются особенности менталитета нации. Передаваясь из поколения в поколение, паремии, вербализующие концепт «*Wahrheit*», являются своеобразным ориентиром поведения человека в социуме, утверждающим безусловную ценность данного концепта для немецкой культуры и предписывающим в любых ситуациях следовать правде.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологический подход, паремия, *Wahrheit*, концептуальные признаки.

Balakina L.V.

Balakina Lilia Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Smolensk State University, Russia, 170026, Smolensk, Przhevalsky st., 4. E-mail: lvbalakina@mail.ru.

***Wahrheit* concept in German linguistic culture (experience in analyzing dictionary definitions and paremias)**

Abstract. The article is devoted to the study of the concept "Wahrheit" in German linguistic culture. Based on the results of the analysis of dictionary definitions and paremias with the "Wahrheit" component, the article attempts to highlight the main features of the concept. The paremiological fund is an important part of the language and the spiritual culture of its speakers, reflects the specifics of the linguistic thinking of the people, the peculiarities of the nation's mentality are most clearly manifested in it. Passing from generation to generation, the paremias verbalizing the concept of "Wahrheit" are a kind of guideline for human behavior in society, affirming the absolute value of this concept for German culture and prescribing to follow the truth in any situations.

Key words: concept, linguocultural approach, paremia, *Wahrheit*, conceptual signs.

Современная лингвистика рассматривает язык не только как средство коммуникации и орудие познания, но и как уникальный культурный код нации, сформированный на протяжении веков базовыми ценностями носителей данной лингвокультуры. Значительная часть информации о мире поступает к че-

ловеку именно по лингвистическому каналу, поэтому, желая понять менталитет народа, следует обратить свой взор в тайны его языка. Комплексной единицей познания и отражения мира сегодня признается концепт. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [2: 3].

В рамках лингвокультурологического подхода под концептом понимается «сгусток культуры в сознании человека» [6: 40], «единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [4: 52].

При выявлении концептов, отражающих в сознании его носителей многовековой исторический опыт народа, его культурные традиции и верования, ценностные установки и приоритеты, исследователи используют данные словарных дефиниций и пословиц и поговорок. Такой материал лег в основу и данной статьи.

В немецком языке семантическое поле лексемы «Wahrheit» включает в себя в основном одно значение – соответствие действительности: «das Wahre, wahrer richtiger Sachverhalt, Übereinstimmung mit den Tatsachen» [8: 1370], «das Wahrsein, die Übereinstimmung einer Aussage mit der Sache, über die sie gemacht wird; Richtigkeit; der wirkliche, wahre Sachverhalt, Tatbestand» [7: 1705], «das, was wirklich geschehen ist» [3: 1113]. Чаще всего в иллюстрируемых значениях примерах речь идет о соответствующем действительности высказывании, лексема Wahrheit сочетается преимущественно с глаголами говорения: was er gesagt hat, ist die Wahrheit, entspricht der Wahrheit; jmdm. unverblümt die Wahrheit sagen; die Wahrheit sagen (nicht lügen); Kinder und Narren sagen die Wahrheit; der Wahrheit gemäß, der Wahrheit getreu antworten, berichten; die Wahrheit der Behauptung anzweifeln. В словаре Langenscheid даже это значение выделено в качестве самостоятельного второго значения лексемы Wahrheit: «eine Aussage, die etwas so darstellt, wie es wirklich ist»: die Wahrheit sagen, verschweigen, herausfinden.

Употребляемые в примерах эпитеты носят отрицательный характер, показывая, что правда часто вызывает неприятные эмоции: eine traurige, bittere Wahrheit; ich habe ihm ein paar unangenehme Wahrheiten sagen müssen. Встречаются также эпитеты, связанные с непосредственным восприяти-

ем правды органами чувств: die nackte, unverhüllte, reine Wahrheit. Обратим внимание на то, что лексема Wahrheit довольно часто сочетается с лексемами, выражающими количественный аспект: ich habe ihm ein paar unangenehme Wahrheiten sagen müssen, die halbe, ganze, volle Wahrheit; die lautere Wahrheit; an der Sache ist ein Körnchen Wahrheit. Если в приведенных примерах с «количественной» семантикой чаще встречаются предельные значения «die ganze, volle, lautere Wahrheit», подчеркивающие абсолютный характер правды, то в единственном «пространственном» примере указывается, напротив, ее относительность: die Wahrheit liegt in der Mitte.

Словарь Duden выделяет в качестве второго значения лексемы Wahrheit с пометой «особенно философское» значение, соотносимое в русском языке с лексемой *истина* – познание как отражение реальности: «Erkenntnis (als Spiegelbild der Wirklichkeit), Lehre des Wahren». Словарь Langenscheid фиксирует еще одно значение, закрепленное в русском языке за лексемой *истина* – признаваемое всеми верным суждение: «eine Aussage, die allgemein als richtig angesehen wird: Es ist eine anerkannte Wahrheit, dass Intelligenz gefördert werden kann».

Таким образом, лексический репрезентант концепта Wahrheit в немецком языке в первую очередь соотносится с понятием действительности и обозначает соответствие реальному положению вещей, но также словари фиксируют и дополнительные значения, соотносимые со значениями русского слова «истина», что отражают и двуязычные словари. Большое значение при переводе слова Wahrheit на русский язык имеет контекст.

Исходя из анализа словарных дефиниций, можно сказать, что концепт Wahrheit имеет следующие признаки: соответствие действительности, часто выраженное вербально и признаваемое правильным большинством людей; объективное познание действительности; может быть опасной; может непосредственно восприни-

маться органами чувств; нередко определяется количественно.

Анализ паремий немецкого языка с компонентом *Wahrheit* позволяет выделить те же концептуальные признаки, например, соответствие действительности, отражение реальности (как зеркалом) – *der Spiegel ist bei den Weibern der beste Ratgeber, der allezeit die Wahrheit redet und doch allezeit geliebt wird*.

Пословицы и поговорки, расширяя приведенные признаки, позволяют также выделить новые, например – правда может быть болезненна и опасна, она приносит неприятности: *Wahrheit tut der Zunge weh. Wahrheit bringt Hass. Wen die Wahrheit trifft, der hasst sie. Offen reden und wahr bringt die meiste Gefahr. Wer die Wahrheit geigt, dem schlägt man den Fiedelbogen um den Kopf. Wer die Wahrheit sagt, kann nirgend Herberge bekommen. Willfahren macht Freunde, Wahrsagen Feinde. Spott und Hohn ist wahrer Prediger Lohn. Man wird als Kind zur Wahrheit geprügelt und als Erwachsener für die Wahrheit*.

Поэтому люди не хотят знать правду, она редко кому нравится: *Wahrheit ist ein selten Kraut, noch seltner, der sie wohl verdaut. Иногда от правды легко отступают: Mancher besteht bei der Wahrheit wie Butter bei der Sonne. Происходит подмена правды – то, что чаще всего слышишь, и воспринимается правдой: Was Allmann sagt, ist gerne wahr*.

В результате на земле ощущается недостаток правды, в отличие от лжи, приговора и подхалимства: *Wahrheit ist jetzt krank, Lüge hat einen weiten Gang. Wahrheit muss ins Hundeloch, Schmeichler sitzt am Ofenloch. Wahrheit, Recht und Gerechtigkeit sind in der Welt ein seltsam Ding*.

Иногда прямо говорится, что правдой ничего не добьешься, деньги значат больше, чем правда: *Mit Lügen und Intrigen erlangt man mehr als mit Wahrheit und Recht. Eine Handvoll Gold ist schwerer, denn ein Sack voll Recht und Wahrheit. Oftmals wiegt eine Unze Gold mehr als ein Pfund Wahrheit*.

Однако в большинстве пословиц и поговорок правда/истина предстает как

нечто высшее, принадлежащее не нашему земному миру, а стоящее над ним: *Wahrheit ist das Licht lieb*. Существуют, правда, и пословицы, поговорки с противоположным образом, например, *Wahrheit liegt tief begraben*. Правду/истину нелегко обнаружить, она скрыта от посторонних глаз, иногда ее прячут специально: *Die Wahrheit wird mit Tüchern behängt, wie die Altäre in den Fasten*. Лексема *Wahrheit* в немецком языке часто сочетается с глаголами, обозначающими поиск, открытие, либо наоборот сокрытие информации, знания: *Wahrheit suchen, entdecken, erschließen, herausfinden, finden, verschweigen*.

Существуют в немецком языке и пословицы и поговорки, которые, напротив, подчеркивают, что правду скрыть очень сложно: *Zum Begräbnis der Wahrheit gehören viele Schaufeln*.

Правду в любом случае не удержать, она, как свет, «просачивается» наружу, утаить ее невозможно: *Die Wahrheit will an den Tag. Durch zweier Zeugen Mund wird allerwegs die Wahrheit kund. Wahrheit findet keine Herberge. Öl und Wahrheit schwimmen allzeit oben*.

Правда/истина в немецких паремиях имеет божественное происхождение: *Die Wahrheit ist die älteste Tochter vom Himmel, weil Gott ihr Vater ist*. Встречаются и другие пословицы и поговорки с компонентом *Wahrheit*, отсылающие к теме религии, церкви, где правду сравнивают с убранством церкви, библейскими мотивами: *Mit der Wahrheit spielt man alle Tage den Karfreitag. Es ist so wahr, wie das Amen in der Kirche. Es ist so wahr, wie das Evangelium*.

Это позволяет воспринимать *Wahrheit* как высшую ценность, к которой человек может и должен стремиться, но она является слишком тяжелой ношей, которая большинству людей не под силу: *Die Wahrheit ist ein Kleinod, darum will sie mancher nicht alle Tage zur Schau tragen. Die Wahrheit vergleicht man zu dieser Zeit mit den schönen Kleidern, die man nur an den Feiertagen anlegt. Die Wahrheit ist zu schwer für uns. Wir lügen oft, weil wir es gut meinen*.

Нередко правда персонифицируется: Die Wahrheit nimmt kein Blatt vor den Mund. Die Wahrheit hat ein schönes Angesicht, aber zerrissene Kleider. Последний пример показывает, что правда прекрасна по своей сути, этот атрибут встречается и еще в одной поговорке: Nichts ist schöner als das Wahre. Однако не каждый может рассмотреть ее за «разорванными одеждами», встречаются высказывания, в которых говорится о том, что правду нужно приукрашивать: Die ungeschminkte Wahrheit ist zu wahr, um schön zu sein.

Правда однолика, немногословна, скромна и тиха: Die Wahrheit hat nur eine Farbe, die Lüge mancherlei. Das Wort der Wahrheit lautet schlicht und ungeschminkt. Die Wahrheit ist rund und kurz. Lüge bedarf viel Plauderns, Wahrheit ist bald gesagt. Die Wahrheit bedarf nicht viel Worte, die Lüge kann nie genug haben. Wahrheit gibt kurzen Bescheid, Lügen machen viel Redens. Das Gerücht ist immer größer als die Wahrheit. Wer schreit, lügt: die Wahrheit hat eine leise Stimme.

Wahrheit часто предстает в пословицах и поговорках как самостоятельная, вечная сущность, побеждающая всех, кто угрожает ее существованию, ничто не может одолеть ее: Wahrheit bleibt bestehen, Lügen muss vergehen. Wahrheit bleibt, Lügen geht unter. Wahrheit verschlingt Falschheit. Der Neidhart mag die Wahrheit anfechten, aber nimmermehr obsiegen. Wahrheit baut mehr als tausend Arbeiter. Mit der Wahrheit kommt man am weitesten. Wahrheit bleibt Wahrheit. Wahrheit muss bestehen. Alles vergeht, Wahrheit besteht. Die Wahrheit geht nicht mit der Sonne unter. Wahrheit bleibt in Ewigkeit. Wahrheit ist unsterblich. Wahrheit leidet wohl Not, doch nie den Tod. Wahrheit kann gedrückt, aber nicht unterdrückt werden. Man kann die Wahrheit drücken, aber nicht erdrücken. Wahrheit wird wohl gedrückt, aber nicht erstickt. По нашим наблюдениям, это самая многочисленная группа пословиц и поговорок, что свидетельствует о восприятии правды/истины как безусловной, непреходящей ценности для немецкого

народа и значимости данного концепта в немецкой лингвокультуре.

Нередко наряду с правдой/истиной фигурируют и другие добродетели, важность и значительность которых невозможно переоценить – совесть, мужество, закон, справедливость, они являются целью человеческого бытия, они вечны и непобедимы: Wahrheit und Recht lassen sich wohl drücken, niemals jedoch unterdrücken. Drei sind Unüberwindliche: Wahrheit, Not, Gewissen. Zuletzt siegt Wahrheit, Tugend und Mut.

Мерилом правды выступает время: Die Zeit bringt die Wahrheit an den Tag. Die Zeit bringt die Wahrheit an den Tag und verschlingt die Lüge. Zeit gebiert Wahrheit. Wahrheit ist der Zeit Tochter, die aber nicht neun Monate zu ihrer Geburt bedarf. В пословицах подчеркивается, что правда должна быть своевременна: Unzeitige Wahrheit ist einer Lüge gleich. Es ist auch die Wahrheit eine Lüge, zur Unzeit geredet. Die Wahrheit von heute ist die Lüge von morgen.

Исходя из того, что правда признается одной из высших ценностей, ряд пословиц прямо призывает человека говорить правду, что соответствует правильному, нравственному поведению: Rede wenig, rede wahr, zehre wenig, zahle bar; fürchte Gott und sei verschwiegen, was nicht dein ist, das lass liegen. Ist eine Wahrheit dir zu hoch, so trag' und ehr' sie doch. Iss, was gar ist, trink, was klar ist. Sprich, was wahr ist. Правда украшает человека: Wahrheit ziert den Menschen besser, denn eine güldene Kette.

Тем не менее, не многие готовы говорить правду, так как это бывает трудно и опасно для говорящих и неприятно для слушающих, иногда правду говорят «как бы не всерьез»: Im Spiel und Spott sagt man häufig die Wahrheit. In Scherz und Spiel spricht man oft die Wahrheit. Согласно немецким пословицам чаще всех говорят правду дети, которых характеризует искренность, непосредственность и открытость, глупцы, не способные к прагматическому просчитыванию ситуации и пьяные, которые ничего не боятся: Die Lüge bedarf

gelehrter, die Wahrheit einfältiger Leute. Die Wahrheit ist bei Hofe das größte Wildbret. Narren sagen auch etwas wahr. Die Wahrheit ist des Weines, der Kinder und Narren. Der Wein ist ein Wahrsager. Trunkener Mund, wahrer Mund. Im Wein liegt die Wahrheit. Kinder und Narren sagen immer die Wahrheit. Kindermund tut Wahrheit kund.

Анализ паремиологического материала позволяет выделить различные концептуальные признаки, характеризующие концепт «Wahrheit»: правда может быть болезненна, опасна, нести неприятности; ее говорят редко; правдой ничего не добьешься; правда/истина часто скрыта от посторонних глаз; ее сложно скрыть, она обязательно становится известна; проверяется временем; правда/истина имеет божественное происхождение; ничто не может одолеть правду; она будет существовать всегда; необходимо говорить правду и др.

Как мы видим, приведенные признаки могут противоречить друг другу, на эту и другие особенности паремий указывал в своей работе В. Г. Гак: «1) нередко по одному и тому же вопросу они реализуют диаметрально противоположные суждения; 2) она содержат не аналитические определения, но оценочно-характеризующие; ... 3) они оторваны от конкретного контекста, носят обобщенный характер» [5:25].

Немецкие пословицы и поговорки демонстрируют, что отношение к правде/истине в немецкоязычной культуре неоднозначно, но значительное количество паремий с компонентом Wahrheit и разнообразие характеризующих данный концепт признаков позволяет отнести его к важнейшим этическим концептам немецкого народа, обладающим как универсальной общечеловеческой ценностью, так и самобытной культурной спецификой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамия Н.Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений. М.: Флинта, 2005. 344 с.
2. Арутюнова Н.Д. Введение//Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. 176с
3. Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык / Langenscheids Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. М.: Изд-во Март, 1998. 1248 с.
4. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
5. Гак В. Г. Истина и люди. // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 24-31
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim: Duden-Verlag, 1989. 1816 S.
8. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh/München: Wissen Media Verlag GmbH, 2002. 1451 S.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Adamija N.L. Russko-anglo-nemeckij slovar' poslovic, pogovorok, krylatyh slov i Biblejskih izrechenij. M.: Flinta, 2005. 344 s.
2. Arutjunova N.D. Vvedenie//Logicheskij analiz jazyka: Mental'nye dej-stvija. M.: Nauka, 1993. 176s
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' nemeckogo jazyka: Dlja izuchajushhih nemeckij jazyk / Langen-scheids Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. M.: Izd-vo Mart, 1998. 1248 s.
4. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. M.: ITDGK «Gnozis», 2004. 192 s.
5. Gak V. G. Istina i ljudi. // Logicheskij analiz jazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i jazyke. M.: Nauka, 1995. S. 24-31
6. Stepanov Ju. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 824 s.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim: Duden-Verlag, 1989. 1816 S.

-
8. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh/München: Wissen Media Verlag GmbH, 2002. 1451 S.

Поступила в редакцию 18.08.2021.

Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Балакина Л.В. Концепт Wahrheit в немецкой лингвокультуре (опыт анализа словарных дефиниций и паремий) // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.140-145. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Balakina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503786>

УДК 81'42

Васильева Н.А.

Васильева Наталья Александровна, старший преподаватель, Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: nat_vassilieva@mail.ru.

Эгоцентризм брачных объявлений (на материале немецкого языка)

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового эгоцентризма. Эгоцентрическая концепция освещается как частное проявление антропоцентризма с выраженной ориентацией на саморефлексирующего субъекта речи, на его «Я». Дается общая характеристика эгоцентрических текстов. На примере брачных объявлений демонстрируется самопрезентативная функция эгоцентрических текстов и принцип построения текста, при котором композиционно-смысловым ядром является личность автора объявления, его Я-концепт. В эгоцентричном тексте брачного объявления находят своё языковое отражение не только фрагменты Я-концепта самого автора, но и его отношение к реалиям современной жизни.

Ключевые слова: антропоцентризм, эгоцентризм, эгоцентрический текст, Я-концепт, эгоцентрики, самопрезентация, брачные объявления.

Vasileva N.A.

Vasileva Natalya Alexandrovna, senior lecturer, Smolensk state University, Russia, 214000, Smolensk, ul. Przhevalskogo, 4. E-mail: nat_vassilieva@mail.ru.

Egocentrism of Marriage Announcement Texts (on the Material of German)

Abstract. The article is devoted to the problem of linguistic egocentrism. The egocentric concept is highlighted as a particular manifestation of anthropocentrism with a pronounced focus on the self-reflexive subject of speech, on his "self". A general characteristic of egocentric texts is given. The example of marriage announcements demonstrates the self-presentational function of egocentric texts and the principle of text construction, in which the compositional and semantic core is the personality of the author of the announcement, his self-concept. In the egocentric text of marriage announcements not only fragments of the author's self-concept are linguistically reflected, but also his attitude to the realities of modern life.

Key words: anthropocentrism, egocentrism, egocentric text, egocentrals, self-concept, self-presentation, marriage announcements.

Антропоморфность свойственна всему человеческому опыту. Все знания, которые мы имеем о мире, человеке и месте человека в этом мире – т.е. наша «картина мира» – восходят к нашему непосредственному чувственному опыту. Информация, исходящая от внеш-

него мира, активно запечатлевается, усваивается и перерабатывается индивидом.

Антропоцентризм (от греч. *άνθρωπος* — человек и лат. *centrum* — центр) как имманентно присущее языку свойство подразумевает, во-первых, субъектность высказывания, то есть, обязательное наличие у любого высказывания создавшего

его речевого субъекта, во-вторых, локализованность высказывания в пространстве и времени относительно говорящего. Как способ описания, представления, моделирования языковой системы антропоцентризм предполагает повышенное внимание к изучению языка «с учетом той доминирующей роли, которая принадлежит порождающему и интерпретирующему его человеку» [9, с. 3-4]. Соблюдение принципа антропоцентризма в лингвистическом исследовании предполагает анализ не только «чисто» языковых явлений, но и сопутствующих им экстралингвистических факторов, таких как мотивы и интенции говорящего, ситуация общения (локальные, темпоральные характеристики, канал общения), коммуникативные функции речевого сообщения, коммуникативные стратегии и тактики говорящего и т.д.

Среди антропологических исследований особое место занимают эгоориентированные исследования, в центре которых находится не просто человеческий фактор и его роль в языке, а человек как носитель личностного и индивидуального начала, рефлексивно осознающий свою самотождественность и конструирующий свою идентичность в дискурсивных практиках [1; 3; 4; 6; 9 и др.]. Эгоцентрическая концепция является особым проявлением антропоцентризма с явно выраженной ориентацией на субъект речи и, в первую очередь, на его «я» («его»). Оба понятия – антропоцентризм и эгоцентризм – связаны друг с другом логическим отношением «общее – частное».

Личность человека, его Я – одна из фундаментальных категорий философии, психологии, социологии и других наук. Вопрос, что означает быть последовательной, самотождественной и идентифицируемой личностью, интересовал многих философов от Аристотеля до Р. Декарта, от И. Канта до Г.-Г. Гадамера, исследованию феномена Я посвятили свои труды многие психологи, например, А.Н. Леонтьев, И.С. Кон, З.Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг, Э. Эриксон, Э.Фромм, Г. Олпорт, Дж. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс [обзор см. 11], со-

циологи Г. Зиммель, Ч. Г. Кули, Дж. Г. Мид и др.

Размышляя об эволюции содержания категории «Я», М.А. Можейко подчеркивает его фактическую изоморфность историко-философской традиции в целом: от экзистенциально-персоналистской трактовки Я, подчеркивающей его самодостаточный и монологизирующий характер, через объективистски-социальные воззрения на сущность человеческого Я, включенного в социальную структуру и интерагирующего в ней, к рефлексизирующему Я в духе «философии диалога» с главенствующим принципом коммуникативности [7].

Языковой эгоцентризм определяется Е.Г. Хомяковой как «способность человека отражать в своем сознании, преломляя сквозь призму Я, образ окружающего его мира, частью которого он себя сознает и картину которого создает в процессе рече-мыслительной деятельности» [10, с. 220].

На основе сформировавшихся субъектно-объектных (я – мир) и субъектно-субъектных (я – другой человек) отношений индивидуум приходит к автосубъектным отношениям, т.е. к самосознанию. Осознание себя и своего Я тесно связано с механизмами эго-референции, т.е. способности соотносить себя и свою деятельность с окружающим миром в пространстве (эго-ориентация) и времени (эго-локация). В результате эго-референции антропространство преобразуется в эгопространство индивидуума, охватывающее темпорально-локативные характеристики его индивидуальной деятельности.

Эгоцентричность восприятия индивидуумом окружающего мира лежит в основе дейксиса, семантическое поле которого образует триада «я – здесь – сейчас/теперь». Каждый член дейктической системы наполняется говорящим индивидуальным смыслом в зависимости от его наличной позиции в социальном и культурном пространстве и времени. Б. Рассел в главе «Эгоцентрические слова» своего эссе «Человеческое познание, его сферы и границы» отмечал: «... то, что я называю

словом "здесь", необходимо отличается от того, что кто-нибудь другой называет словом "здесь"; и то, что я в данное время называю словом "теперь", необходимо отличается от того, что я назову "теперь" в другом случае, и от того, что другой человек назовет "теперь" в другое время» [8]. В этом состоит «существенная субъективность опыта каждого индивидуума» [там же]. Эгоцентричностью обладают также слова и грамматические структуры с семантикой модальности, оценки, уверенности/неуверенности и другие языковые явления, предполагающие выражение смысла с точки зрения говорящего.

Итак, антропоцентризм и эгоцентризм связаны друг с другом как целое и его часть. Точкой их пересечения является субъект. Однако «... антропоцентризм подразумевает субъектность высказываний средствами языка, эгоцентризм подчеркивает их субъективность» [3, с.179].

Природа эгоцентризма активно исследуется на материале так называемых эгоцентрических текстов. Данные тексты объединяет эксплицитное и имплицитное присутствие в композиционной и языковой структуре текста активного речевого субъекта, чаще всего заявляющего о себе в 1-ом лице и представляющего в тексте свою личную точку зрения о мире и своем месте в этом мире. «Создавая текст в прагматической перспективе собственного «Я», персонализированный субъект реализует тем самым и разные стороны своего диалогического взаимодействия с Миром, и собственные индивидуальные характерологические черты, интересы и воззрения» [4, с. 6].

Эгоцентрические тексты встречаются как среди литературно-художественных жанров (автобиографии, мемуары, дневники, эпистолярный жанр и т.д.), так и в повседневной коммуникации (различные авторизованные объявления, личные заявления, письма и т.д.) и могут быть как фикциональными, вымышленными, так и реальными, достоверными. Общим для данных эгоцентрических текстов является принцип создания текста, в котором в ка-

честве прагматического и композиционно-смыслового ядра используется местоимение «я», выдвигающее на передний план точку зрения субъекта высказывания. Кроме того, в подобных текстах зачастую обнаруживается скопление эгоцентрических языковых единиц, или эгоцентриков, под которыми понимаются «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» [8, с. 17].

К типологическим особенностям эгоцентрического повествования относятся также фрагментарность и гетерогенность, что обусловлено в первую очередь сложностью и многомерностью человеческой личности и её представлений о себе.

Основу человеческой личности и своеобразный ориентир в окружающем мире представляет собой «особая структура памяти, в которой представлена вся совокупность информации о личности и ее жизнедеятельности» - Я-концепт, прообразом которого послужила теория Я-концепции, предложенная У. Джемсом на рубеже XIX - XX веков и получившая развитие в трудах Ч. Кули, Дж. Мида, Э. Эриксона, К. Роджерса и др. ученых [5, с. 47].

Сведения, формирующие Я-концепт индивида, могут иметь разные источники и разный характер. Человек получает информацию о себе в процессе взаимодействия с другими людьми в результате прямых и косвенных оценок; сравнивая себя с другими людьми, наблюдая, анализируя и оценивая свои собственные качества; идентифицируя себя с какой-либо социальной группой или ролью и соотнося свои характеристики с социокультурно релевантными стереотипами. Н.Н. Болдырев выделяет в структуре концепта общенациональный, внутригрупповой, региональный и индивидуальный компоненты [2, с. 30]. Таким образом, Я-концепт может содержать как универсальную для всех членов общества или группы информацию (этническая принадлежность, гендерная и

возрастная характеристика, партийная принадлежность), так и строго индивидуальную (личный опыт).

Фрагменты Я-концепта задействуются в коммуникативных ситуациях, предполагающих артикуляцию своего Я или, другими словами, самопрезентацию. Самопрезентационная активность индивида может иметь различное выражение: акцентирование своего внешнего вида, использование социальных символов, например, для подчеркивания своего социального статуса, задействования невербального поведения. Однако самым ёмким средством репрезентации информации о себе и конструирования собственной идентичности является язык. Именно языковые средства выражения позволяют получить непосредственную и обширную информацию о Я-концепте индивида.

Охватить все содержимое Я-концепта в эгоцентрическом тексте в принципе невозможно, поэтому в самопрезентационном высказывании свое вербальное выражение находят именно те концептуальные признаки [там же, с. 29], которые соотносятся с коммуникативным намерением субъекта высказывания и с коммуникативной ситуацией.

Самопрезентативная функция эгоцентрических текстов может быть ярко проиллюстрирована на материале брачных объявлений (нем. *Heiratsanzeigen*) и объявлений с предложениями знакомства (нем. *Kontaktanzeigen*), так как они несут в себе отражение личностных характеристик и параметров автора как физического лица, языковой личности и участника институционального общения, т.е. в них присутствует фрагмент Я-концепта автора.

Брачные объявления представляют собой неспонтанные публичные тексты, адресованные потенциальному партнеру и инициирующие его ответную реакцию, описывающие желаемые отношения и включающие параметризацию личности адресанта и/или адресата. Данные тексты полифункциональны, они выполняют самопрезентативную, информирующую, фатическую, аппелятивную, активирующую,

манипулирующую функции. В силу коммерческого характера авторам брачных объявлений приходится быть максимально лаконичными и точными в выборе языковых средств. Институциональный характер брачных объявлений проявляется в тяготе к стандарту и клишированности, однако стремление к коммуникативному успеху в условиях конкуренции стимулирует креативность адресантов, приносит момент экспрессии и речетворчества в брачное объявление.

Эгоцентрический характер брачного объявления объясняется тем, что в прагматическом плане данный тип текста строго ориентирован на привлечение потенциального партнера к личности отправителя с целью достижения необходимого перлокутивного эффекта – установления определенных отношений. Иначе говоря, композиционный центр такого текста образует личность автора объявления, описываемая им относительно координат «я – здесь – сейчас», его Я, тщательно отобранные фрагменты которого выражаются автором как эксплицитно (в автоминациях, эгоатрибутивной лексике и т.д.), так и имплицитно (за счет лингвокреативности, создания комического эффекта и т.д.) с помощью эгоцентрических языковых единиц разного уровня.

Fühlen! *Suche empathischen, attraktiven, gerne jüngeren, dominanten Mann, der mich Kopfmensch (w, 51, 1,78 m, 79 kg, studiert, tätowiert, geimpft) verführt. Gerne (politisch) gebildet, links, nicht nur für Körperliches, sondern auch für Literatur, Theater, Musik unterschiedlichster Art, Natur/wandern/reisen. (Coolibri 09.08.2021)*

Приведенный пример женского объявления о знакомстве наглядно демонстрирует эгоцентрический принцип построения текста. Объявление сформулировано от 1-го лица (*suche, mich*), хотя само местоимение *ich* в тексте опущено из соображений языковой экономии.

В зачин текста вынесен инфинитив глагола *Fühlen!* (*чувствовать*) в форме восклицательного предложения, который находится в оппозиции выбранной авто-

ром объявления автономии *Kopfmensch* (человек, руководящийся рассудком, а не сердцем), а также канализирует внимание реципиента и служит апелляцией к потенциальному партнеру. Желание автора окунуться в мир чувств и эмоций поддерживается лексемой *verführen* (увлечь, соблазнять, обольщать).

В эгоатрибутивной части автор перечисляет некоторые характеристики своей личности: кроме традиционных параметров - пола, возраста, роста и веса, удостоивается внимания также наличие высшего образования, татуировки и прививки! В альтератрибутивной части объявления (описании образа потенциального партнера), представленной именным словосочетанием [*suche*] *empathischen, attraktiven, gerne jüngeren, dominanten Mann* ([ищу] чуткого, привлекательного, доминантного мужчину, можно моложе), также присутствует эгоцентрическая единица *gerne* (охотно), в которой автор объявления реализуется как субъект желания. Повторно данное наречие употребляется в начале обособленного многокомпонентного перечислительного ряда с описанием дополнительных желаемых характеристик потенциального партнера и возможных совместных увлечений. Такие перечислительные конструкции встречаются в брачных объявлениях достаточно часто и, как правило, относятся как к альтератрибутивной, так и к эгоатрибутивной части, поскольку предполагается наличие общих интересов у автора и будущего партнера.

Автор данного объявления как эгоцентр всего текста меняет несколько семантических ролей: в восклицательном зачине *Fühlen!* адресант выступает одновременно и субъектом речи, и субъектом восприятия; в словосочетании *gerne jünger* автор присутствует и как субъект сознания (оценочная модальность), и как субъект дейксиса (говорящий как своеобразная точка отсчёта) [ср. 8, с. 42-47]. За счёт насыщения текста эгоцентриками автор добивается эффекта личного присутствия, что немаловажно для достижения комму-

никативного эффекта в рамках дискурса брачных объявлений.

Будучи документом индивидуальной биографии, данное объявление несет в себе и отпечаток исторической эпохи, а именно упоминание об имеющейся прививке однозначно относится к текущей пандемии коронавирусной инфекции. Здесь необходимо отметить, что это не единичный случай, когда автор брачного объявления высказывает свою позицию относительно вакцинирования. Реалии современного мира диктуют авторам новые условия. Интересно, что своё отношение к прививкам чаще тематизируют женщины. Так, из 152 объявлений, опубликованных в журнале *Coolibri* за период с конца июня по начало августа 2021 года, вакцина, так или иначе, упоминается в 6 объявлениях, авторы всех шести объявлений женского пола. Наряду с негативными упоминаниями (*imffrei, impfunwillig, keine geimpften Männer*), встречаются и такие примеры:

Geimpft, genesen, getestet? Sind das eigentlich jetzt die Kriterien der Partnerwahl? ;-) Wenn Du (m, 49+, 185 cm+, gern mit Bart und Bauch) Lust hast, mich (w, 49, 173 cm) analog kennenzulernen, dann ran an die virtuelle Tinte und los. Freu mich auf nette und bebilderte Zuschriften. PS: Ja, ich bin geimpft. ;-)

 (*Coolibri*, 08.07.2021)

Автор данного объявления задаётся вопросом, неужели вакцинированность, перенесенное заболевание и сделанные тесты теперь становятся критериями выбора партнера. При этом причастие *geimpft* (привитый) обрамляет весь текст в качестве кольцевого повтора, и последний элемент данного повтора одновременно разрешает интригу автора по поводу её собственного статуса вакцинации (PS: Да, я привита.).

Эгоцентризм, являясь частным проявлением антропоцентризма, выступает принципом порождения многих типов текстов, в центр которых помещается рефлектирующий субъект. Общая для конкретного социума и неповторимая для каждого из его представителей картина мира, преломляясь сквозь призму оценивающего Я,

находит свое оформление в *мысли* и выражение - в *языке*. Брачные объявления как эгоцентрические тексты являются продуктом самопрезентационной активности индивидов. Однако, помимо фрагментов Я-концепта автора брачные объявления от-

ражают и дух времени, становятся своеобразными документами исторической эпохи, под влиянием которой авторы объявлений высвечивают те или иные качества, имеющие ценность на данный конкретный момент времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Н. Г. «Инсценированный» эгоцентризм как принцип смысло-речевой организации текстов в реальной коммуникации // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1. № 1. С. 6–14.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. Изд. 3-е, стер. 123 с.
3. Гончарова Е. А. Лингвостилистический аспект интерпретации эгоцентрических текстовых структур // Stylistics and Kozhina / Stylistyka. XIV. Opole: Uniwersytet Opolski, 2005. С. 175-189.
4. Гончарова Е. А., Ньюбина Л. М. Я – ТЕКСТ – МИР. СПб.: Политехника-сервис, 2016. 211 с.
5. Кашкина О.В. Я-концепт сквозь призму самооценочных высказываний // Вестник ВГУ, Серия «Язык и межкультурная коммуникация». 2004. №1. С. 47 – 53.
6. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №2 (58). Т.1. С. 198 - 203.
7. Можейко М. А. Я // Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом. 2003. С. 1249-1250.
8. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 440 с. (Studia philologica.)
9. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. 1948. // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000722/st003.shtml> (дата обращения: 11.08.2021)
10. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2002. 220 с.
11. Хомякова Е.Г. Языковой эгоцентризм. Уровни актуализации // Англистика в XXI веке. Материалы конференции. 22-24 ноября 2001 /Отв. ред. И.О. Рогожина. СПб., 2002. С. 220-227.
12. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2020. 608 с.
13. Coolibri. Режим доступа URL: <https://www.coolibri.de/kleinanzeigen/>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abrosimova N.G. «Insцениrovannyj» jegocentrizm kak princip smyslo-rechevoj organi-zacii tekstov v realnoj kommunikacii // Issledovanija jazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie. 2019. T. 1. № 1. S. 6–14.
2. Boldyrev N. N. Kognitivnaja semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2002. Izd. 3-e, ster. 123 s.
3. Goncharova E. A. Lingvostilisticheskij aspekt interpretacii jegocentricheskix tekstovyh struktur // Stylistics and Kozhina / Stylistyka. XIV. Opole: Uniwersytet Opolski, 2005. С. 175-189.
4. Goncharova E. A., Njubina L. M. Ja – TEKST – MIR. SPb.: Politehnika-servis, 2016. 211 s.
5. Kashkina O.V. Ja-koncept skvoz' prizmu samoocenochnyh vyskazyvanij // Vestnik VGU, Serija «Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija». 2004. №1. S. 47 – 53.
6. Kostomarov P.I. Antropocentrizm kak vazhnejshij priznak sovremennoj lingvistiki // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №2 (58). T.1. S. 198 - 203.
7. Mozhejko M. A. Ja // Novejshij filosofskij slovar'. 3-e izd., ispravl. Minsk: Knizhnyj Dom. 2003. S. 1249-1250.

8. Paducheva E.V. Jegocentricheskie edinicy jazyka. M.: Izdatel'skij Dom JaSK, 2018. 440 s. (Studia philologica.)
9. Rassel B. Chelovecheskoe poznanie, ego sfery i granicy. 1948. // Jelektron. dan. Rezhim do-stupa URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000722/st003.shtml> (data obrashhenija: 11.08.2021)
10. Homjakova E.G. Jegocentrizm rechemyslitel'noj dejatel'nosti. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2002. 220 s.
11. Homjakova E.G. Jazykovej jegocentrizm. Urovni aktualizacii // Anglistika v XXI veke. Materialy konferencii. 22-24 nojabrja 2001 /Otv. red. I.O. Rogozhina. SPb., 2002. S. 220-227.
12. H'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti: osnovnye polozhenija, issledovanija i primenenie. 3-e izd. Sankt-Peterburg: Piter, 2020. 608 s.
13. Coolibri. Rezhim dostupa URL: <https://www.coolibri.de/kleinanzeigen/>

Поступила в редакцию 09.08.2021.

Принята к публикации 12.08.2021.

Для цитирования:

Васильева Н.А. Эгоцентризм брачных объявлений (на материале немецкого языка) // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.146-152. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Vasileva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503790>

УДК 811.161.1

Игнатов И.А.

Игнатов Иван Александрович, кандидат филологических наук, доцент, Коми республиканская академия государственной службы и управления, Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 11. E-mail: ivan.al.ignatov@gmail.com.

Функционирование слова *личность* в русском литературном языке XX в

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования слова *личность* в публицистических текстах XX в. В исследовании проводился анализ словарных материалов словарей современного русского языка и 1003 контекстов, содержащих слово *личность*, извлеченных посредством обращения к Национальному корпусу русского языка. В работе показывается, что к концу XX в. происходит сужение семантического объема слова *личность*, основными значениями становятся три: 1) 'человек как отдельный член общества', 2) 'отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности', 3) 'объект правоотношений'. Первые два значения сильно сближаются.

Ключевые слова: семантика слова, лексико-семантические варианты, личность, сужение значения, русский литературный язык, современный русский язык, Национальный корпус русского языка

Ignatov I.A.

Ignatov Ivan Alexandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor, The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Russia, 167982, Syktyvkar, Communisticheskaya st., 11 E-mail: ivan.al.ignatov@gmail.com.

Functioning of the word *lichnost'* in the Russian literary language of the 20th century

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the functioning of the word *lichnost'* in the publicistic texts of the 20th century. The study analyzed the vocabulary materials of the dictionaries of the modern Russian language and 1003 contexts containing the word *lichnost'*, extracted by referring to the National Corpus of the Russian language. The work shows that by the end of the twentieth century, there is a narrowing of the semantic volume of the word *lichnost'*, the main lexical-semantic variants become three: 1) 'a person as a separate member of society', 2) 'the special combination of qualities in a person that makes that person different from others', 3) 'object of legal relations'. The first two lexical-semantic variants are very close.

Key words: word semantics, lexical-semantic variants, personality, meaning narrowing, Russian literary language, contemporary Russian language, the Russian National Corpus.

Необходимость исследования обусловлена тем, что в настоящее время активно развивается семантическая группа «персональность», в которой одно из центральных мест занимает лексема *личность*. Полное описание семантической группы необходимо для построения целостной структуры концепта

ЧЕЛОВЕК и лучшего понимания семантических процессов, происходящих в языке.

В данной работе на материале словарей современного русского языка и публицистических текстов XX в. рассмотрим формирование современных значений слова *личность*, как единицы исторически

сложившейся лексико-семантической системы языка.

Описание функционирования слова *личность* в XX в. представлено в работах Д. Вайс [1], И.Б. Левонтиной [5] и Р.И. Розиной [11].

Д. Вайс выделяет два значения: 1) 'совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность' и 2) 'носитель личности' [1, с. 93]. Эти два значения в ряде контекстов слабо различаются [1, с. 94]. В языке, по данным исследователя, *личность* как совокупность свойств употребляется в основном для обозначения моральной оценки (положительной или отрицательной) [1, с. 93], а человек как носитель личности, соответственно, рассматривается прежде всего как моральный индивид [1, с. 97], хотя и может обозначать единицу общества, обладающую неповторимыми чертами, в противопоставлении коллективу. И неповторимое, особенное высвечивается только на фоне коллектива [1, с. 93-94]. В ряде случаев, впрочем, *личность* сближается со словом *человек*, употребляясь как его синоним [1, с. 94]. Стало быть, масштабом для личности служит общество, а *личность* выступает как социальное свойство и как носитель такого свойства. Похожее заключение делает Р. И. Розина, сопоставляя содержание концептов ЧЕЛОВЕК и ЛИЧНОСТЬ [11]. С её точки зрения *личность* выступает также в двух значениях, которые несколько дифференцированы: 1) 'человек как носитель каких-либо свойств и человек как член общества' и 2) 'совокупность духовных и социальных свойств человека' [11, с. 54-55]. Употребление слова *личность* во втором значении, как совокупность свойств, по мнению исследователя, показывает, что полная реализация индивидуальных особенностей человека может быть обеспечена только в социуме [11, с. 55]: «Быть личностью – это свойство, которое предиктируется отдельным индивидам, и, как большая часть свойств, оно градуируется: можно быть крупной личностью, быть личностью в

определенной степени (быть личностью постольку, поскольку)» [11, с. 54].

И.Б. Левонтина в «Проспекте активного словаря русского языка» очерчивает специфическую структуру слова *личность* в литературном языке XX в. – начала XXI в.:

1.1 'духовно-волевой аспект человека': Его личность разрушена болезнью.

1.2 'человек, обладающий сформированной личностью': Ребенок должен стать личностью.

2.1 'человек как объект интереса': Дон Жуан был исторической личностью.

2.2 необходим. 'человек как единица общества': Интересы общества выше интересов отдельной личности.

3 разг. 'несимпатичный или малознакомый и вызывающий недоверие человек': Он встречается с какими-то подозрительными личностями.

4 'то, что это за человек': установить личность.

5 прост. уходящ. 'лицо': Не реви, личность распух нет. [5, с. 601].

Слово *личность*, в соответствии с правилами составления словаря, [10, с. 73], включают пять лексем, две из которых имеют несколько значений. Мы придерживаемся устоявшегося в языкознании подхода выстраивания семантической структуры, по которому значения 1.1 'духовно-волевой аспект человека' и 1.2 'человек, обладающий сформированной личностью' являются оттенками значения, которое можно обозначить как 'совокупность отдельных свойств человека'. Значения 2.1 'человек как объект интереса' и 2.2 необходим. 'человек как единица общества' – соответственно – оттенки значения 'человек как отдельный член общества'. Оттенки как первого, так и второго значения задают диапазон реализации этих значений в языке, поскольку они достаточно узки и не исчерпывают всего многообразия употребления этих значений.

Таким образом, И.Б. Левонтина определяет достаточно большой семантический объем слова *личность*, однако некоторые значения, составляющие этот

объём, оказываются очень узкими, частными. Исследования Д. Вайс и Р.И. Розиной не дают исчерпывающей семантической структуры слова *личность* в XX в., которая не до конца совпадает с той, что отмечает И.Б. Левонтина.

Теперь рассмотрим то, как обозначается слово *личность* в словарях русского языка (табл. 1): Толковый словарь русского языка в 4 т. (СУ) [14], Словарь современного русского литературного языка (БАС) [13], Словарь русского языка в 4 т. (МАС) [12], Словарь русского языка (СО) [8], Толковый словарь русского языка (СОШ) [9], Толковый словарь современного русского языка (Лопатин) [6], Новый словарь русского языка (Ефремова) [3].

Данные таблицы показывают, что ни один словарь не фиксирует все значения интересующей нас лексемы.

В пяти словарях из семи выделяется одно значение слова *личность*, которое в приведённой выше таблице идёт под номером 1. 'Только ед. Отдельное человеческое я, человеческая индивидуальность, как носитель отдельных социальных и субъективных признаков и свойств'. (СУ, БАС, МАС, Лопатин). В словаре Ефремовой оно имеет вид: 'совокупность свойств, присущих определённому человеку и составляющих его индивидуальность; отдельное человеческое «я»'.

В четырех словарях (СУ, БАС, СО, СОШ) у слова *личность* фиксируется значение 'намек в речи на определенное лицо; замечания, имеющие целью задеть, обидеть какое-н. определенное лицо'. Во всех словарях оно имеет помету «устаревшее». В МАС оно представлено только в виде устойчивого сочетания *перейти на личности*.

В четырех словарях (СУ, БАС, МАС, Ефремова) выделяется значение 'физиономия, лицо', которое имеет пометы просторечное, неправильное или разговорно-сниженное (Ефремова). У Ефремовой слово *личность* в этом значении находится в омонимических отношениях со словом

личность, обозначающим совокупность свойств человека.

В четырех словарях (БАС, СО, СОШ, Ефремова) отмечается значение 'человек как член общества и как носитель личного индивидуального начала'. В СО и СОШ оно представлено шире, сближаясь со словом человек.

Как видим, словарные материалы не дают целостного представления ни о семантическом объёме слова *личность*, ни о развитии семантики слова на протяжении XX в. Определённо можно судить лишь об уменьшении семантического объёма к концу XX в.

Чтобы уточнить данные словарей и исследователей рассмотрим живое употребление слова *личность* в публицистических текстах XX в. Для этого из подкорпуса публицистических текстов XX в. Национального корпуса русского языка (56 466 документов) [7] мы извлекли посредством механического отбора 1003 контекста (из 7 698 словоупотреблений).

В XX в. слово *личность* представлено преимущественно тремя значениями.

1. Значение 'человек как отдельный член общества' (638 контекстов – 63% от 1003) употребляется в следующих оттенках.

1. 'Отдельный представитель общества, индивид'. Например: *А ведь идеалом человеческого общества можно считать только общество равных индивидуумов, ориентированное на приоритет каждой отдельной личности – то есть общество горизонтального построения структуры* (К. Серафимов. Экспедиция во мрак (1978)); *Одно из главных достоинств арендных отношений в том, что они позволяют довести хозрасчет до каждого участка, бригады, рабочего места, соединить воедино интересы личности, коллектива, всего общества* (Э. Уткин. Аренда: реальность и взгляд в будущее // Горизонт. 1989).

Таблица 1. Значения слова *личность* в словарях современного русского языка.

№	Значения	Словари русского языка						
		XIX в. - XX в.		XX в.		XX в. - XXI в.		
		СУ	БАС	МАС	СО	СОШ	Ефремова	Лопатин
1	отдельный человек в обществе; индивидуум (по: МАС)			+				
2	<i>Только ед.</i> Отдельное человеческое я, человеческая индивидуальность, как носитель отдельных социальных и субъективных признаков и свойств. (по: СУ) / Совокупность свойств, присущих определенному человеку и составляющих его индивидуальность; отдельное человеческое «я» (по: Ефремова)	+	+	+			+	+
	◇ <i>человеческая личность</i>		+					
3	Образ такого отдельного я, воплощенный в произведениях искусства (по: СУ).	+ (2) книжн.					+	
4	Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения (по: Ушаков)	+		+ (1) с определением			+	
5	Человек как член общества и как носитель личного индивидуального начала. (по: БАС)		+		+	+	+	
	◇ <i>Светлая, благородная и т.п. личность; темная, подозрительная и т.п. личность.</i> ◇ <i>Свобода, неприкосновенность личности.</i> ◇ <i>Удостоверение личности</i>		+					
6	Человек как юридическое лицо						+	
	◇ <i>Установить чью-либо личность; установление личности.</i> Узнать, что за человек, его имя. (по: БАС)		+		+	+		
7	Человек с ярко выраженной индивидуальностью, необыкновенный в каком-л. отношении (по: Ефремова)			+ (1)			+ Перен.	
8	Намек в речи на определенное лицо; замечания, имеющие целью задеть, обидеть какое-н. определенное лицо (по: Ушаков)	+ (преимущ. мн.; устар.)	+ (устар.)		+ (устар.)	+ (устар.)		
	◇ <i>Перейти на личности</i> – сделать обидные замечания по чьему-л. адресу в выступлении, речи и т. д.			+	+	+		
9	Физиономия, лицо (по: Ушаков)	+ (простореч. неправо.)	+ (простореч.)	+ прост.			+ омоним. разг.-сниж	

Этот оттенок нередко употребляется при противопоставлении человека и коллектива, общества. Например: *Проблемы отношения человека к государству, государства к человеку, личности к коллективу называли и требовали коренного и всестороннего разрешения* (С. Петров. Чингиз Айтматов. Возвышение личности // Труд, 1987. 11 июля); *Однако и права личности не должны быть внесены так высоко, чтобы заслонить права общества* (А. И. Солженицын. Как нам обустроить Россию (1990)).

2. Наиболее распространённым является оттенок ‘человек с точки зрения его характера, поведения, общественного положения’. Например: *Любил Маяковского как сильную личность – это было и двояком воспитано, и мальчишескими отношениями* (А. Розенбаум. Бультерьер (1998)); *Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью* (В. Бережков. Рядом со Сталиным (1998)).

Эти оттенки могут смешиваться: *Моя мать, например, сознательно или бессознательно делала ставку на ярко выраженный индивидуализм – и в музыке, и в стиле. Она всегда противопоставляла личность коллективу* (Д. Бирюков. Чувство отвоёванной свободы // Библиотека «Огонек». 1990).

3. Оттенок ‘носитель личности, уникальных, духовных, моральных свойств’ употребляется не только для обозначения лучших представителей общества, но и для противопоставления носителя личности человеку как индивиду (в первой декаде XX в., в 20-х – 30-х гг. XX в. в эмигрантской публицистике, затем в отечественной – с 80-х гг. XX в.). Не каждый человек признаётся личностью. Например: *Стать личностью есть задача человека* (Н. Бердяев. Проблема человека (1936)); *В науке как всем известно, невозможно быть высоким профессионалом, не будучи личностью* (Ю. Шрейдер. О С. В. Мейене // Знание – сила. 1987).

4. Редким является оттенок ‘неизвестное лицо, некто’: *И сейчас еще, прохо-*

дя мимо магазина на Неглинной, я вижу каких-то опустившихся личностей, уныло пытающихся выдать сомнительный оберточный полиэтилен за японский барабанный пластик (Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)).

5. Слово личность может реализовываться в местоименной функции в оттенке ‘человек, лицо’. Например: *Отчасти утешило тщеславное рассуждение: в лагерь попадают все же личности, сочтенные опасными* (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)); *Почувствовала: в комнате сидит личность с критическим направлением мысли* (В. Дудинцев. Расставание с Камчаткой // Известия. 1990).

II. Значение ‘отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности’ (316 – 31%) используется в диапазоне двух оттенков.

1. ‘Уникальное свойство отдельного человеческого существа, которое составляет его бытие’: *Влияние таланта Чехова и покоряющая сила его личности были так велики, что к Чехову, подолгу жившему вне Москвы и Петербурга, неизменно стремились люди самых разнообразных профессий, нередко далекие от чисто литературных интересов* (А. К. Котов. Предисловие // Воспоминания о Чехове (1960)); *Секрет этой перемены – и в трагедийном таланте актрисы, наделявшей глубиной личности и силой духа своих, даже неправедных героинь, и в особом складе чеховских пьес* (Т. Шах-Азизова. Чеховская трилогия (1990)).

С 80-х гг. XX в. личность как свойство человека не рассматривается как имманентно присущее каждому человеку и может различаться, разделяясь по типам и принимаясь как «плохое» или «хорошее»: *На одной ступени мы найдем строгий контроль общественности над институтами власти, гарантии прав человека, приоритет общечеловеческих ценностей и другие достоинства, включая отвечающий демократии тип личности и высокий динамизм развития.* (В. Ядов. Наука с тем-

ным прошлым и светлым будущим // Горизонт. 1989).

2. Оттенок 'совокупность индивидуальных черт, по которым один человек отличается от другого', сближает слово **личность** со словом **индивидуальность** [4, с. 245]: *Не для того, чтобы выделиться среди других, а чтобы подчеркнуть свою личность* [= индивидуальность] (А. Клявис. Есть только надежда на будущее // Родник. 1989); *Нужно было привносить свою личность* [= индивидуальность], но как говорят джазисты «в своем квадрате» (М. Козаков. В своем квадрате (1990)).

III. Значение 'объект правоотношений' (47 – 5%) употребляется преимущественно в оттенке 'социальное свойство лица, позволяющее идентифицировать это лицо' который прилагается к человеку как участнику правоотношений: *Ни в одном из городов Австралии нет ни советских консульств, никаких представителей, кто же удостоверит нашу личность?* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966));

Оттенок 'частные (гражданские) права человека', бытующий до начала XX в., трансформируется в обозначение человека как носителя таких прав. Личность из объекта правоотношений превращается в субъекта 'человек как субъект права'. В последней четверти XX в. трансформация этого значения проявляется особенно ярко. Например: *...тот начальный период демократизации, в котором мы нынче находимся, не выработал еще правовых норм защиты личности от клеветы* (Н. Иванова. Освобождение от страха // Библиотека «Огонек». 1989)); *Внутренняя перестройка – процесс долгий и трудный. Следующий шаг – неприкосновенность личности. Нельзя не то что ударить человека, нельзя даже в шутку его задеть: а вдруг это бу-*

дет ему неприятно? (С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых (1989)).

Отметим также, что В.В. Виноградов, изучая функционирование слова **личность** в XIX в., упоминает употребление данной лексемы применительно к животным [2, с. 303]. Отдельные примеры этого значения встретились в текстах XX в.: *И вот уже: серка, серочка – свое, родное, изгибающееся в руках. Уже личность, а заматерел – и лысун. Не просто тюлень – самец* (Ю. Казаков. Единственно родное слово (1979)).

Таким образом, в XX в. происходит сужение семантического объема лексемы **личность**. Это слово употребляется преимущественно в трёх значениях: 1) 'человек как отдельный член общества', 2) 'отдельные, присущие конкретному человеку свойства, особенности', 3) 'объект правоотношений'. На первый план выступает значение 'человек как отдельный член общества'. Значения 'человек как отдельный член общества' в оттенке 'человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения' и 'неповторимо сочетающиеся, своеобразные свойства и качества человека' весьма слабо разграничиваются и в ряде случаев вполне могут рассматриваться как единая дефиниция слова **личность**, которая представляет социальное свойство человека, и человек как социальный индивид имманентно содержит это свойство.

Слово **личность** в живом словоупотреблении выступает как языковая единица, которая чаще всего используется для номинации всякого человека как носителя личностных (индивидуальных) и социальных характеристик и можно говорить о том, что личность сегодня воспринимается прежде всего как социальный индивид.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайс Д. Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 81-98.

2. Виноградов В. В. Личность // История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М., 1999. 1138 с. С. 271-305.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Рус. яз. Т. 1: А-О. 1232 с. URL: <https://lexicography.online>
4. Игнатов И.А. Слово «индивидуальность» и особенности его функционирования в языке средств массовой информации // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 243-251. DOI: 10.17223/18137083/66/20
5. Левонтина И.Б. Структура семантического поля персональности в русской лексике // Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с. С. 585-598.
6. Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Е. Е. Лопатина. М.: Эксмо, 2013. 928 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru. (дата обращения: 29.06.2021).
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Советская Энциклопедия, 1972. 847 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Оникс, 2008. 736 с.
10. Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.
11. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с. С. 52-56.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотипное. Т. 2. К – О. М., русский язык, 1986. 736 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Т.6. 1460 стб.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: Л – Ояловеть / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938. 1040 стб. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 29.06.2021).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vajs D. Chelovek, lico, lichnost' i osoba: chetyre neravnyh sopernika // Logicheskij analiz jazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i jazyke / otv. red. N. D. Arutjunova, I. B. Levontina. M.: Indrik, 1999. S. 81-98.
2. Vinogradov V. V. Lichnost' // Istorija slov / Rossijskaja akademija nauk. Otdelenie li-teratury i jazyka: Nauchnyj sovet «Russkij jazyk». Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN / Otв. red. akademik RAN N. Ju. Shvedova. M., 1999. 1138 s. S. 271-305.
3. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2 t. M.: Rus. jaz. T. 1: A-O. 1232 s. URL: <https://lexicography.online>
4. Ignatov I. A. Slovo «individual'nost'» i osobennosti ego funkcionirovanija v jazyke sredstv massovoj informacii // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2019. № 1. S. 243-251. DOI: 10.17223/18137083/66/20
5. Levontina I. B. Struktura semanticheskogo polja personal'nosti v russkoj leksike // Prospekt aktivnogo slovarja russkogo jazyka / otv. red. akad. Ju. D. Apresjan. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 784 s. S. 585-598.
6. Lopatin V. V. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka / V. V. Lopatin, E. E. Lopatina. M.: Jeksmo, 2013. 928 s.
7. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. URL: www.ruscorpora.ru. (data obrashhenija: 29.06.2021).
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka / Pod red. N. Ju. Shvedovoj. M.: Sovetskaja Jenciklopedija, 1972. 847 s.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izd., dop. M.: Oniks, 2008. 736 s.

10. Prospekt aktivnogo slovarja russkogo jazyka / otv. red. akad. Ju. D. Apresjan. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 784 s.
11. Rozina R.I. Chelovek i lichnost' v jazyke // Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty / Otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Nauka, 1991. 204 s. S. 52-56.
12. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. / AN SSSR, In-t rus. jaz. Pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd., stereotipnoe. T. 2. K – O. M., russkij jazyk, 1986. 736 s.
13. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17-ti tomah. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. T.6. 1460 stb.
14. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. T. 2: L – Ojalovet' / Gl. red. B.M. Volin, D.N. Ushakov; Sost. V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevskij, D.N. Ushakov; Pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1938. 1040 stb. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (data obrashhenija: 29.06.2021).

Поступила в редакцию 18.08.2021.

Принята к публикации 21.08.2021.

Для цитирования:

Игнатов И.А. Функционирование слова *личность* в русском литературном языке XX в // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.153-160. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Ignatov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503794>

УДК 81'1+81'27

Савицкая Е.В.

Савицкая Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Вербальный язык как средство формирования мысли

Аннотация. В статье анализируется роль вербального языка в процессе мышления. Вопрос рассматривается в семиотическом и психолингвистическом аспектах. Показывается, что вербальный язык служит отнюдь не только для передачи готовой мысли другим людям в ходе общения, но прежде всего для формирования мысли в голове индивида. Делается вывод: коммуникативная функция не является единственной и даже, возможно, самой главной функцией языка. Приводятся аргументы в пользу того, что владение вербальным языком и его применение в мыслительном процессе делает мышление полноценным, поднимая его над уровнем зачаточного невербального предметно-наглядного мышления, присущего высшим животным.

Ключевые слова: языковое / неязыковое мышление, вербальный язык, первичная моделирующая система, предметно-схемный / универсально-изобразительный код, мыслеформирующая функция языка

Savitskaya E.V.

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, 443099, Samara, 65/67 Maxim Gorki Street. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Verbal language as an instrument of thought formation

Abstract. The article contains analysis of verbal language role in the process of thinking. The issue is considered in semiotic and psycholinguistic aspects. It is shown that verbal language is used not only for transmitting ready-made thoughts to other people in the course of communication, but first of all for forming thought in an individual's head. The conclusion is drawn: communication is not the only function and even, perhaps, not the predominant function of verbal language. Arguments are offered in favor of the view that command of a verbal language and its application in thinking gives thinking its full value, raising it above the level of the rudimentary non-verbal visual-image thinking inherent in higher animals.

Key words: verbal / non-verbal thinking, verbal language, primary modelling system, sensory code, thought-forming function of a language.

В трудах по лингвистике, психолингвистике, психологии речи, семиотике широко применяется понятие 'языковое мышление'. Ставятся вопросы о мере и характере участия вербального языка в мыслительном процессе. Однако ответы на них существенно различаются в зависимости от воззрений исследователей. В настоящей статье излагается наше понимание данной проблемы, выработанное с

учетом достижений отечественных и зарубежных ученых и направленное на устранение некоторых противоречий, существующих в этой сфере.

Понятие 'языковое мышление' подразумевает существование понятия 'неязыковое мышление'. Возможность мыслить без использования словесного языка долгое время обсуждалась в рамках полемики между представителями логического

и психологического направлений в языкознании. В настоящее время эта проблема рассматривается в двух аспектах.

Первый аспект этой проблемы лежит в плоскости семиотики культуры. Сторонники западных постмодернистских течений (Р. Барт, Ж. Деррида, У.Эко, Ж. Бодрийяр, М. Фуко и др.) и представители Тартуско-московской школы (Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б.М. Гаспаров, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и др.) показали, что культуру можно представить как систему кодов, а вербальный язык – как один из этих кодов. В рамках культуры существуют невербальные коды, которые, наряду с вербальным, служат основой мышления:

- Работник физического труда целенаправленно и осмысленно совершает сложные серии ручных операций на основе предметно-наглядного мышления, не прибегая к его переводу на вербальный код.

- Таксист мысленно строит маршрут до места назначения, руководствуясь имеющейся у него в голове визуальной (несловесной) схемой города, причем эта схема представляет собой не карту, а совокупность сенсорных образов.

- Боксер на ринге предугадывает действия противника и выстраивает тактику боя, не облакая эти ментальные действия в слова (этого не позволяет темп боя).

- Скульптор мыслит пространственными формами, живописец и архитектор – еще и цветовыми гаммами, а композитор – нотными структурами в рамках музыкального семиозиса (см. о нем: [9]).

- Так называемый человек-счетчик мгновенно производит в уме головоломные арифметические действия, не вербализуя их (при такой скорости счета он просто не успевал бы выражать их словами).

Примеров невербального мышления можно привести еще немало.

«Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, – отметил Ч. Моррис. – Человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует

отождествить именно с функционированием знаков» [13, с. 45]. К этому следует добавить, что используемые знаки – далеко не только словесные. Но словесный язык – главная знаковая система. Лишь на первый взгляд может показаться, что он теряется в богатом спектре знаковых средств культуры, которыми располагает мышление. Более пристальный взгляд позволяет убедиться в его главенстве.

В этой связи следует обратиться к понятию ‘первичная моделирующая система’, которое в семиотике культуры относится к естественным языкам. Среди знаковых систем, конституирующих культуру, естественный язык первичен в том смысле, что на его основе в онтогенезе речи формируется ментальность. Личность человека «запрограммирована» прежде всего родным словесным языком; им же структурирована картина мира, им задано рациональное и эмоциональное отношение субъектов к явлениям окружающего мира, в нем заключен опыт поколений, он навязывает своим носителям паттерны поведения в социокультурной среде.

Остальные знаковые системы, которыми пользуются люди, основаны на вербальном языке и носят вспомогательный характер. Когда, например, зодчий проектирует храм, его пространственное мышление руководствуется религиозной концепцией мироустройства, существующей в словесной форме. Рабочий, совершая трудовые операции за станком, осознаёт социальную цель и смысл своих действий, и это понимание тоже базируется на вербальном мышлении. Отдельные акты неязыкового мышления, по большому счету, опираются на мышление языковое.

Таков первый аспект проблемы соотношения языкового и неязыкового

мышления. Второй ее аспект лежит в плоскости психолингвистики. Вопрос состоит в том, в какой мере и каким образом словесный язык участвует в возникновении, формировании и развертывании мысли.

Исходя из утверждений о нетождественности мышления и словесной речи,

обязательности знакового оформления мышления, возможности мыслить на невербальной основе, психологи, семиологи, логики и лингвисты поставили вопрос о том, в какой знаковой форме протекает мышление. Эту проблематику в нашей стране разрабатывали Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. и А.А. Леонтьевы, Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов, И.А. Зимняя и др., а за рубежом – Н. Хомский, Р. Джекендофф, Дж. Фодор, Дж. Катц, Ч. Филлмор, Р. Ван-Валин, У. Фоли, Дж. Миллер и др.

Со своих позиций этим вопросом занимались и представители психоанализа (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, О. Ранк и др.). Они считали, что сенсорные образы, являющиеся человеку во сне и измененных состояниях сознания, составляют своего рода невербальный «язык», и подходили к сновидениям как к текстам на этом «языке».

Руководствуясь аналогичными соображениями, но имея в виду обычное состояние сознания, Н.И. Жинкин [7] ввел понятие предметно-схемного (предметно-изобразительного) кода, под которым он имел в виду несловесную знаковую систему; ее единицы – сенсорные образы, имеющие тот или иной смысл. На базе этого кода осуществляется мышление «в чистом виде», еще не вербализованное, не развернутое в знаковую цепь, носящее нелинейный, объемный характер, но уже не свободное от определенной знаковой формы.

«То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно», – отметил Л.С. Выготский, имея в виду нелинейный, объемный характер мышления в противовес линейному характеру речи. Он сравнил мысль с нависшим облаком, которое проливается дождем слов [4, с. 46].

Словесную форму мышление обретает по мере перехода от личного предметно-изобразительного кода субъекта к общенародному словесному языку. Такой переход нужен, во-первых, потому, что результаты мышления должны передаваться другим людям, а во-вторых, потому, что словес-

ный язык – самая богатая и сложная знаковая система – обслуживает мышление полнее и,

как правило, качественнее, чем другие знаковые системы.

Мышление на предметно-изобразительном коде – это лишь начальный этап оформления мысли. Между таким мышлением и внешней (словесной) речью, объективированной с помощью произносимых звуков или графических знаков, находится внутренняя речь, представляющая собой смесь сенсорных образов и вербальных единиц, свернутая и редуцированная по сравнению с внешней речью. Согласно одному из положений отечественной теории речевой деятельности, во внутренней речи осуществляется логическое формирование и вербальное формулирование мысли, и эти процессы тесно переплетены.

«В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем», – указал С.Л. Рубинштейн [17, с. 395]. Поясняя этот тезис, он отметил: «Мысль зарождается ... в виде тенденций, сначала имеющих лишь несколько ... опорных точек, еще не вполне оформившихся. От этой мысли, которая еще больше тенденция и процесс, чем ... оформившееся образование, переход к мысли, оформленной в слове, совершается в результате очень сложной ... работы. В процессе речевого оформления мысли работа над речевой формой и работа над мыслью, которая в ней оформляется, взаимно переходят друг в друга. В самой мысли в момент ее зарождения в сознании индивида часто переживание ее смысла для ... индивида преобладает над оформленным значением ... Сформулировать свою мысль, т.е. выразить ее через обобщенные безличные значения языка, ... означает как бы перевести ее в новый план объективного знания и, соотнеся свою ... личную мысль с фиксированными в языке формами общественной мысли, прийти к осознанию объективированного значения» [17, с. 396].

В процессе формирования и формулирования мысли в голове человека осуществляется серия кодовых переходов от мысли к внешней речи. Это непростой, иногда творческий процесс. Обычный человек думает и говорит главным образом по шаблону, выработанному поколениями предшественников, а творец создает новые вербальные формы выражения мысли. Это творчество получило название *муки слова*.

Содержание духовного мира человека богато и многогранно, и попытки передать его с помощью словесной речи не всегда удачны. В ряде случаев происходит частичная потеря и искажение информации. Об этом писали поэты. В частности, потерю информации упомянул А.А. Фет [19]:

Как беден наш язык: хочу и не могу!
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди
Прозрачною волною!
Об искажении информации говорил

Ф.И. Тютчев [18]:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Н.И. Жинкин полагал, что интеллект «не понимает речи». В процессе отражения реальности интеллект создает логические понятия, суждения и умозаключения. Логическое мышление, по мнению Н.И. Жинкина, не зависит от конкретного этноязыка. «Противопоставленность дискретных кодов языка языкам интеллекта, – писал он, – породила смешанный код – внутреннюю речь, которую нужно рассматривать как универсальный предметный код, ставший посредником не только между языком и интеллектом, ... но и между национальными языками» [6, с. 18]. Он указал, что внутренняя речь «не обладает набором стандартных грамматических правил и алфавитом лексики ... В ней могут появиться ... пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонации, отдельные слова и т.п.» [6, с. 18].

Чисто мыслительный, несловесный (предметно-схемный) код переходит в

смешанный (универсально-предметный) код, совмещающий сенсорные образы и слова, а затем – в собственно словесный код. Н.И. Жинкин трактовал универсально-предметный код как «стык речи и интеллекта». Во внутренней речи на базе применения этого кода совершается перевод индивидуальной мысли на общенародный язык. По Жинкину, универсально-предметный код, в отличие от предметно-схемного, един для всех людей, благодаря чему возможен перевод с одних языков на другие и взаимопонимание в глобальном масштабе. Это логический «язык» (код) мысли.

Однако у нас имеются основания полагать, что единый для всех людей код мысли существует лишь в сфере общечеловеческих логических законов, на основе которых эмпирическое мышление адекватно отражает причинно-следственные и другие важные связи между явлениями бытия, обеспечивая успешность предметно-практической деятельности. Но даже в этой сфере Л. Леви-Брюль [10] обнаружил коренные различия в логике мышления у цивилизованных народов (носителей рационалистического сознания) и у экзотических народов (носителей мифологического сознания). Тем более различно оно в других сферах (культурной, общественной, индивидуальной).

Согласно современным представлениям, переход от мысли к речи осуществляется по следующей схеме: мотив → оформление мысли → мысль → опосредование мысли во внутреннем слове → внутренняя речь → опосредование в значениях внешних слов → семантический план → переход от семантического к словесному синтаксису → внешняя речь [8, с. 214]; [10, с. 46].

Приведем ряд свидетельств, касающихся роли языка и речи в рождении человеческой мысли (выделено мной – *Е.С.*): «Мысль не выражается, а совершается в слове» (Л.С. Выготский [4, с. 46]). «Речь включается в процесс **формирования** мышления» (С.Л. Рубинштейн [2015: 396]). «Что такое язык? Это способ не

только выражать, ... но и **творить** свои мысли» (А.Н. Толстой; цит. по: [21, с. 317]). Как видим, по мнению вышеупомянутых авторов, с помощью языка мысль не только транслируется в готовом виде; с его помощью она прежде всего **создается**.

Ошибкой было бы полагать, что мысль полностью творится средствами

дословесного ментального кода и лишь после этого с большей или меньшей точностью переводится на общенародный словесный язык. Индивидуальный предметно-схемный код вне связи с этноязыком не располагает достаточным ресурсом для того, чтобы создавать полноценную человеческую мысль, о чем свидетельствует, в частности, опыт детей-«маугли», выросших в стае зверей и оторванных от культурной и языковой среды. Без вербального языка их психическое развитие остается на животном уровне [15, с. 121-124]. Человек как микрокосм социума и культуры «закодирован» словесным языком до самых глубин своего психического естества.

Уже на ранних этапах рождения мысли в голове человека в дело вступает словесный язык. В этой связи уместно напомнить приводившийся выше тезис С.Л. Рубинштейна о том, что, вербально формулируя мысль, мы формируем ее. Как известно, человек – существо общественное (по Аристотелю [1], *zoon politikon*); его мышление, согласно гипотезе лингвистической относительности, определяется его родным языком. Человек мыслит и воспринимает мир так, как предписывает ему его этнокультура через этноязык.

Если рассмотреть этнокультуру в прескриптивно-регулятивном аспекте, а именно как комплекс коллективных жизненных установок, обуславливающих определенный этнический стереотип поведения, то можно убедиться, что эти установки передаются из поколения в поколение главным образом в онтогенезе речи, в процессе усвоения единиц родного языка в привязке к этнокультуре.

Например, резко отрицательное отношение коллектива к предательству его

интересов усваивается ребенком при семантизации слов, входящих в соответствующее лексическое поле: *предатель, изменник, отступник, ренегат, веролом, переметчик, клятвопреступник, христопродавец, сума переметная, продажная шкура, стукач, доносчик, иуда, каин* и др. Все они обладают негативным оценочным ореолом, состоящим из сем ‘презренный’, ‘коварный’, ‘враждебный’ (хотя не все вышеперечисленные слова имеют стилистически сниженную окраску). Еще до того, как столкнуться с предательством в своей жизни, ребенок через язык получает культурные предписания: предательством следует возмущаться, предателей – презирать и по возможности карать, а самому ни в коем случае не совершать предательства. Так – через языковое обеспечение культурных сценариев – формируются установки и в целом личность в лоне этнокультуры.

Если придерживаться точки зрения, согласно которой субъект сначала полностью формирует мысль на своем индивидуальном довербальном ментальном коде и лишь затем перекодирует ее на общенародный вербальный язык с целью ее передачи другим индивидам, то получится, что ментальность индивидуума по своим возможностям моделирования действительности равна совокупному разуму всего культурно-языкового коллектива. В таком случае вербальный язык нужен субъекту только как средство сообщения уже готовой мысли, т.е. для выполнения лишь коммуникативной, но не мыслеформирующей функции. Такому взгляду противостоит, во-первых, гипотеза Сепира – Уорфа, согласно которой общенародный язык диктует индивиду взгляд на мир, а во-вторых, лингвокультурология, убедительно доказывающая, что концепты, выработанные народом в его историческом развитии, являются средствами, с помощью которых индивид воспринимает действительность, мыслит и создает свою модель мира.

Согласно философской формулировке К. Маркса [13], сущность человека (а в психологической трактовке С.Л. Рубин-

штейна [16] – личность человека) есть совокупность общественных отношений. Человек представляет собой микрокосм, пребывающий в космосе лингвосоциокультуры. По Дж. Донну [5], человек – не остров; он – часть материка. По У. Блейку [2], человек – то «зерно песка», в котором отражается «огромный мир». Подобно тому, как каждая биологическая клетка содержит генетический код всего организма, каждая личность содержит культурный код всего этноса.

Экстремальным проявлением слияния единичного с общим является автоматический конформизм – душевное состояние, в котором, по Э. Фромму, «человек перестает быть самим собой, полностью усваивает тот тип личности, который ему предлагают модели культуры, и полностью становится таким, как другие, и каким они его ожидают увидеть» [20, с. 159]. Такому человеку только кажется, что он рождает собственные мысли; на самом деле он воспроизводит чужие (расхожие) мысли, принимая их за свои. Он как бы «растворён» в социокультуре, не привнося в нее ничего нового.

Речь на каждом языке регламентируется нормой и узусом, которые определяют выбор слов и их сочетаемость при порождении речи. Тем самым язык, образно говоря, «зашоривает» мышление своих рядовых взрослых носителей, не склонных к креативности, направляя их мышление в стандартное русло, тогда как дети, пока еще слабо знакомые с нормой и узусом языка, в онтогенезе речи проявляют креативность в области словотворчества, а также выбора и сочетаемости слов. Но по мере освоения нормы и узуса языка они начинают говорить (а значит, и мыслить) стандартно, как и взрослые.

Любям, подверженным автоматическому конформизму, противостоят люди неконформного склада, умеющие видеть предмет мысли сквозь призму своих, а не чужих мнений. Они способны ломать сложившиеся стереотипы и продвигать познание вперед. При этом они иногда создают новые языковые средства для новых мыс-

лей. Они не только рабы языка, но и в какой-то мере его хозяева. («Мой царь! Мой раб! Родной язык!» – писал в этой связи В.Я. Брюсов [3].) Это наблюдается в научном дискурсе, в котором беспрерывно создаются новые, ранее небывалые терминологические слова и словосочетания, отражающие всё новые и новые взгляды на мир, и в поэтическом дискурсе с его окказиональными словами, а также словосочетаниями, в которых нарушается норма лексической сочетаемости и таким путем передается индивидуально-авторское, нестандартное видение мира. Но, разумеется, и ученые, и художники слова не полностью выходят из рамок языка и культуры – иначе они утратили бы контакт и взаимопонимание с людьми.

Люди располагаются на разных делениях шкалы конформизма / неконформизма мышления.

В завершение суммируем положения, касающиеся участия вербального языка в формировании мысли.

- Даже то мышление, которое осуществляется с помощью невербальных кодов, в своей глубинной основе опирается на вербальный язык.

- На базе довербального (предметно-схемного) кода акт мышления лишь начинается; в основном же он совершается на базе вербального языка, привносящего в мышление социальный и культурный, то есть собственно человеческий компонент, исторически надстроенный над зачаточным невербальным предметно-наглядным мышлением животных.

- Индивидуум в значительной мере мыслит теми паттернами, которые заложены в него культурой через вербальный язык.

Такова, по нашим представлениям, основанным на достижениях психолингвистики и лингвосомиотики, роль вербального языка в мыслительном процессе. Отсюда следует, что язык – это далеко не только «важнейшее средство человеческого общения», как охарактеризовал его В.И. Ленин [11, с. 289]. Вербальный язык прежде всего – средство формирования мысли.

Мысль сначала создается с помощью языка (это его мыслеформирующая функция), затем передается в объективированной форме другим людям (коммуникативная функция языка), воспринимается и понимается собеседниками (перцептивно-интерпретативная функция языка). Таким

образом, на современной стадии развития цивилизации роль вербального языка как средства формирования мышления оказывается, по крайней мере, не менее важной, а возможно, и более важной, чем его роль как средства обеспечения общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Том 4. М.: Мысль, 1983. С. 376-644.
2. Блейк У. Песни невинности и опыта. М.: Северо-Запад, 1993. 271 с.
3. Брюсов В.Я. Родной язык // В.Я. Брюсов. Избранное. М.: Книжный клуб, 2019. 703 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Национальное образование, 2016. 368 с.
5. Донн Дж. Молитвы по возникающим поводам: Размышление XVII // Дж. Донн. Стихотворения и поэмы М.: Эксмо, 2011. 480 с.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
7. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: изд-во Российского гуманитарного ун-та, 2007. 560 с.
9. Капичина Е.А. Семиозисное мышление в музыке как проблема философского дискурса // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия философия. 2015. № 1. С. 137-143.
10. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М.: Красанд, 2012. 340 с.
11. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Том 25. М.: Госполитиздат, 1969. С. 255-320.
12. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал URSS, 2020. 312 с.
13. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1-6.
14. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-97.
15. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
16. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 9-25.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 705 с.
18. Тютчев Ф.И. Silentium // Ф.И. Тютчев. Стихотворения. М.: Профиздат, 2015. 288 с.
19. Фет А.А. Как беден наш язык! ... // А.А. Фет. Стихотворения. М.: Эксмо, 2017. 384 с.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
21. Черкасова Л.Н., Попова Е.В. Подготовка к сочинению на ОГЭ. М.: Эксмо, 2018. 336 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochinenija. V 4-h tt. Tom 4. M.: Mysl', 1983. S. 376-644.
2. Blejk U. Pesni nevinnosti i opyta. M.: Severo-Zapad, 1993. 271 s.
3. Brjusov V.Ja. Rodnoj jazyk // V.Ja. Brjusov. Izbrannoe. M.: Knizhnyj klub, 2019. 703 s.
4. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovanija. M.: Nacional'noe obrazovanie, 2016. 368 s.
5. Donn Dzh. Molitvy po vznikajushhim povodam: Razmyshlenie XVII // Dzh. Donn. Stiho-tvorenija i pojemy M.: Jeksmo, 2011. 480 s.
6. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii. M.: Nauka, 1982. 159 s.

7. Zhinkin N.I. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. Izbrannye trudy. M.: Labirint, 1998. 368 s.
8. Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. M.: izd-vo Rossijskogo gumanitarnogo un-ta, 2007. 560 s.
9. Kapichina E.A. Semioznoe myshlenie v muzyke kak problema filosofskogo diskursa // Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Serija filosofija. 2015. № 1. S. 137-143.
10. Levi-Brjul' L. Pervobytnoe myshlenie. Kollektivnye predstavlenija v soznanii pervobytnyh ljudej i ih misticheskij harakter. M.: Krasand, 2012. 340 s.
11. Lenin V.I. O prave nacij na samoopredelenie // V.I. Lenin. Poln. sobr.
12. soch. 5-e izd. Tom 25. M.: Gospolitizdat, 1969. S. 255-320.
13. Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskie edincy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija. M.: Editorial URSS, 2020. 312 s.
14. Marks K. Tezisy o Fejerbahe // K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija. 2-e izd. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1955. S. 1-6.
15. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika: Antologija. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2001. S. 45-97.
16. Palmer Dzh., Palmer L. Jevoljucionnaja psihologija. Sekrety povedenija Homo sapiens. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2003. 384 s.
17. Rubinshtejn S.L. Problemy psihologii v trudah Karla Marksa // Voprosy psihologii. 1983. № 2. S. 9-25.
18. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SPb.: Piter, 2015. 705 s.
19. Tjutchev F.I. Silentium // F.I. Tjutchev. Stihotvorenija. M.: Profizdat, 2015. 288 s.
20. Fet A.A. Kak beden nash jazyk! ... // A.A. Fet. Stihotvorenija. M.: Jeksmo, 2017. 384 s.
21. Fromm Je. Begstvo ot svobody. M.: Progress, 1989. 272 s.
22. Cherkasova L.N., Popova E.V. Podgotovka k sochineniju na OGJe. M.: Jeksmo, 2018. 336 s.

Поступила в редакцию 01.08.2021.

Принята к публикации 04.08.2021.

Для цитирования:

Савицкая Е.В. Вербальный язык как средство формирования мысли // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.161-168. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Savitskaya.pdf>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503801>
УДК 340.12

Минеева И.А.

Минеева Ирина Александровна, судья, Нижегородский областной суд, Россия, 603951, г. Нижний Новгород, ул. Студенческая, д. 23. E-mail: mineeva1r@yandex.ru.

Требования к государственным служащим в системе политико-правовых воззрений М.М. Сперанского

Аннотация. Статья посвящена анализу политико-правовых воззрений М.М. Сперанского относительно различных аспектов государственной службы и, прежде всего, - требований к подготовке и квалификации чиновников. Исследовались труды М.М. Сперанского («Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного преобразования)», «Руководство к познанию законов», «Предварительные рассуждения о просвещении в России вообще»), а также ряд императорских указов, принятых при его непосредственном участии.

Ключевые слова: М.М. Сперанский, государственная служба, требования служебного соответствия, чиновничество, подготовка государственных служащих, экзамен на чин.

Mineeva I.A.

Mineeva Irina Aleksandrovna, judge, the Nizhny Novgorod Regional Court, Russia, 603951, Nizhny Novgorod, Studencheskaya str., 23. E-mail: mineeva1r@yandex.ru.

Requirements for civil servants in the system of political and legal views of M. M. Speransky

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political and legal views of M. M. Speransky regarding various aspects of the civil service and, above all, the requirements for the training and qualification of officials. The works of M. M. Speransky («Introduction to the code of state laws (Plan of general state transformation)», «Guide to the knowledge of laws», «Preliminary discussions on education in Russia in general»), as well as a number of imperial decrees adopted with his direct participation, were studied.

Key words: M. M. Speransky, civil service, service compliance requirements, officialdom, training of civil servants, rank exam.

Организационно-правовые изменения, происходившие в сфере государственной службы в конце XVIII – начале XIX вв., неминуемо порождали

определенные воззрения на произошедшие и желаемые реформы. В свою очередь идеи, генерируемые политико-правовыми писателями, общественными деятелями,

оказывали воздействие на властные круги в принятии нормативно-правовых и организационных мер в сфере государственной службы. В значительной степени эта взаимная зависимость политико-правовых воззрений и правительственных мер проявилась в вопросах критериев приема на государственную службу, требованиях, предъявляемых к потенциальным и действующим государственным служащим. Именно по этому блоку проблем носители значимых политико-правовых идей и властные субъекты воплощались в одном лице, например М.М. Сперанский, бывший и идеологом, и разработчиком соответствующих нормативных правовых актов.

Начать обзор политико-правовых воззрений М.М. Сперанского на государственную службу необходимо с его позиции относительно обязательности государственной службы для главенствующего экономически и политически сословия. Так, ограничение периода службы определенным минимальным сроком в десять лет с установлением её обязательности для дворянства предлагалось М.М. Сперанским в его проекте «Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования)»: «...дворянство...свободно от личной службы очередной, но обязано непременно отправлять оную в гражданском или воинском звании не менее 10-ти лет по своему выбору...» [8]. Более того, М.М. Сперанский предложил меру, которая не могла быть встречена дворянством иначе, как в штыки: лишать потомственного дворянства и переводить его в личное в случае уклонения дворянина от службы.

М.М. Сперанский был также глубоко озабочен проблемами подготовки юношества к государственной службе, предполагая необходимым создать с этой целью специальное учебное заведение: «Надобно, чтобы сии сто человек рассыпаны были в народе и свет, ими приносимый, не терялся бы в странах отдаленных» [1, С. 47 - 48]. Такая высокая задача нашла свое отражение в проекте устава Царскосельского лицея, подготовленного в 1808 году Михаи-

лом Михайловичем Сперанским, где четко было обозначено его назначение – генерация государственных служащих высокой квалификации: «Лицей учреждается для образования юношества, особенно предназначенного к высшим частям государственной службы» [2, С. 50]. М.М. Сперанский на примере Царскосельского лицея, видимо, хотел подчеркнуть важность образования в карьере государственного служащего, указывая, что поступление выпускников на службу должно зависеть не от родовитости и связей, а «должно быть основано на успехах» [12, С. 215]. В 1848 году в лицейский устав были внесены изменения, согласно которым профилем выпускников должна была становиться гражданская служба, в особенности в Министерстве внутренних дел, а с 1856 года по ходатайству выпускника лицея А.М. Горчакова – также в Министерстве иностранных дел [7, С. 40]. Отметим, что Царскосельский лицей, наряду с пажеским корпусом и училищем правоведения принадлежал к элитным учебным заведениям, в которых наиболее ярко был выражен сословно обусловленный подход к государственной службе. Поскольку окончание этих учебных заведений давало привилегии при поступлении на государственную службу, туда было разрешено принимать только детей родовитых дворян и высокопоставленных чиновников.

Как видный представитель либерального направления политико-правовой мысли М.М. Сперанский предпринял несколько важных шагов в усовершенствовании кадровой политики в области государственной службы Российской империи. Так, 3 апреля 1809 года был издан инициированный М.М. Сперанским указ «О неприсвоении званиям камердинеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначального чина» [4, С. 899 - 900], который прерывал сложившуюся практику записывать детей родовитых дворян с детства на

придворную службу. Им определялось, что каждый обладатель звания камердинера или камер-юнкера должен был определиться на действительную службу, а впредь же эти звания не должны были присваиваться как служебный чин, переходя в знак отличия императора.

Ссылаясь на опыт зарубежных стран, он обратился к Александру I с предложением введения квалификационного экзамена для занятия должностей государственной службы: «Учение ещё никогда не было у нас поставлено условием необходимым и обязанностию непременною для вступления в службу и занятия гражданских мест. Между тем известно, что условие сие в других государствах существует. Не говоря уже о Франции, ни в Австрии, ни в Англии, ни в немецких землях никто не может быть ни адвокатом, ни прокурором без аттестата и испытания известных учебных мест» [9, С. 329]. Подобные воззрения М.М. Сперанского воплотились в эпохальном для системы дореволюционной государственной службы указе от 06 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» [5, С. 1054 – 1057]. Документ имел целью привлечения на службу профессионально подготовленных соискателей «мест». Ранее действовавшие Предварительные правила народного просвещения от 24 января 1803 г. [3, С. 437 – 442], очевидно, своей цели не достигли.

Ожидаемо резко против выступили консерваторы во главе с Николаем Михайловичем Карамзиным. Еще более нарушали устоявшийся порядок вещей проекты М.М. Сперанского относительно деления подданных на три «состояния», первое из которых напрямую увязывалось с государственной службой: как личные, так и потомственные дворяне обязаны были, по замыслу реформатора, проходить военную или гражданскую службу не менее десяти лет, теряя в случае уклонения от службы свой статус [10, С. 51 – 52]. Идеи, к реализации которых М.М. Сперанский склонял императора, были настолько смелы, что, по выражению выпускника Царскосельского лицея, впоследствии статс-секретаря и действительного тайного советника Модеста Андреевича Корфа, «неизмеримо легче было написать, чем осуществить написанное» [6, С. 111].

Подобные проекты, идеологически восходящие, на наш взгляд, к эпохе Петра I, могли бы стать коренным переломом в отношении российского общества и государства к службе. Вместе с тем такой крутой поворот в судьбах дворянства шёл в разрез со сложившимися среди российской политической элиты представлениями о дворянских вольностях и привилегиях, открывал путь к выдвижению конкурирующего сословия – разночинной интеллигенции [11, С. 121], – и не мог встретить в дворянских кругах иной реакции, кроме крайне отрицательной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология педагогической мысли в России первой половины XIX в. М.: Педагогика, 1987. 558с.
2. Безгласная О.А. Проявления инакомыслия в первой трети XIX в. и меры государственного принуждения по его подавлению: дисс...канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 217 с.
3. Именной указ 24 января 1803 г., данный Сенату «Об устройстве училищ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXVII. С. 437 – 442.
4. Именной указ 3 апреля 1809 г., данный Сенату «О неприсвоении званиям камердинеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначального чина» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

- 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXX. С. 899 – 900.
5. Именной указ 6 августа 1809 г., данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 – 1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб.: Тип II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXX. С. 1054 – 1057.
 6. Корф М.А. Жизнь графа М.М. Сперанского. СПб.: Изд. Императорской публичной б-ки, 1861. Т. 1. 283 с.
 7. Сергевнин С.Л. Двухсотлетие Императорского Царскосельского лицея: некоторые размышления после юбилея // Платон. 2012. №1. С. 37 – 41.
 8. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Электрон. дан. Режим доступа URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/> (дата обращения 15.07.2021)
 9. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. Сборник трудов / Отв. ред. И.Д. Осипов. Серия «Русская государственная мысль». СПб.: Наука, 2002. 678 с.
 10. Харитонов Г.Б. Политическая и государственная деятельность М.М. Сперанского 1797 – 1838 гг.: исторический аспект исследования: дисс...канд. историч. наук. М., 2003. 193 с.
 11. Шеншина В.С. Деятельность М.М. Сперанского по преобразованию Российского государства: теория и практика: 1801 – 1812 гг.: дисс...канд. историч. наук. Воронеж, 2002. 181 с.
 12. Щеглов А.В. Пушкинский лицей: воспитание гражданина и воина // Общество и право. 2003. № 1. С. 91 – 100.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Antologija pedagogicheskoy mysli v Rossii pervoj poloviny XIX v. M.: Pedagogika, 1987. 558s.
2. Bezglasnaja O.A. Projavlenija inakomyslija v pervoj treti XIX v. i mery gosudarstvennogo prinyzhenija po ego podavleniju: diss...kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2011. 217 s.
3. Imennyy ukaz 24 janvarja 1803 g., dannyj Senatu «Ob ustrojstve uchilishh» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. 1649 – 1825 gg. / Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). – SPb.: Tip II Otdelenija Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T. XXVII. S. 437 – 442.
4. Imennyy ukaz 3 aprelja 1809 g., dannyj Senatu «O neprisvoenii zvanijam kamerdinerov i kamerjunkerov nikakogo china ni voennogo, ni grazhdanskogo i ob objazannosti lic, v sih zvanijah sostojashhih, vstupit' v dejstvitel'nuju sluzhbu i prodolzhat' onuju po ustanovlennomu porjadku s pervonachal'nogo china» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. 1649 – 1825 gg. / Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). – SPb.: Tip II Otdelenija Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T. XXX. S. 899 – 900.
5. Imennyy ukaz 6 avgusta 1809 g., dannyj Senatu «O pravilah proizvodstva v chiny po grazhdanskoj sluzhbe i ob ispytaniyah v naukah dlja proizvodstva v kollezhskie asessory i statskie sovetniki» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. 1649 – 1825 gg. / Pod red. M.M. Speranskogo (v 45-i tomah). – SPb.: Tip II Otdelenija Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T. XXX. S. 1054 – 1057.
6. Korf M.A. Zhizn' grafa M.M. Speranskogo. SPb.: Izd. Imperatorskoj publichnoj b-ki, 1861. T. 1. 283s.
7. Sergevnin S.L. Dvuhsotletie Imperatorskogo Carskosel'skogo liceja: nekotorye razmyshlenija posle jubileja // Platon. 2012. №1. S. 37 – 41.
8. Speranskij M.M. Vvedenie k ulozheniju gosudarstvennyh zakonov (Plan vseobshhego gosudarstvennogo obrazovaniya) // Jelektron. dan. Rezhim dostupa URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/> (data obrashhenija 15.07.2021)
9. Speranskij M.M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. Sbornik trudov / Otv. red. I.D. Osipov. Serija «Russkaja gosudarstvennaja mysl'». SPb.: Nauka, 2002. 678 s.
10. Haritonova G.B. Politicheskaja i gosudarstvennaja dejatel'nost' M.M. Speranskogo 1797 – 1838 gg.: istoricheskij aspekt issledovaniya: diss...kand. istorich. nauk. M., 2003. 193 s.

-
11. Shenshina V.S. Dejatel'nost' M.M. Speranskogo po preobrazovaniju Rossijskogo gosudarstva: teorija i praktika: 1801 – 1812 gg: diss....kand. istorich. nauk. Voronezh, 2002. 181 s.
 12. Shheglov A.V. Pushkinskij licej: vospitanie grazhdanina i voina // Obshhestvo i pravo. 2003. № 1. S. 91 – 100.

Поступила в редакцию 09.08.2021.

Принята к публикации 11.08.2021.

Для цитирования:

Минеева И.А. Требования к государственным служащим в системе политико-правовых воззрений М.М. Сперанского // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С.169-173. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Mineeva.pdf>